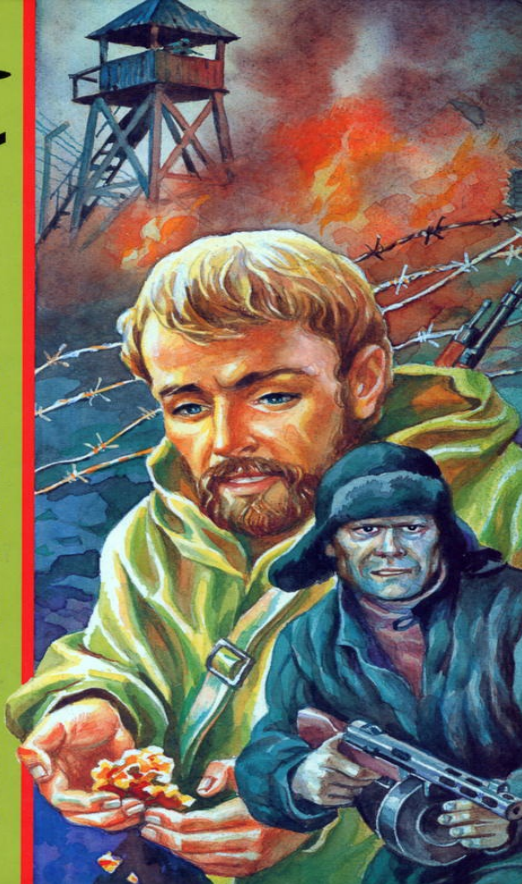

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

СЕРГЕЙ ГОРЯИНОВ

ЗОЛОТО ТОФАЛАРОВ

Annotation

Роман «Золото тофаларов» писателя С. Горяинова — остросюжетный криминальный боевик. Главный герой узнает о том, что в середине 50-х годов в Восточных Саянах, в лагере близ золотодобывающего прииска, возник мятеж. Охрана уничтожена, заключенные разбежались. Со складов бесследно исчезает несколько сотен килограммов золота. Поверив в реальность этой истории, Сергей организует экспедицию в заброшенный район. Он обнаруживает крупный прииск —

центр империи теневой
золотодобычи. Жизнь членов
экспедиции оказывается под угрозой.

- [Сергей Горяинов](#)

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Сергей Горяинов ЗОЛОТО ТОФАЛАРОВ

От автора

Несмотря на то что некоторые события, изложенные в этой книге, происходили в действительности, лицам, имеющим отношение к российскому теневому рынку золота, не следует принимать мой рассказ слишком близко к сердцу. Хорошо известно, что в делах такого рода истины просто не существует, хотя

приближение к ней может быть бесконечным.

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
Л. В. ГОРЯИНОВОЙ*

Глава 1

МЯТЕЖ

(11 сентября 1954 года)

Шел дождь. Промозглый мелкий дождь пятые сутки поливал верховья Бирюсы. Было холодно и безветренно. Тайга на склонах гор, окружавших лагерь, подернулась желтым и красным, но в сером свете холодного дня цвета были неяркими, грязноватыми. Тяжелый туман лежал в распадках.

Лагерь, поселок, прииск и дорога утопали в жидкой грязи, размешанной гусеницами бульдозеров, стекающей по

бесчисленным причудливым каналам, пробитым гидропушками золотодобывающих установок. На юго-запад от Покровского — основной базы, ближе к Андреевскому, шли взрывные работы, и каждые полчаса пропитанный дождем воздух вздрагивал, донося плотный гул взрыва.

Майор Семен Захарченко, начальник лагеря, стоял у окна караульного помещения и смотрел, как колонна из полусотни мокрых, облепленных грязью зэков в сопровождении пяти автоматчиков и двух собак вползает в ворота зоны. Охранники были в плащ-палатках, капюшоны скрывали лица, спереди

плащи оттопыривались и под ними угадывались очертания неуклюжих ППШ с круглыми магазинами.

Жестяная печка в караулке светилась багрово сверху, у трубы, и тихо монотонно гудела. Тепло было и сухо, и спать хотелось смертельно. Но спать никак нельзя — опасное теперь это занятие, плохо может кончиться. Майор дернул головой, ударившись виском о раму окна. «Вот уж стоя засыпаю. Сутки еще не выдержу. Ночь даже не выдержу. Плохо...»

Дверь распахнулась, впуская волну сырости, капли дождя долетели до печки, зашипели на раскаленном металле. Вошедший

офицер откинул капюшон, усталым жестом приложил ладонь к козырьку фуражки.

— Ну что, Саша? — Майор снял с полки кружки, нашарил в столе кулек с сахаром. — Плохи дела-то наши?

— Людей мало, товарищ майор. — Лейтенант провел мокрой ладонью по лицу, сел у стола.

— Вот-вот. Мало людей-то, а золота много. Слишком много золота. С сегодняшним за центнер перевалит наверняка. У тебя сколько сняли?

— Пятнадцать с небольшим.

— У тебя пятнадцать, у Григорьева десять, у Леши восемь с

половиной — точно за сотню будет.

— Что по связи передают, товарищ майор?

— Да нет связи почти. Утром пробились кое-как, один треск. Ждите, говорят. И так уж неделю ждем. И сегодня самолета не будет. Погода, чтоб ее...

— Может, прекратить добычу? Временно, до самолета?

— Нельзя, Саша. Всю ораву в одном месте держать нельзя. Информаторы сообщают — совсем зверье на взводе. Уголовные оскалившись ходят. Если б можно было, я третью часть в верховья, на Хорму отправил, да людей в охрану нет. Гоценко в твоём отряде?

— Клич? Да, у меня.

— Как он?

— Тихий последнее время, почти не видать.

— Повнимательнее будь, Саша. Все вокруг него собираются. Он и еще трое. Зверье!

— Побег готовят?

— Кабы побег... Кусок огромный под боком — сотня кило, и с каждым днем все больше и больше. А настроения — сам знаешь! Лаврентий уже год как враг народа, а у нас ни одного пересмотра приговора пока. Если самолета еще пару дней не будет, Клича надо убирать!

— Куда ж его денешь?

— Туда! — Майор ткнул пальцем в низкий дощатый потолок. Обрюзгшее лицо его на мгновение стало жестким, холодным. — Попытка к бегству.

— Но...

— Какое «но», сынок? На mine сидим, в любой момент рвануть может. Вот что, Саша. Я тебе доверяю. Больше всех здесь доверяю, поэтому и позвал. Дело одно надо будет сделать, Саша. Очень ответственное дело. Как стемнеет, возьмешь солдата и двух зэков, каких скажу. Двух лошадей возьмешь, четыре вьючника. Заберешь золото из хранилища и доставишь на Катышный, в верховья. Там

схоронишь и сразу назад. Сроку тебе даю восемь часов. Смотри сюда. — Майор достал карту из планшета. — Вот здесь, во втором распадке снизу, есть оборудованное место. Бункер. Нашла партия геодезистов в сорок седьмом. В управлении про него известно, так что в случае чего будут знать, где искать металл.

— А что за бункер, откуда?

— Эх, парень! Золото здесь до нас еще лет двести добывали. Даже путь, говорят, контрабандный проходил. Сам знаешь, на полигонах то ружье кремневое поднимут, то череп с дыркой. Места с историей — человек покروшили здесь немало. Бункер найдешь вот по этой кроке.

[1] Лейтенант посмотрел на маленький листок бумаги и хотел спрятать его в карман гимнастерки.

— Нет. — Майор остановил его руку. — Надо запомнить, Саша. И сразу забыть потом.

— Запомнил. — Лейтенант отдал рисунок. — Кого я должен взять с собой?

— Возьмешь сержанта Павленко, Каманова Володю и Федорова из Лешинного отряда.

— Зачем эков брать?

— Вдвоем быстро не управитесь, а мне здесь нужен каждый человек.

— Почему именно этих?

— Каманов был со мной в

Восточной Пруссии, в сорок четвертом. На фронт попал семнадцатилетним пацаном, доброволец. Был снайпером. Потом школу офицерскую закончил, разведвзводом командовал. Две Красные Звезды и Красное Знамя. Представлен был к Герою. Срок получил в сорок шестом.

— За что?

Майор махнул рукой, не стоило сейчас объяснять.

— Сережа Федоров, студент, сын Анатолия Павловича, ты знал его по Ленинграду.

— Профессора Федорова сын? Надо же! А он?

— В пятьдесят втором —

десятку. Болтал много. Короче, Саша, они знают, что я все сделаю, чтобы вытащить их отсюда. Они помогут, и им зачтется.

— Ну, если вы в них уверены, товарищ майор...

Захарченко устало взглянул на собеседника и, опустив лицо в ладони, глухо сказал:

— Уверен.

В сумерках резкий ветер задул с Хоройского Белка, разогнал низкие дождевые облака. Яркие звезды зажглись над долиной Бирюсы. В темноте гул реки слышался сильнее. В тяжелом, глуховатого тона реве неожиданно возникали высокие, чистые звуки, иногда сливаясь в

странную, затейливую мелодию.

Майор смотрел вслед маленькому отряду, медленно уходящему вниз по реке. Лошади осторожно ступали по мокрой гальке, вздрагивали от холода. Каждая несла по два опломбированных выючных ящика защитного цвета с металлической окантовкой. Темнело быстро. Через сотню метров Захарченко уже не мог различить отдельные фигуры, угадывалось только само движение. Вот подошли к повороту тропы. Исчезли...

Проверив посты, майор зашел в свою комнату и встал, опершись руками на стол. Он знал, что если

сядет или ляжет, то немедленно уснет, но сдаваться не хотелось. Еще минуту он боролся, потом вытащил ТТ из кобуры, положил под подушку, достал из сейфа две запасные обоймы, сунул в карманы брюк и упал не раздеваясь на койку.

«Они вернутся утром в пять. В пять ты проснешься. В пять... Золото укрыто надежно... Ты сделал, что должен...»

По всем приметам до бункера оставалось никак не меньше шести километров, а лейтенант уже чувствовал, что силы его на пределе. По этой тропе, похоже, лет пять, а то и больше, никто не ходил —

сплошные завалы из полусгнивших деревьев и заросли колючего, цепкого кустарника. Одна из лошадей повредила ногу и с каждым шагом все заметнее хромала.

— Привал. Передохнем чуток. — Лейтенант устало опустился на поросшую мхом кочку и прислонился спиной к холодному мокрому стволу лиственницы.

От мха шел пряный теплый запах, слегка сладковатый, непривычный. Сильный ветер шумел в кронах деревьев, его гул перекрывал другие, обычные в ночном лесу звуки, и невольная, неосознанная тревога постепенно овладевала душой.

Сержант Павленко, крепкий мускулистый хохол, снял с плеча карабин, прислонил оружие к дереву и сел рядом с лейтенантом.

— Перекусить трэба, товариш командир! — В густом голосе его слышалась фамильярность старого унтера.

Лейтенант кивнул, и Павленко повелительно махнул рукой младшему зэку. Тот развязал вещмешок, вынул буханку хлеба, пару банок консервов. Павленко извлек финку из ножен, протянул ему лезвием вперед. Студент присел на корточки, неумело ковырнул банку ножом.

Каманов стоял возле лошадей,

вглядываясь в прогал, туда, где расступалась стена тайги и в чуть светающем небе уже появлялись контуры горы Катышная. Ночной переход по горной тайге совсем не утомил его, казалось прошлое охотника и разведчика. С радостью он осознал, что по-прежнему превосходно видит в ночном темном лесу.

Краем глаза он заметил, что лейтенант задремал, опустив подбородок на грудь.

— Дай-ка мне. Быстрее будет, — шагнул он к студенту и взял у того нож.

Теплая рукоятка из капа удобно легла в ладонь.

Павленко почувал опасность, успел немного приподняться. Нож Каманов не бросил — навык подзабылся без практики, и он решил не рисковать. Бросился сам, одним прыжком преодолел расстояние, вложил всю энергию тела в удар. Нож ушел в шею глубоко, но сержант — здоровый черт, конвульсивно дернул руками, стряхнул нападавшего. Каманов успел схватить карабин за ремень, кувырком откатился назад, в темноту.

Лейтенант вскочил, зацепился ногой за корень, упал, схватился за кобуру. Сколько времени надо — кобуру открыть, ТТ вынуть, патрон в ствол дослать, а главное — мишень в

темноте углядеть глазами от бессонницы красными. Не успеть...

Каманов затвор передернул, когда за дерево катился, сразу, рефлекторно. Карабин вещь для него такая же привычная, как для другого ложка. Подниматься — зачем? Видел, как лейтенант кобуру царапает, лицо видел, не просто белое пятно — мишень, а глаза, рот в крике раскрытый. Снайпер должен в темноте хорошо видеть — это профессия его. Целиться не стал. Руки и глаза — единый механизм, сами свое дело сделали. Вой ветра приглушил выстрел.

Мощный патрон у русской винтовки. Лейтенанта отбросило

назад, ударило о дерево. Пуля вошла точно в переносицу, на выходе разнесла затылок.

Каманов дернул затвор, гильза желтым светлячком упала в мох. Правой ладонью ласково провел по стволу — привычка. Оружие он всегда любил, относился как к живому. Оно-то никогда его не предавало. На коробке карабина сверху тульское клеймо и год — 1944; может, и повоевать успел этот ствол, может, там же, где и он, Каманов.

«Сорок девятый и пятидесятый. Я убил пятьдесят человек. Восемнадцать теперь офицеров, двое штатских, одна женщина. Остальные — рядовые и унтера. Почти всегда я

видел их лица. И запоминал. Этих буду помнить тоже».

Горячка боя, давно уже не щекотавшая нервы, стала отпускать. Каманов почувствовал холод, поежился, бережно положил карабин и обернулся.

Лошади по-прежнему стояли, низко опустив головы. Студент сидел на земле, прижав руки к груди, глядел на Каманова полными ужаса глазами.

Каманов подошел к нему, подобрал опрокинувшуюся банку консервов, запрокинув голову, вытряхнул в рот остатки тушенки. Оторвал кусок от намокшей буханки, жевал жадно.

— Бежать надо! — тихо произнес наконец очнувшийся студент и взвизгнул фальцетом: — Бежать!

— Бежать не надо. Успокойся, дуся. Вот пожуй лучше. Сейчас работать будем. — Каманов говорил быстро и повелительно. Истерику у студента надо было на корню выбить.

— А как же...

— Да вот так же. Скалу на той стороне ручья видишь? Оттащим ящики туда — вон в ту пещерку по левому склону. Там зароем. После вернемся в лагерь. Надо бы служивых прикопать, да времени мало.

— Как — в лагерь?

— К утру Клич со своей шпаной

всю охрану передавит, так что лагерь просуществует еще часов пять или шесть.

— А нам-то зачем туда?

— Дуся, у нас всех запасов — полбуханки хлеба и четыре патрона, надо пополнить резервы на дорогу. А потом я хочу Семена вытащить оттуда. Шанс очень маленький, но попытаюсь. Должок у меня перед ним. Ну, давай работать.

— На хрена тебе эти ящики? Майор говорил — там какие-то документы.

— Документы? Столько не весит даже собрание сочинений Вождя всех народов. Кобылы вон ноги еле передвигают. Ну, не

догадываешься, что там?

Каманов подошел к одной из лошадей, внимательно осмотрел выучный ящик. Сделан крепко, но замок — так себе.

— Нож принеси! — крикнул он студенту и стал пальцами отламывать проволочные хвостики пломбы.

Федоров подошел к телу сержанта, грузным мешком лежавшему у дерева, и неуверенно потянулся за ножом. Нижняя часть лица и горло Павленко были покрыты пленкой запекшейся уже крови, глаза широко раскрыты. Федорову показалось, что сержант смотрит куда-то ему за спину. Быстро протянув руку, он коснулся холодного

лба и провел пальцами по лицу, опустив веки. Потом, отвернувшись, нащупал рукоятку ножа и резким движением дернул. Голова сержанта склонилась к плечу, из чернеющей раны поползла тяжелая бурая струйка.

Подойдя к Каманову, студент протянул ему нож, держа двумя пальцами за рукоятку.

— Вытер бы, — буркнул тот, но в сердитом голосе прозвучала сочувственная нотка.

Быстро расправившись с замками, Каманов поддел клинком и с усилием откинул крышку. Сверху лежал пропитанный маслом брезент. Каманов взял ткань за край и

осторожно потянул в сторону.

Тусклый красновато-желтый блеск медленной волной заколебался в сыром воздухе. Шесть-семь самородков неправильной формы, с рваными краями, размером примерно со спичечный коробок, лежали сверху на плотной гряде золотого песка и самородков помельче.

— Понял теперь? Вот твои документы. Килограмм по тридцать в каждом выючнике. Сегодня за это золото Клич отправит на цугундер не одного человека. А оно — наше! Так что в лагере не вздумай чего-нибудь брякнуть.

— Куда его денешь, это золото?

Деньги нужны, документы, а с ним что делать?

— Правильно мыслишь, студент. И деньги нужны, и документы, и жратва, и патроны, и карта. Но золото — всегда золото. В любое время, при любом вожде, в любой стране. Цена колеблется, но всегда достаточно высока, жизнь дешевле стоит. Пусть это добро полежит здесь. Когда-нибудь мы вернемся и оно послужит. Нам послужит. Держись за меня, студент. Не пропадешь! Выбор, впрочем, у тебя невелик. В одиночку тебе отсюда не выбраться, а с Кличем связываться не советую — дерьмо народ. Да ты сам его знаешь. Значит, так, сейчас

закопаем ящики, спустимся к реке, у Хороя есть брод — перейдем на правый берег, лошадей оставим в километре от лагеря, если что спросят — ходили на Мокрый Миричун, смотрели, в каком состоянии посадочная полоса, там есть резервная.

— Откуда ты знаешь?

— Карту случайно видел у Семена.

— И запомнил все?

— Да, мне достаточно раз взглянуть, память у меня какая-то ненормальная, почти ничего не забываю. Жаль только, что один лист всего видел. Ладно, води лошадей через ручей, я сейчас.

Каманов подошел к лейтенанту, вынул из кобуры пистолет, запасную обойму, положил оружие во внутренний карман бушлата. Прикинул размер и, поколебавшись секунду, стянул сапоги, переобулся, отбросил свои рваные ботинки. Снял с руки трупа часы с черным циферблатом и светящимися цифрами. Часы были явно трофейными — «Омега». По возрасту лейтенант воевать никак не мог — купил или подарок.

Пошарил в карманах сержанта в поисках патронов. Не нашел. Подобрал карабин и направился к ручью. Студент переводил уже вторую лошадь.

«Ну и денек будет сегодня, — подумал Каманов. — Ну и денек...»

Уже совсем рассвело, когда, обогнув сопку на правом берегу Бирюсы, они вышли к Покровскому. Сверху, со склона сопки, лагерь был виден как на ладони. Несколько зданий горело, густой черный дым тянулся почти вертикально — ночной ветер утих, небо опять закрывалось низкими облаками.

На самом краю поселка, у казармы, еще шел бой, слышны были частые выстрелы. Каманов отчетливо видел маленькие фигурки людей: они перебежали, падали, ползли, вскакивали, вновь перебежали, все ближе продвигаясь к белому

невысокому домику казармы. Атакой командовали грамотно, потери были невелики — Каманов насчитал только три неподвижно застывших тела. Что ж, в лагере отбывало срок немало боевых офицеров.

Огонь обороняющихся был сильный, но лихорадочный и неэффективный. По звуку угадывались ППШ, стреляли слишком длинными очередями из всех четырех окон фасада и с чердака. Нападавших прикрывал пулемет — единственный пулемет в лагере, установленный на вышке рядом с золотохранилищем. Старый добрый «максим» на турели.[\[2\]](#) Сейчас на его гашетку давил явно

мастер: короткие очереди по три-пять пуль последовательно и точно накрывали окна казармы, не давали отвечать прицельным огнем. Каманов ясно различал белые фонтанчики штукатурки, брызгавшие рядом с рамами низких окон.

Захват вышки с пулеметом окончательно решал судьбу мятежа — с этой господствующей высоты простреливались все уголки поселка. Рано или поздно, но сопротивление засевшей в казарме охраны будет сломлено. Пока же спускаться в лагерь не было нужды.

Каманов наблюдал за боем, развернувшимся внизу, и чувствовал, как волна почти забытого азарта

охватывает его. По тому фрагменту атаки, который он застал, ему несложно было определить, как она началась и развивалась.

«Я мог бы вдвое увеличить личный счет, будь у меня патроны», — подумал он.

Карабин — не снайперская винтовка, но в чистом утреннем воздухе мишени были так хорошо видны, что Каманов был уверен в абсолютном результате. Резкий запах гари, долетевший от лагеря, щекотнул ноздри.

Запах гари, запах пожара. Сколько бы времени ни прошло, а этот запах против воли остро будоражил память, заставлял заново

пережить странный момент совсем другого боя...

Ровное поле, плотный удушливый дым от горящих копен соломы. И развернувшаяся в атаке немецкая рота при поддержке трех танков. Каманов командовал тогда разведвзводом, его двенадцать человек на броне двух легких самоходок СУ-76 — «гололопых Фердинандов», как их называли за внешнее сходство с мощной немецкой машиной, но без брони сзади, два дня провели в рейде по тылам противника и заночевали в брошенном полуразрушенном фольварке^[3]. А утром на них

выкатились отступающие немцы.

Тогда, лежа со снайперской винтовкой на крыше фольварка и видя, как уверенно, не спеша подходят солдаты противника, Каманов испытал парализующий страх. На фронте ему часто бывало страшно, но так — впервые. Он никогда раньше не молился и не умел этого делать, но сейчас быстро шептал побелевшими губами: «Господи, дай прожить этот день, только один день, Господи...» Он был уверен, что и часа не проживет.

Весь тот бой, от первых выстрелов самоходок, удачно накрывших немецкие танки, до рукопашной свалки во дворе

фольварка, Каманов помнил отчетливо, но как-то отрешенно, как нечто происходившее не с ним. Когда осколок гранаты ударил в плечо и он, цепляясь левой рукой за разорванные траки, заполз под брюхо подбитой самоходки, вместе с дикой болью неожиданно пришла странная холодная уверенность — он будет жить, срок жизни ему отмерен длинный.

Господа Каманов больше не вспоминал, но уверенность эту непонятную сохранил. И когда одиноким волком скитался в лесах разоренной войной Польши, и в диверсионном подразделении Армии Крайова, и при аресте, и в лагерях...

Стрельба в поселке почти затихла, можно было спускаться.

В поселке шел погром. Ошалевшие от удачи мятежа зэки метались среди горящих зданий, тащили какое-то барахло. Из медпункта, где жили и работали немногочисленные в лагере женщины, доносились истошные вопли. Каманов представил, что там сейчас происходит, — его передернуло от подкатившей к горлу смеси желания и отвращения.

Недалеко от хранилища он нашел полупустой цинк из боекомплекта «максима». Набил карманы патронами — одной проблемой стало меньше.

— Возьми. — Он протянул Федорову пистолет. — Не в карман, на брюхо сунь под ремень, бушлатом прикрой. Найди мешок и добудь сколь сможешь консервов и хлеба. Встретимся у дома майора. Срок — полчаса. Вопросы?

Каманов говорил отрывисто и сухо, к нему вернулся привычный когда-то командирский тон. Студент мотнул головой. Истерика его совсем прошла, смотрел на Каманова блестящими глазами, преданно и восхищенно.

— Пошел!

Каманов посмотрел вслед студенту. «Сопляк совсем. А приключений уже — будь здоров...

Ну, пора долги отдавать».

Когда Каманов вошел в комнату майора, то сразу понял — опоздал. Захарченко сидел на полу, прислонившись спиной к кровати. Правый глаз его был выбит, и кроваво-студенистая слизь покрывала обезображенное лицо. Руки в плечах были прострелены и безвольно повисли. Он был еще жив.

«В упор стреляли», — понял Каманов, оценив пороховые пятна вокруг входных пулевых отверстий.

Вокруг майора стояли Шило, Сухарь и еще пара зэков из уголовной верхушки лагеря. Все с оружием. Клич сидел за столом, курил, глубоко затягиваясь.

— А, Каман... И ты начальника навестить пришел? — Клич повернулся к вошедшему. — Пушку достал. Молодец.

Уголовные к Каманову относились с уважением — силу звери чувствовали тонко. Ему давно намекали, что Клич имеет на него виды, но до серьезного разговора дело не доходило.

— Вот никак гражданин начальник не скажет, где он рыжавье заначил. — Голос Клича был мягким, добродушным, но в смоляных цыганских глазах прыгал бешеный огонек. — И так мы его упрашиваем, и этак, а все никак не говорит. Слышь, майор, все равно же сейчас

сдохнешь, так сделай же добро людям, облегчи душу, а?

Не дождавшись ответа, Клич кивнул Сухарю, и тот с ножом в руке наклонился к Захарченко.

Каманов пожалел, что отдал пистолет студенту. Карабин здесь явно не подходил. Впрочем, майор был в таком состоянии, что предпринимать что-либо было бесполезно. Каманову на миг показалось, что Захарченко узнал его.

«Прощай, Семен Павлович! Прости, опоздал». Каманов шагнул к двери.

— Стой! А ну, стой! — Резкий, надтреснутый дискант Шида ударил в спину.

Каманов обернулся.

— Клич! А ведь его не было ночью нигде! — Шило ткнул стволом нагана в сторону Каманова. — Помнишь, Кривой болтал, что они с начальником старые кореша, еще с войны? Ты не верил, а я тебе говорил — хитрый очень этот фраер! Ты говорил, пригодится он — вот, кажись, и пригодился! И офицерику молодого нигде не видно. И сюда он приперся — зачем? Где ночью был?

Поддрагивающий ствол нагана уставился Каманову в лицо.

— Ах, стрелок... — Глаза Клича посветлели, щербатый рот, изуродованный косым шрамом, растянулся в злой улыбке. —

Неужели обскакал?!

Майор завозился на полу, из последних сил попытался приподняться.

— Гляди, Клич! Знает он, сука, знает! — взвизгнул Шило, бросился к Каманову, упер наган ему под ребро.

Большую ошибку сделал Шило — закрыл Каманова от остальных. Револьвер в руке сделал его слишком уверенным в себе, бдительность погасил. Взгляд Каманов устремил за его плечо, в окно, взгляд такой, как будто черта там увидел, у всех за спинами. Сделал, как учил десантников Армии Крайова в тихом лондонском предместье

немногословный пожилой шотландец — инструктор рукопашного боя. Повернул башку Шило, вполоборота, но повернул.

В одном слитном движении — корпус вправо, уйти с линии выстрела, левой рукой — под револьвер, правая — удар «рука-копье» в тонкую Шилину шею. Ненадежное оружие — револьвер в руках дилетанта, ударился об пол, отлетел к печке.

Шило только захрипел, задержался от боли, а Каманов уже в дверь выкатился, уже затвор передернул. Но все равно дело плохо: один против пятерых, укрыться негде. Каманов рванул к колодцу —

метров тридцать до сруба. Стиснул зубы, на одном дыхании бежал, ожидая страшного удара пули в спину.

— В ноги! Только в ноги стреляй! — орал Клич, выбегая вслед за Камановым. — Живой нужен!

Сухарь споткнулся о корчившегося на пороге Шило, упал, выронил автомат. Свалка в дверях подарила Каманову пяток секунд, успел долететь до колодца.

Длинная-длинная очередь заставила втянуть голову, прижаться к сырým, с запахом плесени бревнам. Но выстрелы были не в его сторону. От угла соседнего барака медленно шел высокий человек и стрелял,

держа автомат на уровне живота. Каманов узнал капитана Григоренко.

Клич, Сухарь и еще двое — все, кто выбежал из дома, получили сразу по несколько пуль с расстояния пятнадцать-двадцать метров. Краем глаза Каманов увидел еще кого-то, кто выскочил из-за барака и вместе с бандитами попал под пули капитана.

Григоренко подошел к лежащему ничком, судорожно вздрагивающему Кличу, опустил ствол автомата и выпустил остатки магазина ему в спину. Выронил оружие, осел на колени и завалился набок, прижав ладони к животу.

Шесть человек, лежащих на земле между колодцем и домом,

видел Каманов. Они угрозы уже не представляли, оставался Шило. Его он тоже отлично видел. Шило высовывался из-за высокого порога, поблескивал ствол нагана. Каманов плавно поднял карабин, поймал в прицеле низкий лоб бандита. На полсекунды задержал дыхание.

«Пятьдесят первый», — добавил он к счету, прежде чем нажать на спусковой крючок.

Пару минут он выжидал, лежа за срубом колодца. Все было тихо. Вставил в магазинную коробку недостающий патрон, встал и подошел к телам. Узнал шестого. Федоров подошел вовремя, как он ему и приказывал. Студент лежал на

спине, глаза были открыты и спокойны.

«Ничего, видать, не понял. Сразу в сердце». Каманов подобрал мешок, засунул в него выкатившуюся буханку.

Неожиданно остро захотелось есть. Опять достал хлеб, обтер грязь, бережно отломил кусок, втянул крошки с ладони.

Перешагнув через труп Шила, Каманов вошел в комнату майора. Стараясь не глядеть на Захарченко, пошарил в столе, в раскрытом сейфе. Нашел карты. На пороге остановился, обернулся через плечо. Сердце сдавило тяжело. Вышел, подобрал мешок с харчами,

торопливо зашагал к тайге, стремясь как можно быстрее уйти от печального места.

...На вершине сопки, среди редких стройных лиственниц, стоял человек и задумчиво смотрел, как догорает внизу обезлюдевший поселок. Нет больше прииска Покровский, нет лагеря. Больше не существует и Владимира Каманова. Ушла в небытие эта фамилия, в один миг исчезло прошлое. Остались золото и время. И еще уверенность в том, что долг будет его путь и отныне судьбы многих людей будут определяться им. Но своей рукой он не оборвет больше ничью жизнь, глубиной своего существа он

чувствует этот предел. На цифре «пятьдесят один» закончился его счет.

Человек повернулся и, дернув навьюченную лошадь, зашагал с перевала. Несколько беззвучных шагов по мягкому мху — и тайга поглотила его...

Дождливая, холодная осень пришла в Восточные Саяны. Тишина. Только шорох дождя в прибрежном тальнике. Только глухое бормотание воды среди галечных отвалов да зловещий шепот ветра в обугленных развалинах домов. Никого. Ни единой живой души в проклятом месте. На долгие, долгие годы...

Глава 2

«БЕЛЫЕ НОЧИ», ЗОЛОТОЙ ТУМАН

Я пиво предпочитаю всем другим алкогольным напиткам. Еще со студенческих времен. Факультет психологии МГУ находится на старой территории университета, на Моховой. А совсем рядом, на углу Пушки и Столешникова, был знаменитый пивной подвальчик — «Ладья», в просторечии — «Яма». Сейчас там то ли испанский, то ли ирландский ресторан, а в семидесятых-восемидесятых очень

популярная пивнуха была, с традициями.

Шесть лет я на этом забавном факультете отучился и все это время «Яму» регулярно посещал, студенческие доходы при большевиках позволяли вполне. Обстановка была там демократичная, народ часто попадался интересный — своеобразная школа жизни, если хотите. Самые светлые воспоминания у меня об этой полутемной, прокуренной пещере.

Пивных баров в Москве прибавилось с 1980-го — олимпийского года. Построены были тогда по всему городу ангары-модули для быстрой кормежки олимпийцев

и гостей, а после олимпиады их переделали в пивнухи. Две стали известными — «Павлиний глаз» на Киевской и «Белые ночи» на Соколе. Не то, конечно, что «Яма», традиции не те, состав завсегдаев несколько иной, но в общем приемлемые кабаки.

В 198... году работал я на Соколе, в одной закрытой конторе, что находится на развилке Ленинградского и Волоколамского шоссе, совсем рядом с «Белыми ночами». Контору эту еще Сергей Берия создавал, сынок Лаврентия Павловича.

Все в этом учреждении — от архитектурного стиля до образа

мыслей престарелых патриархов из первого отдела и службы режима — несло на себе неизгладимый отпечаток тех славных времен. Впрочем, горбачевский «ветер перемен» уже потянул по сумрачным коридорам, шевельнул таблички типа «Молчи! Тебя слушает враг!», занес зачем-то психолога в самые недра секретных разработок. Специалистов такого профиля никогда раньше не бывало здесь.

Крепил я оборону Родины в компании сверстников, симпатичных технарей, инженеров-полигонщиков, помотавшихся по Союзу, по площадкам испытательным, принявших неизбежную дозу

мирного атома в организм и свято верящих, что хороший алкогольный удар эту дозу из нужных для жизни органов выбивает. Не из всех, может быть, но из крайне необходимых джентльмену — точно.

Компания подобралась теплая, как раз для «Белых ночей». Тем для разговора хватало. Я сам стронция в кости пока не словил и о казахстанских пустынях представление имел весьма отдаленное, но и у меня козыри определенные были. В свое время, курсе на четвертом, как-то осточертел мне психфак, состоящий тогда из трех сотен инфантильных баб и тридцати еще более

инфантильных мужичков. Не то чтобы было неинтересно учиться, а именно из-за гниловатой атмосферы инфантильного присюсюкивания надоело. Был там пяток нормальных ребят, но в целом кадровая палитра — от коммунистического доцента-стукача Иконникова до рафинированных Гофманов и Линкоппелей — состояла из одного, вполне определенного цвета и вызывала глубокое отвращение.

И вот, устав от таких неприятных ощущений, попал я неожиданно для себя в школу радистов, что на Красносельской. Благодаря этой случайности, происшедшей, кстати, из-за

«ПИВНОГО» знакомства, я, что называется, «почувствовал разницу». В качестве радиста полевых партий сейсморазведки пришлось мне поскитаться по уголкам Якутии, Камчатки и Западной Чукотки, окрашенным на демографических картах СССР в цвет, означающий плотность населения, близкую к нулю. «Нуль» этот, однако, был настолько плотен, колоритен и своеобразен, что через несколько сезонов вернулся я в столицу с лексикой и набором навыков, совершенно не свойственных выпускнику факультета психологии МГУ.

Так что за пивной кружкой мне

было что поведать собеседникам.

За день или за два до светлого праздника 7 Ноября собрались мы с коллегами в эти самые «Белые ночи». Вечер, темно, дождь со снегом, и очередь человек пятьдесят у дверей. Но мордатый Коля-швейцар был нашим хорошим знакомым, за десятку проблему уладили, и в предвкушении простого мужского счастья мы вступили в ароматное пространство, наполненное ровным гулом множества бесед и несмолкающим перезвыванием кружек.

— Из зала в зал переходя, здесь движется народ! — гнусаво продекламировал классик

длинноносый Юрка по прозвищу Гусь.

— И светлый образ Ячменя пред ним везде встает! — Я нашарил взглядом четыре свободных места в дальнем углу, у стенки.

Это был год, когда партия и правительство только начинали свою тяжелую борьбу за трезвый образ жизни народа. Водку достать уже было трудно, но в пивных почему-то появилось небывалое изобилие крабовых конечностей и огромных настоящих раков, не говоря уже о традиционных креветках. На моей памяти никогда в Москве такого не было. Злые языки утверждали, что раки эти большие ненормально и,

вполне вероятно, выловлены из речки Припяти.

Но какая, в конце концов, разница, откуда он, этот пришелец, что, источая сладковатый аромат, лежит на горячем блестящем блюде, вытянув восхитительные алые клешни, бессильно откинув упитанный плотный хвост, и в ужасе глядит глазами-стебельками на высокую, янтарного цвета кружку с белой шапкой наверху и нежным туманом испарины на стеклянных гранях!

Часа полтора все шло привычно хорошо. И пиво было холодное и в достатке, и свежий анекдот вполне смешной, и крабовая нога казалась

бесконечно длинной. Все было как всегда, пока не вошел новый посетитель. Я не увидел его сразу, но как-то почувствовал спиной взгляд. Что-то кольнуло, заставило обернуться.

Я сразу его узнал, хотя в таком обличье раньше не встречал, да и прошло уже несколько лет со времени нашей последней встречи. На загорелом, обветренном лице светлым пятном подбородок выделяется, даже при этом скверном освещении заметно — бороденку свою мушкетерскую сбрил, значит, совсем недавно. Костюм темно-серый, тройка, выглядит как дорогой, булавка в галстук — весьма

ювелирное изделие. Стрижка хорошая, совсем свежая. Все для меня ново. Вот только глубокий шрам — белая полоска от правого глаза до уха, старый шрам...

Ночь на 1 сентября, Северная Якутия. Ледяная черная вода реки Чаунралах. Третий раз за ночь мы переходим эту проклятую извилистую реку вброд. Дождь. Проваливаясь по колено в насыщенную водой моховую марь, выходим к сопке, покрытой полусгоревшим лиственничным лесом. Часа три разжигаем огонь и спим у ног [\[4\]](#) на мокром брезенте, прижавшись спиной друг к другу. С рассветом двигаем дальше. Еще

километров десять до переправы через Большую Ботуобию, часов двадцать до того момента, когда подомной оборвется сгнивший навесной мост, почти сутки до этого шрама...

— Здорово, Граф! — Я пожал большую крепкую ладонь. — С какого курорта такой загорелый?

— Привет, Серега! Рад тебя видеть! — Золотые зубы сверкнули в улыбке. — Курорт тебе известный. Сильно загорают шея и кисти рук. Кисти ног и все остальное, как у альбиноса.

За нашим столиком места не нашлось, но пара стульев как раз освободилась за соседним. Неожиданной и редкой была эта

встреча, требовала разговора тет-а-тет. Поставил я своим инженерам по одной на круг и покинул их веселую компанию. Им и втроем не скучно будет.

— Ну что, Граф? Сезон окончен, хрусты в кармане, душа праздника требует?

— Целковые есть, Серега, это ты в точку попал, но сезон теперь у меня другой, считай, круглый год тянется. Нет-нет, что ты! Я угощаю. Этого добра пока хватает, вот, смотри! — Граф вытащил две пачки банкнот с фиолетовой личиной Ильича.

— Давай быстро обратно засовывай, Ротшильд!

Я уже уловил пару быстрых

любопытных взглядов сидящих
неподалеку крепких, коротко
остриженных ребятишек.

— Ну! Здесь же не Абакан?

— Абакан не Абакан, а
расслабляться особенно не советую.
Сильно напиваться тоже не стоит.
Осень нынче холодная, голым на
улице просыпаться неприятно.

— Ну, ладно, ладно. Хрен с
ними, с деньгами. Сам-то как?

— Да так... Работаю
инженером, сто шестьдесят плюс
премии. Заочная аспирантура, диссер
пишу. В общем, стандарт.

— Не скучно? Ты ж фантазером
всегда был! Мы с Димкой недавно
тебя вспоминали.

— Да бывает скучновато. На рыбалку иногда езжу. На Можайку.

— Уй тоска, блин. Взвоешь. Ну, хлопнем!

Хлопнули.

— Граф, а ты у Виктора? По-прежнему взрывником?

— Нет. Я из Новосибирска уже два года как ушел.

— Где же?

— В артелях. На Лене был, на Зее. Сейчас на Печоре. Взрывником, бульдозеристом. На металле.

— Золото, что ли?

— Оно самое. Сезон круглый год. Подготовка, добыча. Большие бабки можно зашибать. Сорок рублей в день чистыми, базовая ставка. Роба

и жратва отдельно.

— Неплохо.

— Хочешь, замолвлю словечко?

Радист тоже пригодится.

— А куда?

— А куда хошь. От Камчатки до

Белого моря.

— Ты все артели знаешь?

— Все никто не знает. Их полно, артелей-то. Одни закрываются, другие открываются. Артелей до хрена, хозяин зато один.

— Что за контора? Какое-нибудь «Союззолото»?

— Какая контора? Я ж тебе говорю — один хозяин. Саманов.

— Кто такой Саманов?

— Серега, ты же на Севере не

один год был, неужели про Саманова не слышал?

— Да я со старателями дела не имел, все в геологии.

— Саманов — ох и крепкий мужик! Он первые артели еще в конце пятидесятых создавал. От Магадана и на запад — до Архангельска. Вся артельная братва у него вот где! — Граф стукнул кулаком по столу, звякнули кружки. — Золото, говорят, чует как леший. В артелях добыча покруче будет, чем на госприисках.

— В пятидесятых, говоришь? Старик совсем уже, наверное.

— Сам я его не видел. Но говорят — орел! Сибиряк. Чалдон. Из

семьи старателей потомственных с Витима. Охоту по крупняку любит. На медведя, с берлоги. Один всегда. Стреляет — как Чингачгук. На спор утку влет из мелкашки бьет!

— Херня все это.

— Ну, не знаю. Сам не видел, врать не буду, но — говорят! Держит всех крепко. Скажет слово — и нет базара. Кто поперек — сразу в аут. А то и вот так! — Граф выразительно провел по шее ребром ладони.

— Ну прямо мафия.

— А ты думал!

— Ладно, Граф. Это все в перестройку газет начитались. Везде мафия чудится. Небось вкалываете на приисках аж жопа дымится, вот и

вся мафия. Сам-то ты это видел? —
Я повторил его жест.

Граф засмеялся:

— Нет, не видел. А вкалываем
— это точно. Но говорят...

Под воспоминания время летело стремительно. За часок до закрытия мы с Графом уже прилично набрались и созрели для перехода от Севера и политики к женскому вопросу, как вдруг он внезапно поломал эту едва открывшуюся тему.

— Серж, мне тебя сам Бог послал. Я все прикидывал, где корешей надежных взять, а сегодня вот мы Мирный с тобой вспомнили, ты ж для этого дела самое то. Смотри сюда!

Из красивого бумажника черной матовой кожи Граф извлек листок бумаги. На этом клочке был бережно набросан чертежик, похожий на кроку с топографической карты.

— Месяца два назад, в Ленске, застряли мы в порту дня на три. Ну, ты сам знаешь: погода есть — вертолетки нет, вертолетка есть — керосинки нет, керосинка есть — пилотка пьян, и так далее. И прибился к нам старый бич, действительно старик, лет под семьдесят, наверное, пьянь зеленая, конечно, но интересный дед. Поили мы его за компанию, он нам байки разные травил без перерыва. Он, считай, всю Сибирь пешком

протопал, рабочим был в топографических партиях. Самого Федосеева лично знал, ну, того, кто «Смерть меня подождет» написал. Так вот этот дедок при Сталине лет десять в лагере отсидел, лагерь был вот здесь, в верховьях Бирюсы, это Восточный Саян. Вот смотри — Бирюса, а это ее приток — ручей Катышный. Левый приток, течение стрелкой показано...

Суть рассказа Графа сводилась к следующему. В каком-то пятьдесят лохматом году на Бирюсе был прииск, при прииске была зона. В лагере произошел бунт, охрану поубивали, а зэки разбежались. Некоторое время до бунта золото не

вывозили, черт его знает почему. Во время бунта золото, чуть ли не полтонны, пропало.

— Так вот этот дед сам был в том лагере, понимаешь, все сам видел. А золото начальник лагеря зарыл вот здесь. Это кладбище, где эков хоронили, могилы номерные были, без имен. Когда одного клали, когда нескольких — как мерли, так и клали. А вот это — церковь.

— Церковь в лагере?

— Да лагерь здесь ни при чем. Лагерь при Иосифе возник, а сам прииск задолго до того, как вождь родился, существовал. Сама церковь деревянная была, черная такая, говорит, из лиственницы, высокая. А

фундамент каменный, из местных саянских гранитов. Я полагаю, церковь, может, сгорела или сгнила, но фундамент-то должен был остаться, а? Не взрывали же его — на кой хрен? Так вот могила эта вот здесь — двадцать пять метров строго на север от середины восточной стены. Дед сказал, что дружок его был в похоронной команде, в ночь перед мятежом. Кагэбэшники зарыли там несколько мешков, да и дружка этого, похоже, закопали вместе с золотом, с той ночи дед его больше не видел. Я вот думаю, может, взяться нам, а, Серега?

— Граф, ты «Остров сокровищ» читал?

— Читал.

— Тебе сколько лет было, когда читал?

— Ну, лет десять. Да ладно тебе...

— Молодец какой! Не стареешь совсем. Как было десять, так и...

— Вот ты ржешь, Серж, а мне сдается — дед правду...

— Правду, только правду, ничего кроме правды. Но не всю.

— Да ты пойми, было у меня чувство, что вроде как исповедь у него...

— После пары бутылок спирта исповедь — нормальное дело. Чего ж твой Билли Бонс сам золотишко-то не отрыл? За тридцать лет разок

можно было бы счастье испытать?

— Я тоже спрашивал.

Граф задумчиво смотрел в кружку. Оживление его прошло. Казалось, он снова видит перед собой старого, дремучего бичару, слышит его прокуренный, скрипучий голос.

— Ну и... — Я прервал его оцепенение.

Граф вздрогнул.

— Страшно там. — Он сумрачно посмотрел мне в глаза. — Страшное, говорит, место. Пытались некоторые, да только там и остались.

Граф актером не был. А знал я его как парня решительного и смелого. Но тон, каким он сказал

последнюю фразу, заставил меня поежиться — мурашки пробежали вдоль хребта. Серьезно как-то сказал. Я даже протрезвел на секунду. Видать, история эта сильно его занимала.

Помолчали мы, хлопнули еще по кружке.

— Ну да ладно. — Граф взглянул на часы. — Я сейчас в Домодедово. В Якутск лечу. Есть там малый один, должен кое-что в этой байке прояснить. В Москве буду к Новому году. Ты же никуда не денешься?

— Да где уж мне...

— Ну и хорошо. То, что я тебе здесь рассказал, может, и верно ерунда. А может, я из Якутска кое-

что и привезу. Бог даст, отпуск в Саянах проведешь. Хариусы там, говорят, во!

Граф широко развел руки, с маху хлопнул меня по плечам. Рассмеялись. Приняли по последней.

Проводил я его до метро. В вестибюле, сжав на прощание мою руку, он вдруг опять стал очень серьезным.

— Понимаешь, Серега, я же не зря на золоте столько лет работал, кой-кого знаю, кое-что слышал. Вяжется эта история с некоторыми фактами, ох как вяжется! Но! Пока не скажу. Самому надо проверить. Ну, бывай! К Новому году обязательно позвоню.

Он прошел через турникет, встал на эскалатор, обернулся, махнул мне рукой. Хотя и не были мы особенно близкими друзьями, а встретить его мне было приятно. Как-то хорошее только помнилось о том сезоне в Якутии. Конечно, как всегда бывает, к концу полей озвереваешь порядком, чуть не до мордобоя дело доходит, все друг на друга волками смотрят. А вот лет этак через несколько вспомнишь — и теплеет на душе.

Ехал я в тот вечер к себе, в Лианозово, на электричке совсем поздно. Вагон почти пустой, к размышлениям располагает. Размышления мои, однако, золота совсем не касались. Не воспринял я

серьезно эту болтовню. В приисковых районах легенд такого сорта можно множество услышать. В этой, правда, были специфические детали — лагерь, восстание. Но эти особенности на перестройку можно списать — из какого-нибудь «Огонька» еще и не такой винегрет состряпать можно.

От станции до дома мне нужно через небольшой лесок пройти. Идти-то всего ничего, метров триста-четырееста. Первый час ночи, темно, на дорожке — никого. Из электрички еще человека три вышли, но по другую сторону платформы спустились. Шел я один-одинешенек по этому леску, и стало мне вдруг

жутко. Я прямо остолбенел, до чего неожиданно. Стою в холодном поту и понять не могу, что происходит. Я же по тайге ходил ночью, и на Колымском нагорье по двадцать километров в день одиночные маршруты, а здесь перелесок хлипкий в двух шагах от московской квартиры. Это я так себя уговаривал.

Умом понимаю нелепость происходящего, а сделать ничего не могу. Домой добрел в какой-то липкой трясучке. Жена не спала, смотрит на меня с испугом — гнались, мол, за тобой, что ли? А я и себе-то объяснить ничего не могу. Хорошо, в общем, пивка попил.

Через пару дней все это стало

забываться, вытесняться
повседневной суетой. Дольше всего
этот нелепый ужас помнился. Но тут
переаттестация, кандидатский
минимум по языку, командировка на
Балхаш, и понеслось, и понеслось...

Абсолютно человек даром предвидения не обладает. Я уж во всяком случае — точно. А ведь предупреждала тогда ночью судьба! Понять бы вовремя! Какое там, все забыл. Намертво. Как раз до Нового года.

Глава 3

ТРИ КАРТЫ

Несколько дней спустя после новогодних праздников заехал я на факультет, на Моховую. Был там в то время специализированный ученый совет по инженерной психологии, куда я в качестве соискателя пристраивал свою диссертацию. У нашей конторы договор был с университетом, а подписывал договор как раз декан моего факультета. Весьма человечный человечище, с которым всегда можно было договориться, тем более представителю фирмы, чьи объекты

регулярно посещались членами Политбюро. Нормально я уже в обойму втискивался, стандартная, но неплохая карьера впереди вырисовывалась ясно. Ниша найдена, опыт предыдущих поколений учтен, заявление в партию родную, горячо любимую, подано — вперед, к номенклатурным высотам! Так все просто и понятно было тогда...

С такими бодрыми мыслями шел я из альма-матер, спускался по Камергерскому к Неглинке. Там на углу старинный охотничий магазин есть, любил я в него заходить. Нельзя сказать, чтобы охота меня сильно привлекала. На Севере приходилось, конечно, но больше по

необходимости, чем из удовольствия. Однако и мне азарт сей благородный был знаком, и людей, толпящихся у прилавка, я очень хорошо понимал. После университетских пронырливых заумных доходяг приятно было потолкаться среди мужичков-крепунов, послушать обрывки охотничьих баек.

На ружья люблю я посмотреть, в процедуре выбора поучаствовать, даже консультацию могу дать. Благодаря некоторым обстоятельствам в оружии я хорошо разбираюсь, на Чукотке довелось множество разных систем в руках подержать, в деле попробовать. Там, на полярных станциях, чего только

не осело — от ППШ до винчестеров, от парабеллумов до бельгиек всяческих, и все стволы нерегистрированные, конечно.

Даже запах в этом магазине был особенный, может быть, такой же, как во времена Сабанеева, а в тот день еще слегка перегаром и мандаринами потягивало — вполне праздничный дух.

И вот сталкиваюсь я в этом магазине с Димкой Тэном. Он полукореец-полурусский, работяга из Иреляхской экспедиции, что в Мирном базировалась. Низенький, раскосенький, крепкий такой паренек. Очень сильный, и охотник заядлый. Вдвоем мы с ним месяц

просидели на речке Сокукан; рябчиков благодаря ему я на всю оставшуюся жизнь наелся, с тех пор на курятину, вообще на птицу всякую совершенно не тянет. Смотрю, Димка патронов сотни три купил разных. Благодаря солидарности толпящихся у прилавков охотников. Дают только по две пачки в одни руки, а январь — разгар сезона, все друг друга выручить рады, по кругу заходят.

— Здорово, Димон! На войну никак собрался? — Я хлопнул ладонью по залитому в пленку пятидесятипатронному блоку.

— Ух, Серега! Привет, вот кстати. У тебя охотничий с собой?

Иногородним не дают ни хрена, а я бы пачек шесть еще взял.

— Да нет билета, так, посмотреть зашел.

— Жаль, черт! Патроны во как нужны! В Мирном все разобрали, а нас как раз на профиля бросили, километров триста к северу, к Айхалу. Глухарей — море, сохатые есть.

— Надолго в Москву?

— Три дня здесь. Со спецчастью увязались. Топографы карты получали, мы аппаратуру. Шесть тонн. Сегодня в ночь улетаем.

— Патронов столько как в самолет протащишь?

— Я же говорю — спецрейс.

Контейнеры с аппаратурой. Рабочего с колхозницей можно положить.

— Рога теперь не возишь?

Димка хохотнул:

— Рога из Москвы только Боб может привезти, все остальные неженаты.

История с рогами, в которой мы с Димкой принимали не последнее участие, долго оставалась свежим анекдотом в Манилах, на севере Камчатки. Как-то так случилось, что много было заказов от друзей и знакомых на эти настенные украшения и весь состав партии затоварился всевозможными рогами без счета. И сами настреляли парнокопытных уйму, и за спирт у

коряков повыменивали. Оленьи, лосиные, снежного барана-чубука, что в Красную книгу занесен, бедняга. Мы с Димкой за транспортировку этого груза отвечали. Набили грузовой отсек таким товаром под завязку, а при посадке в Корфе правое шасси заклинило — не до конца выходит. Пилот предупредил вежливо, что колесо будут выбрасывать при помощи маневра, всем просьба пристегнуться. Про рога никто и не подумал — не до рогов, океан внизу, Корфский залив, очень на вид холодный.

Командир первый вираж заложил — океан зеленой стеной

перед глазами, в животе — полный вакуум. А рога — толпой в салон. Передо мной начальник партии Сопин сидел — мелкий такой, плешивый гаденыш. И так удачно ему по лысому черепу — то лось, то олень, то баран снежный, коллекционный. Но и остальным изрядно досталось. Сели удачно, но на полосу вышли все, забоданные в полном смысле слова.

А на полосе — машина милицейская, проверяют спецгрузы. Сигнал какой-то доброхот подал — везут геологи под видом аппаратуры браконьерскую кетовую икру. И контейнеры нашей партии возле транспортника стоят. Ответственный

за пломбировку — Сопин. Майор выбрал контейнер на пробу, с надписью «Аппаратура электроразведки», приказал вскрыть. Сопин, потирая синюю, задолбленную лысину, нехотя повиновался. Аппаратуры в контейнере нет, икры тоже нет, весь контейнер занимают огромные лосиные рога — явно призовой трофей, я и не видал таких никогда.

Весь наш рейс ржал до изнеможения, до икоты, дар речи потеряли, майор ни черта не мог понять...

— Когда борт?

— Через шесть часов. Слушай, Серж, помоги это добро до

гостиницы дотащить, а? С ребятами встретишься, по маленькой дернем. Мы рядом здесь, на Горького.

— В «Якоре», что ли?

— Ну где ж еще?

— Пошли, время есть.

Гостиница «Якорь» на Пешков-стрит, расположенная недалеко от Белорусского вокзала, была штатным прибежищем не обремененных высокими должностями сотрудников геологических экспедиций из далеких университетских городов — Новосибирска, Иркутска, Якутска. До революции в этом здании находился известный в Москве бордель, а ныне располагался приют командированных по линии

Академии наук СССР. В узких, сумрачных, плохо освещенных коридорах, в бесчисленных маленьких грязненьких номерках, среди стен, грубо выкрашенных масляной краской чудовищных оттенков, шла вполне академическая серьезная работа по поддержке дореволюционных традиций этого веселого заведения. Да и где ж еще оттянуться на славу провинциальному командировочному, как не в стольном граде?

Портье, опустив подбородок на грудь, остекленело дремал, сведя полуоткрытые глаза на пустом граненом стакане, стоящем в центре

стола. Бутылка «андроповки»
предательски высовывала свою
зеленую этикетку из-за мусорной
корзины. По стертым белым
ступеням лестницы мы поднялись на
четвертый этаж.

Коридорная дама, хороших форм
крашеная блондинка лет сорока пяти,
попыталась вступить с нами в
контакт, однако далее
нечленораздельных взвизгиваний и
взмахов руками дело у нее не пошло.
Служебный долг мешал ей
исполнить некий краснорожий
бородач, чьи мощные ладони быстро
и сильно исполняли на бюсте
блондинки некие замысловатые
движения. При этом бородач

негромко и непрерывно рычал.

По длинному коридору четвертого этажа, сквозь легкий гул забавных звуков и пелену ужасных запахов, среди которых доминировал кошачий, мы подошли к двери предпоследнего номера. Димка открыл ее пинком, не постучавшись.

Мое появление было сочтено сюрпризом, который требовал немедленного вспрыскивания, и легкий импровизированный коктейль, в котором главной составляющей был портвейн «Крымский», купленный нами у спекулянта на Белорусской, прервал бурные дорожные сборы.

— Может, с нами полетишь,

Сергея? — Красивый низкий баритон Боба плотно заполнял маленькое пространство комнаты.

— Рад бы в рай...

— Да, грехи, грехи наши... —

Боб залпом заглотнул бурый напиток, держа стакан двумя пальцами у доньшка.

Боб, Бобер и еще Весна — такие были у него клички. Первые две от фамилии Бобров, Всеволод Бобров. Папаша его был страстным поклонником знаменитого футболиста-хоккеиста. Последняя кличка имела более сложное происхождение. В 1968 году Боб в качестве рядового воздушно-десантной бригады посетил

братскую страну Чехословакию. Когда ночью, в патруле, он любовался красотами Златы Праги, какой-то поклонник Дубчека неосторожно всадил ему пулю аккурат в левую ягодицу. Шрам своими очертаниями удивительно напоминал гвоздику.

— Моя Пражская Весна! — объяснял Боб в бане любопытным, похлопывая по пострадавшему месту.

Ныне он был топографом партии, и сейчас на его койке, среди прочего барахла, лежало несколько десятков зелено-коричневых листов.

Я люблю рассматривать географические карты, особенно старые. Одно время даже коллекционировать хотел. На меня

они как-то успокаивающе действуют, лучше книг или музыки. Иногда станет противно на душе — вытянешь из шкафа планшет, развернешь плотную, пожелтевшую, с надрывами на сгибах, бумагу. Есть у меня несколько редких экземпляров конца прошлого века — Центральная Арктика и Приморье, времен экспедиций Арсеньева. Представишь себе людей, что рисовали эти листы, озера в тундре или сопки, покрытые кедрочом. Даже запахами иногда потянет — дымка, хвои, ила прибрежного. И — отпускает...

— А! Паршивые карты. — Боб уловил мой заинтересованный взгляд. — Пятикилометровки. ДСП.

Старые, семьдесят первого года. Районы интересные, а карты — дрянь.

— Зачем вам такие?

— Да это не нам. Свой-то я уже отправил. У меня — свежачок. Двухкилометровки, «секретно». Фельдпочтой улетели. Эти Витька Соколов просил. У него дружки из Питера летом в Саяны собираются. Спортсмены-сплавщики. То ли по Уде хотят сплавиться, то ли по Бирюсе, а у Витьки там партия сейчас недалеко стоит, он их принять хочет честь по чести и в горы забросить вертаком, а уж вниз они своим ходом.

— По Бирюсе, говоришь?

— Ну да. Там, где речка — речка Бирюса, ломая лед, шумит-поет на голоса... — Красивый голос у Боба, карьеру на эстраде мог бы сделать. — Там ждет тебя таежная, тревожная краса! — заливался шлягером шестидесятых слегка захмелевший Бобер.

Тревожная краса, да...

— А что, у Виктора своих карт нет? — прервал я это ариозо.

— Нету. Он в нижнем течении Уды стоит, а ребятам в верховья, к самым истокам нужно. Честно говоря, я сам не понял, почему он не может у себя хорошие листы достать. По телефону говорили, связь плохая, все трещит. И здесь я бегал, бегал,

только эти пятикилометровки и добыл.

Я пересел к нему на кровать и взял карты. Вот Большая Бирюса, вот Малая, притоки, горы, тайга. Ни тебе приисков, ни поселков, ни дорог. В верховьях и Большой и Малой — никаких следов человеческой деятельности. Лесная глухомань. Рай для туристов и охотников, в самом деле — таежная краса. Туристам, правда, тяжело будет добираться. Ближайшие населенные пункты — какие-то В. Гутары, Алыгджер, Нерха. Судя по названиям — места скопления узкоглазых аборигенов. Грязноватые, как правило, места, пропитые, стремные. Бывали-с в

таких, знаем. Однако от этих очагов цивилизации до Бирюсы через несколько перевалов топать; чужие, надо полагать, там не ходят. Только свои, обиженные жизнью коренные народы Севера за соболем и белкой бегают.

Места как места, интересные, конечно, но — ничего необычного. Во всяком случае, по пятикилометровке семьдесят первого года.

— Чего так внимательно смотришь, Серж? Ностальгия? — спросил Боб.

— Интересно было бы съездить...

— На Бирюсу? Да плюнь,

старик! Давай лучше к нам. Мы к Айхалу движемся. Уже Полярный круг рядом. На Мархе рыбалка — прелесть. Таймень, линок. Деньжат подзашибешь. Давай, я с Бочкаревым поговорю, он тебя помнит, а?

— Вряд ли, Сева. Времени нет. Но все равно, спасибо.

— Да брось ты! Времени всегда нет, ты подумай — тайменище во-о какой...

— Дай-ка мне Виктора телефон.

— Соколова, что ли? Вот посмотрите на него, какой упрямый. На, пиши. Он сейчас в Новосибирске.

— Давно его партия в Саянах?

— Один сезон всего отработали. Да я же тебе говорю, он не в горах,

совсем рядом с городом стоит, как его, городишко-то? Ну-ка, дай карту глянуть, а вот — Нижнеудинск, а он вот здесь, километрах в полуста, поселок то ли Пырей, то ли Торей, на этой карте не обозначен.

— Сам-то скоро его увидишь?

— Через месячишко точно.

Передать что?

— Привет передай. Я сам позвоню ему ближе к лету. Может быть.

— Ну и ладно. Слушай, Серж, у нас соседки здесь такие тепленькие. Жаль, лететь сегодня. Хочешь познакомлю?

— Да времени...

— Ух занятой мужик! Ну,

продолжим наши игры...

Проводил я их до Аэровокзала и поехал домой в крепком подпитии. Песенка в Бобровом исполнении крепко в мозгах завязла. «Там ждет тебя таежная, тревожная краса...» Приклеилась как лист банный... Речка как речка, полно таких в Сибири.

На следующий день, с тяжелой после «Крымского» головой, слонялся я по коридорам своей конторы. Работать настроения совсем не было. В одну комнату заглянешь, в другую. Там поболтаешь, там покуришь, глядишь, время до обеда и убьешь.

Так я вяло волочился по всем

режимным зонам, в которые у меня был допуск, пока наконец не забрел в подразделение, занимавшееся топографической привязкой наших «изделий». Стрельнув сигарету, уже пятую в это утро, я присоединился к группе товарищей, оживленно дискутирующих у гигантского планшета с красиво нарисованными цветными карандашами секторами лепестков радиолокационных станций и прочими интересными отметками.

Карты, составляющие планшет, были не чета бобровским. На новеньких листах красовались внушительные надписи: «Генеральный штаб. Секретно.

Обстановка 198... года». Гриф для нас не самый сильный, в основном мы с «СС»^[5] работали, а случилось и с «ОВ»,^[6] но карты были совсем свежие и очень подробные, вплоть до отметок типа «зимовье охотника». Масштаб 1:200 000. Тут-то я этот лист и увидел, а когда взгляделся повнимательнее, чуть сигарету противную болгарскую не проглотил. Озноб вдоль позвоночника пробежал.

Это был лист 14-47-14. Название местности: «Гора Улуг-Тайга». Реки Большая Бирюса, Малая Бирюса, Хорма, Мокрый Миричун, гора Хоройский Белок. Но кроме рек и гор и прочих красот природы было и еще кое-что. Населенные пункты в

верховьях Большой Бирюсы:
Покровский, Сергеевский
Андреевский, Катышный. Под
названиями приисковых поселков
везде стояло: «нежил.» и «брош.» —
нежилой, брошенный. Генштабовская
сводка на этот лист гласила:
«Территория необжитая. По долинам
рек встречаются брошенные поселки,
развалины и отдельные строения:
охотничьи избы, сараи. Дорожная
сеть представлена лесными
дорогами и вьючными тропами,
проложенными в основном по
долинам рек. Переправа через реки
осуществляется вброд, глубина от
0,5 м. Через реку Большая Бирюса
имеется деревянный мост

грузоподъемностью 8 т. Остальные мосты ветхие или разрушены...

Местность горно-таежная, представляет собой нагорье Восточных Саян (Гутарский и Мурхойский хребты), расчлененная узкими речными долинами, непроходимая для всех видов мехтранспорта. Рельеф

высокогорный, с абсолютными высотами 2100–2400 м. Горы имеют острые вершины и крутые (35°) склоны. Распространены каменистые осыпи и скалы-останцы высотой до 20 м. Повсеместно распространены острова многолетней мерзлоты мощностью до 60 м. Скорость течения рек 2,0 м/сек.

Территория сплошь покрыта лесом. Лес хвойный, преобладающие породы — кедр и лиственница. По долинам рек густые кустарниковые заросли... Климат резко континентальный. Зима (октябрь — апрель) холодная (до -50°C), сухая, малоснежная. Лето (середина июня — август) прохладное и дождливое. Дожди носят ливневый характер, сопровождаются грозой и градом.

Территория сейсмична, бывают землетрясения силой до 6 баллов. Много кровососущих насекомых. Требуется применение накомарников и химических средств защиты. Значительное количество крупных хищников (бурый медведь, рысь)

представляют опасность для человека...»

Да, не курорт эта «необжитая территория». Но что же произошло с теми, кто так неудачно ее обживал, кто населял все эти «нежил.» и «брош.» поселки? Что же случилось? И когда? Неужели есть доля правды в кабацком трепе Графа и след мрачной легенды дотянулся сюда, в этот год, и лежит передо мной на столе в виде пахнущего свежей типографской краской листа?

— Паш, можно тебя на секунду? — Я отозвал в сторонку веселого плотного парня, в ведении которого находился этот планшет.

— Слушай, Паш, скопируй мне

этот листик. Ребята на байдарках сплавиться хотят с этого места, а карт путевых не достать.

— Серж, читать умеешь? — Толстый Пашкин палец уперся в гриф в правом верхнем углу листа.

— Ну, Паш, перестройка шагает по стране! Скоро гриф на сортирную бумагу будут лепить. Что секретного в топкарте? Наших отметок на этой нет!

— Ну, ладно. Только не болтай. Болтун — находка... И ты мне должен. — Пашка сделал выразительный жест.

— О чем речь, дорогуша? Есть заначка. Лифовая. Ром «Гавана Клуб». Дайкири будешь делать!

— Дайкири? По-японски, что ли? Как харакири?

— Эх, молодежь, не задушишь, не убьешь... Помешались на всяких Ван Дамах. Дайкири — любимый коктейль Хемингуэя.

— А, «Старик и море»...

— «Иметь и не иметь». Так я буду иметь?

— Заметано. Зайди через часок.

До конца дня я просидел в уютной библиотеке института, рассматривая снятый Пашкой ксерокс. Краски исчезли с карты, но постепенно из кружева хитро переплетающихся линий, из цифр и значков топографической легенды передо мной отчетливо возник

угрюмый горный ландшафт. Я как бы слышал тоскливый шорох дождя среди изуродованных ветрами лиственниц, острый запах сырого мха и неровный гул стремительной темной воды, бьющейся в узких ущельях.

С кем бы поговорить об этом странном месте? Пожалуй, есть такой человек среди моих знакомых.

Вечером следующего дня я пил ароматный, густой, профессионально сваренный кофе в весьма необычной московской квартире. Бутылка великолепного старого «Энисели» уже опустела наполовину...

Необычность квартире
придавали и охотничьи трофеи на

стенах — тончайшая работа умелого таксидермиста, и стволы штучных ружей, тускло поблескивающие за стеклом старинного шкафа темного дерева, и коллекция национальных якутских ножей с рукоятками и ножнами из кости, покрытыми изумительной резьбой. Много было здесь такого, что привело бы в восторг знатока. С фотографий и картин доносилось ледяное дыхание арктических пейзажей, и суровые глаза неизбежно бородатых первопроходцев строго взирали на любопытного гостя.

С колоритным хозяином этой квартиры я познакомился в ноябре 1984 года на полярной станции

«Омолон», что находится на реке с тем же названием, на Западной Чукотке. Эта станция была вершиной маршрута нашего маленького отряда, от нее начинался обратный отсчет — на Пенжину.

...Вездеход, разбрасывая широкими болотными траками мокрый липкий снег, вылетел из-за сопки, и сквозь запотевшее стекло кабины я с трудом разглядел небольшой бревенчатый домик метеостанции с флагом и антеннами. Дом был обнесен корявой изгородью, на которой тяжело повисла огромная черная медвежья шкура. За домом текла мощная быстрая река, а за рекой убегал к горам редкий

лиственничный лес.

Последние лучи бледно-желтого неяркого северного солнца, уже почти скрывшегося за лесом, контрастно высветили фигуру человека, вышедшего на крыльцо. Он стоял, внимательно вглядываясь в подходивший транспортер, держал в левой руке тяжелый девятимиллиметровый «Лось», и резкий ветер с реки шевелил его длинные седые космы. Таким я впервые увидел Шульца, таким запомнил, таким и вспоминал всегда...

Омолон был его последней, двадцать девятой зимовкой в Арктике. Сын сосланного в сорок

первом в Воркуту поволжского немца, он начал свою полярную одиссею со станций Кольского полуострова, и за тридцать лет поработал на всем побережье — вплоть до Певека, всего навиделся.

Разговор наш вначале меня разочаровал.

— Нет, Сережа. Про Саяны ничего не могу тебе сказать. Я ведь все время севернее жил.

Шульц говорил медленно, негромко. В голосе его чувствовался какой-то глубокий, едва уловимый акцент.

— Ну хоть рассказывал кто-нибудь из знакомых? Может, детали какие случайные?

Шульц задумался, покачал в левой руке широкую низкую рюмку с коньяком. Законченный левша, даже дрова колот и стрелял с левой.

— В шестьдесят втором или, нет, кажется, в шестьдесят третьем работал я в дельте Енисея. Недалеко от нас двое охотников зимовали, напарники. Оба русские. И вот один из них что-то подобное рассказывал. Самого я помню хорошо, крепкий такой, коренастый мужик был, а вот как звали — забыл. В плен он попал в самом конце войны, из плена в наши русские лагеря угодил и как будто в Саянах бывал. Про восстание ничего не говорил, это точно, а все вспоминал парня одного, снайпера

бывшего, что ли, восхищался, говорил, что, если бы так стрелять умел, озолотился бы охотой. Хотя, с другой стороны, где им там стрелять — зэки же? Черт, не помню точно я его рассказов. Утонул он весной, я и самого-то его, может, и запомнил из-за этой нелепости. Мы между собой долго обсуждали: всю войну человек прошел, лагерей хлебнул, выжил, здоровье сохранил, и надо же — утонул. Эх, судьба!

Шульц выпил коньяк, аккуратно приложил салфетку к уголкам губ.

— Сами-то не охотитесь теперь? — спросил я.

— На кого здесь охотиться, Сережа? На секретарей разве скоро

будут охотиться. Да и сдал я, честно говоря, за последний год. Сижу больше дома, фотографии старые рассматриваю, библиотеку большую по Арктике собрал. Интересно читать! Когда правду пишут, когда брешут беспардонно, имен знакомых много встречаешь, даже меня несколько раз упомянули.

— Да ну?

— Да, да. Точно! Хочешь, покажу?

Шульц забрался на стул и стал копаться в полках высокого, почти до потолка, книжного шкафа. Что-то он там задел, и небольшая лавина книг, каких-то папок и альбомов хлынула на нас, подняв облако едкой пыли.

— Ах ты, дьявол! — Шульц соскользнул со стула и растянулся в ворохе бумаги.

Я кинулся ему на помощь.

— Давно сюда не лазил. — Морщась, Шульц ощупывал поясницу. — Понапихал когда-то как попало.

Сидя на полу, мы складывали в стопки пыльные тома.

— А это что, Герман Карлович? — В руки мне попала большая коричневая папка с портретом Вождя всех народов, рельефно тисненным на обложке.

— Кажется, карты старые. Ну-ка! — Шульц дернул завязки.

При первом же взгляде на то,

что лежало в папке, мне стало ясно, что не зря я сегодня старика навестил.

Лист Б-7, экземпляр № 6193, район Игарка — Жиганск. Полимаршрутная полетная карта. Код 31 — разрешено к печати. Продаже не подлежит. Данные спецнагрузки по состоянию на 1 июня 1953 года.

Вот и Бирюса. Бог ты мой! Все без исключения поселки отмечены, и нет никаких «нежил.» и «брош.». Более того, от Нижнеудинска, расположенного на Транссибирской железнодорожной магистрали, до Покровского тянется прямая черная линия, обозначающая регулярную

авиатрассу. И самое удивительное — от того же Нижнеудинска на прииски идет замысловатыми петлями красная нитка автомобильной дороги! И идет она именно через Гутарский хребет, там, где, как сообщает современная секретная карта Генштаба, лежит местность, абсолютно «непроходимая для всех видов мехтранспорта»! Занятно, занятно...

— Никак что-то интересное нашел, Сережа?

— Пожалуй.

— И я вот нашел. — Шульц похлопал по белой твердой обложке.

«Острова Баренцева моря». Автор — Денисов Н. М. В середине

небольшой книжки — блок фотографий. Полярная станция, собаки, белый медвежонок. На фоне этих стандартных декораций — десятилетней давности Шульц. Веселый и весь в мехах.

— Вот тебе с кем надо поговорить. — Шульц постучал по фамилии на обложке. — Профессор! Географ-этнограф. Уж он наверняка что-то подскажет. Хочешь, я позвоню?

— Звоните, Герман Карлович, звоните. Теперь мне позарез информация нужна. И карту эту я у вас позаимствую на время, можно?

— Да ради Бога, Сережа! Вы бы навещали почаще старика!

Я оставил его сидящим в старом, массивном кресле, в уютном красноватом свете лампы, за круглым старинным столом, с недопитой бутылкой коньяка, со старыми фотографиями, в окружении шкур, оружия и портретов бородатых полярников. Странная иногда бывает начинка типовых квартир в бетонных московских многоэтажках!

Вот теперь мне бы с Графом встретиться! Куда же он запропастился? Обещал же к Новому году приехать.

А Граф, оказывается, совсем рядом был, очень близко.

Глава 4

ПРОФЕССИОНАЛЬ УДАР

— Сергей! Вас Волков вызывает! — Начальник сектора, Старик Державин, положил телефонную трубку и подозрительно на меня уставился.

Ух, скверно день начинается! О моем существовании такой человек, как Волков, и знать-то не должен. Я ж один из нескольких тысяч инженеришек в этой конторе, а он — заместитель директора по режиму, полковник госбезопасности, я для

него — чисто статистическая единица. Но знает он меня лично, увы, знает. Была история.

Год назад курировал я договор с Ярославским университетом. Копеечный был договорчик. Единственная от них польза — статью совместную в их сборник тиснуть, мне для диссертации публикации набрать нужно было. Принимал я ярославских командированных, работали они с документами в основном «СС», а документы эти все на мне числились. Молодые ребята — аспиранты, четыре человека, допуск у всех оформлен, серьезными людьми казались. Но случилось, что

некоторые данные из моих «СС» списывали они «на карман» и неучтенный материал увозили в Ярославль. Ну как я за четверыми сразу мог уследить?

А у одного из этой четверки дружок-однокурсник по комсомольской путевке в органы ушел работать. И где-то по пьянке мой аспирантик и поведал близкому другу, как они работают с суперсекретной московской фирмой. Дружок-то не зря комсомольскую путевку получал — тут же доложил по команде. Звездочки, они даром на погон не прыгают. И мерзкие же были последствия этой горячей дружбы!

От «преступной халатности» до «измены Родине» — вот такой диапазон славные чекисты на нас отрабатывали. Для меня со Стариком Державиным еще хорошо кончилось — всего лишь премии лишили, выговор в приказе. И еще в обязательном порядке в первомайских колоннах трудящихся демонстрировать преданность делу рабочих и крестьян. А также бумагу специфическую мне предложили написать — обязательство докладывать о подобных случаях и вообще обо всем интересном. Перед кем обязательство, я думаю, пояснять специально не стоит. Но это — строго индивидуально, про Старика

Державина ничего не могу сказать, предлагали ему, нет ли.

Так вот, Волков персонально со мной работал. Пару недель спустя по окончании следствия зашел я к нему по собственной инициативе. Договор-то с меня никто не снимал. Прикинулся я таким шлангом, спрашиваю, что мне делать, если из Ярославля приедут или позвонят? Он пальчиками по столу побарабанил, поглядел на меня ничего не выражающими цинковыми глазами:

— Они уже не позвонят. Никому.

Вот так-то! Подальше от этих служб держаться надо, как можно дальше. Урок этот я твердо усвоил. Но — страна специфическая. Рано

или поздно, а все равно столкнешься.

Иду я к Волкову на прием на директорский этаж и лихорадочно думаю, зачем же я ему понадобился? С Ярославлем дело давно уже закончено... И вдруг как удар — карта, черт! Не иначе, кто-то из топографов заложил. Скопировал секретную карту, вынес с предприятия. Ну все, последствия печальны.

Секретарь у Волкова — молодой парень в строгом сером костюме, спортивного вида громила.

— Проходите.

Проходим. В кабинете сам Волков под портретом Феликса и двое помоложе, их не знаю, но по

виду из того же ведомства.

— Присаживайтесь, Сергей Александрович. Знакомьтесь, это товарищ с Петровки.

Волков нас представил. С Петровки? Вот те на! Слава Богу, карта ни при чем.

— Скажите, Сергей Александрович, вам знакомы эти телефоны? — Товарищ капитан Уколкин протянул мне листок бумаги.

Знакомы мне номера, знакомы. Сверху мой служебный, внизу мой же домашний.

— Кому вы их давали в течение последних трех недель?

Ну мало ли кому? Десятка два

человек наберется, сразу всех не вспомнишь.

— Ладно, уточним. Вот такая запись вам знакома?

Пачка сигарет «Столичные». На крышке оба телефона зеленым шариком записаны. Моего имени нет.

— Нет, не припомню.

— Ну, хорошо. А вот этого человека знаете? Две фотографии на столе. Девять на двенадцать. Портрет. Анфас и профиль. Знаю, конечно. Выражение лица только странное. Глаза широко раскрыты, слишком как-то широко. Удивленное такое выражение.

— Это Граф. То есть Александр Шереметьев, отчества не знаю.

— Граф — кличка? Из блатных? Имел судимости?

— Да нет. Впрочем, насчет судимостей не знаю, он не рассказывал. Работали вместе на Севере несколько лет назад. Я думаю, в кадрах Ботуобинской геофизической экспедиции в Мирном есть его анкетные данные. А что, собственно, случилось?

— Неприятная вещь случилась с вашим знакомым, неприятная. На перегоне Домодедово-Москва-Павелецкая, рядом с железнодорожным полотном, вчера был обнаружен труп мужчины. — Уколкин тронул указательным пальцем фотографию анфас. — При

осмотре ничего не обнаружили — ни документов, ни денег. Ничего, что помогло бы установить личность. Кроме вот этой пачки сигарет с телефонами. Первый номер привел нас сюда.

— Скажите, Сергей Александрович, вы разговаривали с покойным о характере вашей работы? — Это уже Волков вступил.

— Нет, ни в какой форме!

Содержание невзрачного листочка с собственной подписью я помнил твердо. Волков удовлетворенно кивнул.

— Сергей Александрович, мы просим вас помочь следствию. Нужно провести опознание. Товарищ

полковник подпишет вам
увольнительную. Наша машина у
главного подъезда. Собирайтесь, мы
вас у выхода подождем.

— Сергей Александрович всегда
ответственно относится к
исполнению гражданского долга. —
Волков внимательно посмотрел на
меня. Встал. Все поднялись вслед за
ним.

За высокопарной фразой вполне
угадывалось: «Помнишь, что
подписывал?» Как же, как же...

За руль белой, ничем внешне не
примечательной «Волги» сел
молчаливый напарник Уколкина.
Машину он вел очень спокойно, как-
то по-пензионерски, но до 54-й

больницы мы доехали на удивление быстро. Только на пустынной набережной Архиерейского пруда он слегка притопил, и меня моментально вдавило в спинку заднего сиденья.

— Ну и движок у вас!

Водитель посмотрел на меня в зеркальце, улыбнулся:

— Это ГАЗ-2434. У-образная восьмерка, двести лошадей.

Любит пареньь свою машину. Тема есть.

Пока Уколкин ходил к больничному начальству, мы хорошо с его коллегой поговорили, почти на «ты» перешли. Версия у них была пока одна. Убийство с целью

ограбления. Все забрали, даже часов не было на руке. И моя информация в эту версию укладывалась хорошо. На Севере человек работал, деньги большие получал, подпил в аэрофлотовском буфете со случайными знакомыми, болтовня и сгубила. И то, похвастаться Граф любил. Пассажиров его рейса надо проверять. Впрочем, сам рейс еще будут вычислять.

Откуда он мог лететь? А кто его знает? Мирный, Иркутск, Новосибирск, да хоть Анадырь. Ищите, ребята, ищите. Про Якутск я говорить им не стал. Своя версия уже начинала складываться.

Уколкин пришел с

прозекторами, повели нас в морг. Лежит Граф на каталке, закрыт белой простынкой до подбородка. Глаза закрыты, знакомое лицо. Белое, как сама эта простынка. Составили протокол опознания, подписал я его.

— Как его?

— Ножом. Сзади, под левую лопатку. — Уколкин просматривал документы, собираясь укладывать их в кейс.

— Не ножом, нет-с, молодые люди, не ножом! — От невысокого старичка-патологоанатома исходил легкий приятный запах высококачественного спирта.

— Да ведь явно же не пуля? — Уколкин посмотрел на врача с

недоумением.

— Холодное оружие, да-с, но не нож. Не хочу предвосхищать результаты экспертизы, но скорее всего это кортик!

— Кортик?

— Кортик, стилет.

Четырехгранный клинок, с равными гранями. И не штык — грани явно остро заточены. Сантиметров тридцать длиной. Удар очень точный, я бы сказал, высокопрофессиональный удар.

— Вы судмедэкспертом работали?

— Нет, никогда. А вот часовых снимать приходилось. Полковая разведка, от Киева до Будапешта.

Смею вас заверить, молодые люди, такой удар случайно не нанесешь, обучения это дело требует. Направление клинка, сила, скорость — все точно рассчитано. Смысл в чем? Моментальный шок! Ни рукой дернуть, ни крикнуть. Подумать о чем-либо и то не успеешь. И крови снаружи почти нет — внутреннее кровоизлияние. Поэтому и кортик выбран. Я вам говорю: и оружие, и рука профессионала.

— Может быть. — Уколкин пожал плечами. — Экспертиза покажет.

— Увидите, я прав!

— Может быть, может быть. Ну, всем спасибо. До свидания. Сергей

Александрович, вас подвезти?

— До Преображенки подбросите?

— Поехали.

Быстро мы обернулись, салон «Волги» еще тепло сохранил.

— Четвертое убийство за две недели на нас повесили! — Уколкин устало откинулся на сиденье.

— Много пахать приходится?

— А то? Сегодня часов до десяти в управлении просидим. С рейсами одними возни сколько будет. Вообще говоря, надежды мало. По трем делам хоть какая-то подвижка есть, а это, похоже, «висяк». Может быть, у вас какие-нибудь соображения есть?

— Да нет, ничего в голову не приходит.

— Вот, вот. Я тоже думаю — случайное ограбление. Не повезло вашему другу.

— Да уж, не повезло.

— Я смотрю, вы не очень расстроены? — внезапно спросил Уколкин с какой-то странной интонацией.

— В жилетку вам рыдать, что ли? — только и нашелся я ответить.

— Ну ладно, извините. Вот мой служебный телефон, если что в голову придет — звоните. Если вы нам понадобится, вызовем.

— Всего хорошего.

«Волга» аккуратно отвалила от

тротуара, разбрызгивая бурую
слякоть, влилась в плотный поток.
Красиво этот парень ездит, смотреть
приятно. И машина хорошая — будет
ли у меня когда-нибудь «Волга»?
Станный, однако, вопрос мне
Уколкин задал! Огорчен — не
огорчен, что ему до моих эмоций?
Его дело факты, улики собирать. Или,
может быть, другая версия все же
есть? И не такие простые они парни,
как кажутся на первый взгляд? А,
ладно, черт с ними, ничего лишнего я
вроде бы не сболтнул, больше
слушал.

Экспертиза покажет, конечно, но
в то, что Яков Наумович,
толстеный, красненький,

пьяненький, говорил, я, пожалуй, поверил. Неужели и он сам — вот так, «моментальный шок»? На улице встретишь — никогда не согласишься. Во-первых, явный Наумович, а во-вторых, ну никак на рейнджера не похож. Рукоятку кинжала в пухленьком кулачке представить трудно. Патологоанатом — это что, призвание? Да, любой человек — дебри бесконечные...

Смерть Графа странное впечатление на меня произвела. Пожалуй, Уколкин в чем-то был прав. Не было во мне никаких положенных по такому случаю чувств. Ни горя, ни гнева, даже сожаления особого не было. Честно говоря, меня самого

такая реакция удивила, даже неприятно немного стало. Может, и впрямь не хватает во мне чего-то, что должно быть у всякого нормального человека? Над страницами Достоевского слезу пускать доводилось, а вот над трупом человека, когда-то спасшего мне жизнь, ничего такого не ощущаю. Почему так? Нехорошо, плохо...

Но недолго я этим психоанализом занимался. За шесть лет, на факультете психологии проведенных, интроспекции^[7] много времени посвящено было; в больших дозах вредное это занятие — способность к действию теряешь. А сейчас такая способность

пригодится. Очень.

Убийство это я в свою цепочку фактов встроил. Плотное оно туда вошло, как патрон в обойму. Нашел Граф в Якутске то, что искал. И заплатил за это сполна. Дорогая, стало быть, информация. Ко мне он ехал, безусловно. Телефоны свои я тогда в кабаке ему дал. Правда, записал он их не на той пачке, просто на листке.

Была, конечно, небольшая вероятность, что случайное это нападение, из-за денег. Но таким вариантом пусть Уколкин занимается, мы же, как говорится, пойдем другим путем. Вот только под белую простынку не приведет ли

этот путь? Вполне прозрачное предупреждение! Да плевать на предупреждения, конец у всех один.

С этого дня азарт странный стал я ощущать, некое предчувствие лихой дистанции появилось. Вот поди ж ты, самое острое чувство по случаю гибели друга — какой-то стартовый мандраж! Где-то в подсознании залегла мыслишка, что попал я в некую гонку и не выйти мне уже оттуда до конца, даже вопреки желанию. Финиш, однако, пока не просматривался.

Предчувствия эти смутные основания под собой имели. Гонка, оказывается, уже не одно столетие шла. Это мне профессор Денисов

ПОЯСНИЛ.

Глава 5

ДЖУЧИ-ХАН И ДРУГИЕ

Шульц не забыл, позвонил профессору. Жил Денисов в районе Октябрьского поля. Там есть целый квартал сталинских пятиэтажек, заселенных в свое время ученым народом среднего ранга. Теперь дома обветшали, район стал уже не таким престижным, а население академических квартир оказалось сильно разбавленным всяческими дядьями, зятьями, сватьями и различными отпрысками, мало что

общего имеющими с творческим трудом.

В один из таких домов я и получил приглашение на воскресенье. Заочно, через Шульца получил. Утром, без пяти минут десять, набрав указанный код, я вошел в чистенький подъезд и поднялся на третий этаж. На обитой черным, местами потрескавшимся дерматином двери висела тусклая бронзовая табличка с надписью: «Проф. Денисов Н. М.». Однако субъект, открывший дверь на мой звонок, явно был не Денисов Н. М., а тем более уж не «Проф.».

— Заходы скарэй, дарагой! — сверкнув черными разбойничьими

очами, он окинул меня восхищенным взглядом. — Какой балшой, а?!

— Мне нужен...

— Нужен, нужен, сейчас будет! — Темпераментный представитель горских народов схватил меня за рукав куртки и затащил в прихожую.

— Ашот! — воззвал он куда-то в недра квартиры. — От Гарика друг пришел!

Только я собрался разъяснить недоразумение, как из комнаты слева по коридору выскочил длинный худой старик и довольно бесцеремонным жестом оторвал цепкую кисть генацвале от моего рукава.

— Вы Сергей?

— Да, мне назначил профессор в десять.

— Профессор — это я.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Наши вежливые расшаркивания пришились кавказцу явно не по нутру. Обращаясь опять к невидимому Ашоту, он разочарованным тоном завопил что-то на незнакомом мне наречии. Реакция профессора была более чем неожиданной.

— Пшел вон, пидор! — сквозь зубы процедил престарелый слуга науки.

Абрек с шипением удалился.

— Прошу в кабинет. — Взяв

меня под локоть, профессор сделал приглашающий жест рукой.

Путь в кабинет лежал через гостиную, плотно забитую всевозможным товаром. Пачки кожаных курток, груды джинсов, коробки со всевозможной аппаратурой — чего там только не было. Венчали это изобилие пять комплектов перламутровых итальянских унитазов. От них исходило легкое искристое мерцание, придающее грудам барахла очарование натюрмортов ранних импрессионистов.

— Вот, полюбуйтесь. — Профессор озлобленно пнул подвернувшийся под ноги мешок. —

Живу, как...

Далее последовал такой чудовищный загиб, что я, ей-богу, покраснел. Где ж этот сухопарый книжный червь изучил столь виртуозные обороты? Не часто доводилось мне слышать такого мастера.

...Будка ГАЗ-66 была на треть заполнена мешками с тротилowymi шашками. Девять шашек в мешке, по четыре килограмма каждая. Грузовик медленно пробирался по подтопленному профилю, держа курс на ручей Хатат. Взрывчатка предназначалась для так называемого «отстрела индюка» — идентификационного взрыва, по

которому калибровались сейсмостанции партии. В компании трех щетинистых бичей я покуривал, удобно расположившись на грудке взрывчатых веществ.

Тротил не порох, огонь для него практически безопасен. Мы кемарили, грузовик плавно покачивался на ходу, мерно урчал мотором. Вдруг машина остановилась. Я открыл дверцу и выглянул из будки.

На профиле перед машиной стоял человек, по обличию походивший на нас как две капли воды. Тот же обтрепанный «костюм геолога», болотные сапоги и грязная белая панама-накомарник. Он

улыбнулся и открыл рот...

...! — Прозвучали слова приветствия.

Далее в столь же выразительных оборотах последовала просьба подбросить километров на пять по профилю. Что ж, нам было по дороге.

Ввалившись в будку, он окинул бодрым взглядом наш неприятный груз и стал говорить. Боже, что это был за монолог! Поток ярчайших образов, изумительного юмора, отточенных сюжетов сопровождался потрясающей мимикой и удивительной жестикуляцией. Но и на пять процентов этот поток не состоял из общеупотребительной

лексики. Это был театр фантастического мата. Конечно, в этих краях и при такой работе без крепких выражений не обойдешься, но обычно звучат они буднично и пошло. Здесь же нашему вниманию было предложено настоящее искусство, без преувеличения.

Полчаса мы катались по взрывчатке, изнемогая от хохота. Рассказ нашего нового знакомого содержал описание суровых будней взрывника, коим он сам и являлся, и был, по сути, развернутым комментарием к инструкции по проведению взрывработ, точнее, к той ее части, где говорится о технике безопасности. Наконец, когда мы уже

почти задохнулись, он, постучав в стенку у кабины, остановил грузовик и закончил свое соло:

— Так вот, если... чтобы... висел на... детонаторы вместе с взрывчаткой не...

С этим напутствием он выскочил из будки.

— Знаем, знаем. — Степаныч слезы вытирал обеими руками. Смех еще булькал у него в горле. — У нас нет детонаторов!

— У вас-то нет! Зато у меня полная...

Наш юморист полез в карман штормовки и вытащил горсть гексагеновых «карандашей» с устрашающе торчащими усами

контактов.

Есть такое понятие в театральном мире — катарсис. Мол, зритель, сопереживая сценическим героям, через эмоциональную встряску испытывает облегчение, душу очищает. Я вообще не театрал, но думаю, что такого эффекта, которого добился этот мерзавец, ни в одном, даже столичном театре не достигали никогда. Душа не то чтобы очистилась, она просто воспарила.

Как вам понравится — полчаса трястись от гомерического смеха и в последнюю секунду осознать, что тряся ты, сидя на гранате со вставленным запалом и выдернутым кольцом?

Несколько мгновений мы молча смотрели на удаляющуюся фигуру весельчака.

— С-с-сука... — наконец плачущим голосом начал Степаныч.

— Не надо. — Я успокаивающе тронул его за плечо. Черт, у самого губы деревянные. — У тебя все равно так не выйдет...

Выражения, которыми старый профессор подробно характеризовал образ жизни и род занятий Автандила и Ашота (один из них, я только не понял кто, был близким другом его тридцатипятилетней дочери), живо напомнили тот впечатляющий таежный концерт. Может, и сюрприз взрывоопасный у

старика в загашнике лежит?

Пока ученый муж остывал и речь его входила в цивилизованное русло, я, сочувственно поддакивая, рассматривал кабинет. Мебель тяжелая, массивная, академическая, люстра бронзовая, патиной подернутая, старинная наверняка, больше ничего примечательного. Одни книги, ни шкур, ни ружей, не сравнить с Шульцевой берлогой. Ну вроде успокоился старик, пора к делу.

— Восточные Саяны? Географический центр Азии... Да, да, Герман мне говорил. А что вас, сударь, собственно, интересует?

— История золотых приисков на Бирюсе.

— О! Действительно, очень занимательная тема. Вообще, история золота поразительно интересна! Металл Мефистофеля! Какие люди, какие судьбы! Да, кстати, Бирюсинские прииски — поистине чертово логово.

— В самом деле?

— А вот послушайте. Родились в России в конце восемнадцатого столетия два человека. Почти ровесники. Один в семье уральского рабочего с Демидовских заводов, полураба. Второй в семье состоятельного священника, с приходом в Красноярске. Первый рос как репей, шпана по-нынешнему, второму родители образование дали

самое лучшее, какое только в те времена можно было получить. Оба поднялись, смогли дело свое открыть. Первый фабрики завел в Златоусте, подряды для армии царевой брал, второй по торговой части развернулся, в гильдию вышел купеческую.

Но оба имели странный и одинаковый по силе дар. Золото чуяли. Не в смысле денег, а в смысле месторождений. Яким Рязанов и Борис Толкачев. Ничего не говорят вам эти имена?

— Нет, не слышал.

— Да где уж там. История золота российского когда еще будет написана! Вот эти одногодки,

Рязанов и Толкачев, глаз на золото имели острый. Как, почему, от кого такое знание? Ничего не известно. А только оба постепенно легендой стали среди золотодобытчиков. Яким на Урале много крупных россыпей нашел, Борис на притоках Енисея старался.

И вот они одновременно или почти одновременно решили, что на Бирюсе золото есть. Как догадались, от кого слышали — опять загадка. Тогда же не только карт этих мест не было, а и человека-то, который бы там побывал, почти невозможно было встретить. Но к тысяча восемьсот тридцать пятому году оба снаряжают партии на Бирюсу.

Весной тысяча восемьсот тридцать шестого года их экспедиции, двигаясь навстречу друг другу, сошлись в верховьях Бирюсы. С севера шла партия Рязанова, с юга Толкачева. Богатейшие россыпи на Большой Бирюсе нашли люди Якова, а на притоке Бирюсы Хорме — люди Толкачева. Каждый считал себя первым. Началась война.

— Война?

— Представьте себе, настоящая война! Люди известные, можно считать, исключительные, за каждым народом много стояло. Поманило золото, много его там было, очень много. Ан никогда на всех не хватает. Кровь пролилась. Только после

вмешательства правительства прекратились боевые действия на Бирюсе.

В Петербурге судебный процесс шел шесть лет. Взятки огромные, шантаж, убийства! Только в тысяча восемьсот сорок втором году Яким Рязанов выиграл дело и стал полноправным владельцем Бирюсинских приисков. Так началась история золота Бирюсы — не просто золота, а первого Большого золота Восточной Сибири.

— А что стало с Толкачевым?

— Неизвестно. С тысяча восемьсот сорок второго года о нем известий больше нет. Разорился, застрелился? Кто знает. Якому эта

победа, по-видимому, тоже счастья не принесла. Два года спустя он исчез.

— Исчез?

— Да, никто не мог сказать, куда он делся. Как сквозь землю провалился. Последний раз видели его в Москве в тысяча восемьсот сорок четвертом году.

— А прииски?

— Что ж прииски. Работали. Из рук в руки переходили. В казне были одно время. В двадцатых годах нашего столетия было образовано «Лензолото» — госпредприятие. Бирюсинские прииски вошли в его состав.

— Небось уже зэки вкалывали?

— Нет, тогда еще нет. Начальник «Лензолота», Мильчаков, кажется, был большим либералом, насколько это возможно было, конечно, при Сталине. Считал, что добыча золота должна быть кооперативной, на худой конец вольнонаемной, так, мол, производительность выше. Но у Ежова другое было мнение на этот счет. Он производительность известными методами повышал. С середины тридцатых годов все «Лензолото» переходит в ведение НКВД, и Мильчаков в том числе. Только уже не как начальник.

— Что с ним произошло?

— А Бог его знает. Сгинул где-то в лагерях. Может, в архивах КГБ и

есть его след. Я не знаю.

— На Бирюсе был лагерь?

— Да, был, конечно. Наверняка.

Где крупные прииски — там везде зоны были. Золото дешевое для Страны Советов добывали. Дешевое, потому что жизнь дешевая. — Лицо Денисова на секунду как-то странно скривилось, он отвернулся, провел ладонью по глазам.

— А потом?

— При Никите? Не знаю, но думаю — работали прииски. И сейчас, вероятно, работают. Месторождение там богатейшее. Рязанов с Толкачевым россыпи нашли, а сейчас уже до коренного, наверное, добрались, техника

нынешняя не чета ихней, помощнее будет.

— Значит, сейчас там прииск?

— Наверное. Куда он денется!

Да что там сейчас, это мало интересно. Гораздо любопытнее, что история бирюсинского золота задолго до Рязанова с Толкачевым началась.

— Как же это? Вы говорили, что прииск в тысяча восемьсот сорок втором году возник?

— Прииск — да, верно. Но золото из этих мест появилось и до приисков. Я вот думаю, что Яким с Борисом след этот обнаружили, тофаларский.

— Какой след?

— Тофаларский. Район, где прииски находятся, сейчас называется Тофаларией. Но это современное название. Возникло во времена Хрущева. Какой-нибудь придурок, головенку в обкоме поотсидевший, придумал. Равноправие наций, дружная семья народов и прочая чушь. Тоф, тофалар — на местном наречии просто означает «человек». Страна «Человекия» получается, что ли? Родовое название народа, который там обитает, — карагасы. «Черные гуси» — по-русски звучит. Очень, очень странный народ.

— Чем же?

— На Севере бывали? Чукчей,

якутов, эвенов видели? Можете чукчу от эвенка отличить?

— Нет, пожалуй. Для меня все на одно лицо.

— Вот, вот. Как мы, европейцы, для китайцев. А вот карагаса среди этих малых народностей сразу выделите. Лицо тонкое, европейского типа, никаких широких скул, никаких узких глаз, нос не приплюснутый, очень даже тонкий нос. Только настоящих, чистокровных, мало осталось, может, сто человек, может, двести. Метисы смешались с русскими, с бурятами, разве что с неграми нет. Они там в трех поселочках маленьких обитают, главный — Алыгджер.

— Откуда они в Саянах?

— Опять загадка! Язык их резко отличается от языков ближайших соседей — тех народностей, что рядом живут. Корни его тюркоязычные, совсем другой группы язык, чем, например, бурятский. Есть мнение, что появились они в Саянах в начале тринадцатого века, их туда Джучи-хан загнал, последователь Чингисхана. Этот Джучи считал, что империя должна на север и восток развиваться, и в одном из своих разбойничьих походов наткнулся на карагасов. Силы, понятно, были не равны, он их почти истребил, но вдруг остановился.

— Почему?

— Легенда говорит, что откупились они. А чем могли откупиться?

— Золото?

— Вот! Хотя я, честно говоря, думаю, что не в золоте было дело. Просто на такой пересеченной местности воевать несподручно. Чего ради по тайге бегать, партизан этих ловить? Но, может быть, легенда и права. Карагасы эти из своих гор вылезали потом нечасто. Замкнуто жили. Золото если и мыли, то не для торговли, для своих целей — украшения, ритуалы.

— Культ золота у них существовал?

— Да что вы, батенька! Это ж не ацтеки, не инки какие-нибудь. Все гораздо примитивнее было. Тип религии — шаманизм. Может, шаман с золотой серьгой в носу по большим праздникам скакал — и только. Правда, слава об этих карагасах шла какая-то странная. Вроде некоторыми сверхъестественными способностями владеют, болезни на недругов своих могут насылать, а также внушить человеку, что потерял он что-то в их горах, места себе не будет находить, обязательно в горы уйдет на поиски и никто не увидит его больше. Конечно, легенд такого сорта полно. Живет народ замкнуто, места дикие, для полета фантазии —

свобода и простор.

Вот мне и кажется, по слухам и легендам Толкачев с Рязановым на Бирюсу вышли. А может быть, украшения золотые или амулеты кто-то видел, совсем изолированно карагасы жить не могли, были наверняка контакты какие-нибудь. Кстати, через Тофаларию путь контрабандный шел в Монголию и Китай, и по этой тропе золотишко тоже плавало. В шестнадцатом веке разбойничал на этой дороге какой-то Усул-Батор, монгольская, судя по всему, сволочь. По слухам, большие партии золота в Поднебесную переправлял. А где брал? На Бирюсе, конечно, карагасы мыли. Задолго все

это было до тысяча восемьсот сорок второго года, прошу заметить.

— Оживленные какие места!

— Ну еще бы! Возле такого-то месторождения! Сейчас там какой-нибудь «Совзолпром» хозяйничает, а тофалары спились, поди, все, как везде.

(Да нет, профессор. Генштаб с вами не согласен. Нет теперь никаких приисков. Кругом «брош.» и «нежил.». Хотя тофалары спиться, конечно, могли.)

— Литература есть по этой теме?

— Монографий нет. Статьи, может быть, в каких-нибудь популярных журнальчиках

проскальзывали. Мне не попадались.

— Диссертации?

— Я же вам, сударь, толкую — история золота российского, сибирского в частности, не написана. А современные данные — вообще табу. Слишком много интересов пересекается, да и на кровушке все замешано. То, что я вам сейчас порассказал, — это все из, так сказать, личного архива. — Профессор постучал себя по высокому морщинистому лбу. — Когда я на Игарке загорал, у меня было время фольклор собирать.

— Неужели никто серьезно этим не занимался?

— Ну почему же. Занимались.

Только публикаций не найдете. Секретно-с! В Якутском университете однокашник мой, Валя Малышев, очень этой темой интересовался.

— И сейчас в Якутске работает?

— Живет в Якутске, а работает вряд ли. Возраст, дорогой мой! Пенсионер он давно. Впрочем, я уже года два с ним не переписывался.

Якутск, Якутск... Не к этому ли пенсионеру Граф летал? Надо бы выудить у профессора адресок...

— Позвольте, сударь, полюбопытствовать, а что это вы так заинтересовались Бирюсой?

— Да вот ребята знакомые летом вояж небольшой совершить

туда хотят. В спортивных целях.

— А, туризм! Ну что же, если попадете в Саяны, пофотографируйте там побольше. А потом ко мне загляните. Хотелось бы посмотреть. Самому-то из Москвы не выбраться уж, наверное. С этими... доживать придется.

Профессор стал вновь нагреваться. Пора было откланиваться.

— Кстати, вспомнил! Есть одна книжица, может быть, что интересное в ней найдете. О Саянах. Хотя непосредственно о золоте упоминаний, кажется, не содержит. Где же она? А, вот!

Денисов протянул мне томик,

изданный в стиле пятидесятых годов. Федосеев. «Мы идем по Восточному Саяну». Название многообещающее...

— Только обязательно верните, коллега. С автором имел честь быть знаком. Книга с дарственной надписью. Раритет, так сказать. Привлекали его очень эти места. Где только не бывал, а в Саяны как магнитом тянуло. Сердце свое завещал там похоронить. Исполнилась воля — на перевале Федосеева оно лежит. Ну, всего наилучшего, думаю, обязательно еще увидимся.

Я пожал неожиданно сильную для такого пожилого человека руку и

покинул странную квартиру. Из автомата у станции метро «Октябрьское поле» позвонил Шульцу.

— Ну как, Сережа, есть польза от Денисова?

— Да много занятного порассказал, подумать есть над чем. Хвостик дал в Якутске. Кстати, Герман Карлович, где это он так ругаться лихо наострился?

— А, слышали, да? Не на вас, не дай Бог?

— Нет, у него там семейные проблемы.

— Так ведь он лет пятнадцать срока оттянул. От Колымы до Игарки. Школа!

Да, в этом славном государстве никто от сумы да от тюрьмы...

В книжке Федосеева ничего полезного я не обнаружил. Лирично, романтично, интересно, но про прииски — ни слова. Год издания — 1955-й, где уж там...

В первом часу ночи стоял я на кухне собственной квартиры с чашкой чуть теплого чая в руке и смотрел в окно. За окном был лесок, за леском угадывались огни платформы Лианозово. Шел медленный крупный снег, и лес казался светлым, приветливым и красивым. Потягивая горьковатый напиток, я чувствовал, что нахожусь перед неизбежностью опасного

решения. С последним глотком
исчезли и остатки сомнений.

Надо ехать! Но одному, пожалуй,
не справиться. Пора сбор трубить.

Глава 6

КОМАНДА

Джучи-хан, угрожающего вида мужчина с лицом Цеденбала и торсом Гойко Митича, бежал прямо на меня, с гиканьем вращая над головой белогвардейскую шашку. Я выстрелил в него из ржавой одностволки, и мелкая дробь с визгом брызнула от облицованных фальшивым мрамором колонн аэропорта «Домодедово». Пассажиры поджали ноги, но продолжали дружно приветствовать Джучи, меня не поддерживал никто. Чувствуя затылком смрадное дыхание

монгольского героя, я, петляя среди чемоданов и тюков, выскочил на взлетную полосу и помчался за удаляющимся самолетом. Струи выхлопа били мне в лицо, дышать становилось все труднее, ноги оторвались от бетона, и я провалился в зияющую черноту.

...Тридцать девять и семь. Ртутный столбик термометра дал убедительное объяснение ночному кошмару. Что ж, неделя свободного времени даст возможность систематизировать накопившуюся информацию, да и над выбором людей надо было серьезно подумать.

Перестройка шла уже полным ходом. В бурных волнах газетно-

журнального потока глазам изумленных совков открывалась такая правда жизни, такие исторические дали, что казалось — вот он, момент истины, близко уже царство разума и света. Золотой был год для журналистов, приподняли они тонус масс на небывалую высоту. В мутных, желтых, стремительно несущихся водах попадался и твердый осадок, представляющий немалый интерес для моего предприятия.

Как раз в эту гриппозную неделю, ошалев от высокой температуры и ночных посещений назойливого Джучи-хана, следил я за схваткой двух столичных газет. Одна

из них опубликовала обширный подвал, где резко критиковалась артельная золотодобыча на реках европейского Севера страны. Мол, старатели всю экологию помножили на ноль, а золото утекает неизвестно в чьи карманы сквозь дырявое сито купленного на корню госконтроля.

Вторая ответила хлестким опровержением, где на живописном фоне романтической работы старателей, направленной исключительно на процветание любимой родины, расцветали убедительные доказательства тому, что на корню куплены не соответствующие чиновники, а главный редактор оппонирующей

газеты и иже с ним. Руководство золотодобывающих артелей, напротив, изображалось в виде мужественных и честных ангелов.

Скандал разрастался, в орбиту дуэльных публикаций втягивались все новые имена и должности, взаимные обвинения приобретали все более серьезный характер. Наконец, промелькнули упреки в адрес некоторых членов коллегии Генпрокуратуры и кое-кого из союзных министров. В этом же раунде прозвучала фамилия Саманова, я покойного Графа мигом вспомнил. На этом схватка внезапно прекратилась, закончившись как обычно — ничем.

Буквально — как отрезало, оба рупора общественности деловито занялись раскапыванием совершенно других помоек. Все это было очень интересно, но к Бирюсе никакого отношения не имело, так, по крайней мере, мне тогда казалось. Как-никак, а между Архангельской губернией и Восточными Саянами тысяч восемь километров — расстояние планетарного масштаба. Поистине: «Нам не дано предугадать...»

Скандал этот всего лишь укрепил меня в мысли, что золото в любые времена остается очень привлекательным товаром, и борьба за передел собственности в мире добычи этого металла — вещь

обычная. Методы только меняются, да и то не слишком. Судя по статьям, навыки Джучи-хана вполне и сейчас применение могли бы найти.

Я уже настроился, что летний отпуск проведу в Восточных Саянах. Но вся информация, которую мне удалось собрать о местах, что так меня привлекали, напрочь убивала идею о путешествии в одиночку. Достаточно большой букет возможных неприятностей содержался уже в генштабовской сводке. От высокогорного рельефа до крупных хищников. А если добавить возможное пересечение моих интересов с хищниками двуногими, принадлежащими как к белой расе,

так и к непонятным пока тофаларам-карагасам, то не подлежало сомнению, что риск одиночного маршрута превышает все разумные пределы.

Подбирать группу следовало очень тщательно. Опыт болезненной притирки друг к другу случайных людей, волею обстоятельств заброшенных в глухие места на срок от недели и больше, был мне хорошо знаком. На собственной шкуре я этот опыт записал, не в переносном, а очень даже в прямом смысле.

Среди людей моего нынешнего постоянного круга никаких подходящих кандидатур не было. Ни опыта соответствующего, ни навыков

нужных не имели люди, да и вообще за нелепую шутку посчитали бы приглашение тащиться черт знает куда за каким-то призрачным кладом. Надо было в недавнем прошлом поискать. Там любопытные экземпляры можно было обнаружить.

Критерии отбора были простые. Во-первых, наличие полевого опыта, во-вторых, необходимая пропорция цинизма и романтичности в характере, та, что делает человека подлинным авантюристом, и, наконец, чувство взаимной симпатии, благодаря которому я мог бы кандидату доверять настолько, насколько я вообще могу кому-нибудь

доверять.

Есть у меня фотография, сделанная в весьма интересном месте. Любительский снимок, не очень хорошего качества, стареньким ФЭДом сработанный. Корякский национальный округ. Административная граница Камчатки и Чукотки. На фоне отрогов Корякского нагорья стоит потрепанный гусеничный вездеход ГАЗ-71, а рядом с ним в вольных позах три улыбающихся человека, четвертый, стало быть, камеру держит и в кадре не присутствует. Впереди у них две тысячи километров по удивительной горной тундре, виражи такие, что на десяток

последующих лет впечатлений хватит. И кошмарная ссора в конце маршрута, драка в глухом ущелье, заваленном мокрым, рыхлым снегом.

Вот два человека с этого снимка, пожалуй, могли бы сгодиться. Тогда у них хватило соображения мою позицию поддержать. Давно мы, правда, не виделись, но люди не меняются, нет, не меняются. Что есть в человеке, то и до гробовой доски с ним остается. Можно и телогрейку на смокинг сменить, и лоск салонный приобрести, и эрудитом стать, но внешнее все это, внешнее! Сколько раз сам убеждался.

Итак, номер первый — Игорь Гольцев. Тогда — механик-водитель.

Сейчас баранку автобуса крутит где-то в Химках. Шофер от Бога. Служил в погранвойсках. Участник конфликта на Даманском. Семейное положение хреновое, материальное не многим лучше по случаю нежной любви к зеленому змию.

Номер два. Сергей Гришин. Плотный, невысокий паренек с круглым лицом, с которого никогда не сходило добродушно-успокаивающее выражение. Вот только глазки выдавали. Серые, колючие такие, очень внимательные. В линейной милиции работал, на метрополитене, сержант. Потом долго по Северу бичевал, все где-то больше в Магаданской области.

Сейчас в Москве — подпольный ювелир, руку набил, видел я несколько изготовленных им побрякушек. В камнях, породах разных неплохо разбирается.

Третьим кандидатом стал Мишка Бахметьев. Этого хлебом не корми — дай с дробовиком по лесу побегать. Фанатик охоты и рыбалки. В Сибири он не бывал, но в лесу жить мог свободно, как Тарзан. Кличка «Юннат» с детства за ним закрепилась, браконьерище страстный — не от нужды, по убеждению. Для него приглашение в Саяны — праздник души, именины сердца.

Четвертым я решил пригласить

Степаныча. Давно уже друг дружку знаем. Учились вместе, в Якутии не одну неделю в тайге вдвоем провели. Да и статус его нынешний не лишним может оказаться. На Большой Лубянке он теперь работает, в управлении кадров КГБ. Тесты разные разрабатывает для проверки желающих пополнить стройные ряды борцов за дело Ленина. Чтоб шизы в рядах не было, а исключительно все с чистыми руками, холодными головами и так далее. По боевому расписанию он к подразделению по борьбе с терроризмом на авиатранспорте прикомандирован, в его задачу входит террориста убалтывать, переговоры вести, пока

рейнджеры соображают, как в самолет прорваться. Удостоверение он имеет какое положено, оно очень даже может пригодиться.

Собрались мы такой тесной компанией на моей квартире весной, где-то в начале марта. Перезнакомил я гостей между собой. Под небыстрые возлияния приступили к делу.

— Ну что, братцы, известно вам о Бирюсе? — игриво так я начал.

— Поганый холодильник, ломается быстро. — Бахметьев умело разделявал жирную атлантическую селедку.

— А если не холодильник?

— В кабак, что ли,

приглашаешь? Есть такой на Калининском.

— Нет, Степаныч, и не кабак. Еще соображения есть?

Все так или иначе выразили недоумение. Все, кроме Гришина. Глазками своими остренько меня царапнул, очень-очень внимательными стали глазки.

Рассказал я им почти все. Про Графа только ничего не стал говорить. Зачем энтузиазм охлаждать? А энтузиазм забурлил будь здоров в ответ на мое предложение. Засиделись парни в Москве, заскучали, правильно я их вычислил.

Под водку с селедкой фантазии

быстро расцветали. Еще бы, флибустьерский сюжет, да в таких экзотических местах! Саяны все присутствующие только на этикетке газированной воды видели. Только Серега веселье бурное как-то не очень разделял.

Когда Мишка кончил смаковать поголовное избиение всех саянских парнокопытных и перешел к тонкостям извлечения медвежьей желчи, Гришин озабоченно взглянул на часы и попрощался.

— Жаль, ребята, я вам вряд ли компанию могу составить. Тетка участок получила, летом строиться будем. Ну, бывайте. Серж, проводи меня чуток.

На полутемной лестничной площадке Гришин взял меня за плечо, крепко потянул свитер на себя.

— Бросай немедленно свои бредни, Серж! И ребят не тащи. Иначе плохо все может кончиться, — говорил он тихо, со знакомой теплой интонацией.

— Если знаешь что, скажи, будь добр. Что ты меня за сопливого держишь? — Я сбросил его руку с плеча.

— Знаю мало, а что знаю — не твое дело. Только говорю тебе — бросай, иначе...

— Что, что «иначе»?

Он внимательно поглядел мне в

глаза.

— Дурак ты, Серж. Запомни — я тебя предупреждал. Подумай хорошенько.

— Пошел к черту! Струсил, так нечего здесь мудрого разыгрывать, без тебя обойдемся.

Гришин развернулся и пошел к лифту. Я плюнул с досады и захлопнул дверь лестничной клетки. И чего это я так взбеленился?

Вернувшись в квартиру, я застал команду уже вполне спевшейся. Груды воображаемых хариусов, связки соболей, медвежьи шкуры, соблазнительные тофаларки — все это витало в сигаретном дыму. Решено, едем вчетвером, без

хитрожопого Гришина обойдемся. Всегда слишком осторожным был, вот и пусть кулончиками да браслетиками приторговывает, на дачу зарабатывает.

К полуночи тактика экспедиции была разработана, сроки и снаряжение обсуждены. Ребята разошлись с нужным боевым настроением.

Я был очень доволен результатами встречи. Четверо — не один. Шансы на успех сильно возрастали. Если он вообще возможен, этот самый успех. Ну а если и нет там ничего, просто отпуск хорошо проведем, тоже дело.

Вот только про Графа я, может

быть, зря им не сказал, да и про письмо из Якутска тоже. За неделю до этого сбора получил. Был там у меня один знакомый, в геологическом управлении треста «Якуталмаз». Написал я ему с просьбой зайти к доценту Малышеву, несколько вопросов у него прояснить, адрес отправил. Мог бы, конечно, и сам к старику обратиться, по рекомендации Денисова, но письмо — одно дело, живой разговор — совсем другое. Кольке Лобачеву из «Якуталмаза» такое дело можно было поручить, он раскрутит кого угодно, талант такой у человека — следовательно в нем погиб. К тому же мысль у меня была — Лобачева к

делу привлечь, ему я всегда доверял.

Но Коля меня разочаровал. Не поговорил он с доцентом Малышевым. Не успел. В середине января отдал Богу душу доцент. Жил старик на окраине города, в частном доме. Вот в двух шагах от дома соседи его и нашли. Замерз. Возвращался поздно, может быть, поддал, может, сердце прихватило или еще что-нибудь. Старый совсем был, за восемьдесят. В Якутии-то в январе мороз под минус пятьдесят.

А интересно, знает что-нибудь Гришин в самом деле или просто так болтал? Вообще-то он парень серьезный, ну да шут с ним, загадок и так хватает. Программа теперь

ЕСТЬ, НАДО ВЫПОЛНЯТЬ.

Глава 7

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Диспозиция была разработана такая. Пока команда собирает и готовит снаряжение, я продумываю способы нашего проникновения в верховья Бирюсы. Согласно генштабовской карте никаких дорог там нет, остается авиация. Однако регулярных рейсов в этот медвежий угол тоже нет. Арендовать частным лицам вертолет или самолет для полета в несанкционированном властями направлении невозможно — не Австралия здесь, не Аляска какая-нибудь. В три тофаларские

деревни борты наверняка ходят, но от ближайшего поселка до верховьев Бирюсы добрая сотня верст, и не по шоссе — через два несимпатичных перевала. А альпинизмом я никогда не увлекался.

Под Нижнеудинском базируется партия Виктора Соколова, моего хорошего знакомого. Вертолетом он наверняка располагает, но входит ли нужный нам район в разрешенные для его полетов квадраты — неизвестно.

Поразмыслив над транспортными проблемами, я пришел к выводу, что требуется пилотажная поездка в Нижнеудинск. На месте все яснее будет, может

быть, и по приискам
дополнительные сведения получу.

Команда решение сочла мудрым,
и в начале мая за сорок один рубль я
взял купейный билет на фирменный
поезд «Байкал», Москва — Иркутск.
Когда я увидел свой «фирменный»
вагон, горькое сожаление по сорок
одному рублю охватило все мое
существо. Этот раздолбанный
зеленый сарай вовсе не был
купейным, он вообще не имел
нумерованных мест. Качать права
было уже поздно — до отправления
оставались считанные минуты.
Проводник клятвенно заверял
озлобленных пассажиров, что на
боковые полки сажать никого не

будут и все поедут вроде как бы в купе.

Попутчики мои производили впечатление намного более благоприятное, чем вагон, и сильно скрасили разочарование от навязчивого перестроечного сервиса. Многочисленная компания литовцев средних лет совершала экскурсионный вояж на Байкал. Знакомство наше началось с обсуждения острых политических проблем, но постепенно российская водка и литовские ликеры под интернациональную закуску заставили перейти нас к истинно общечеловеческим ценностям. Через пару часов после отправления

облезлый вагон содрогался от национальных литовских песен, исполняемых мощным хором.

Я музыкального слуха напрочь лишен природой-матушкой, языком литовским тоже не владею, но, будучи уже прилично подогрет, рискнул вступить с суровым мычанием в тех местах баллады, где тянули мужские голоса. Моя смелость была должным образом оценена, и пузатый бородач с труднопроизносимым именем, что-то вроде Витаускас, приступил к облагораживанию моих певческих потуг. Обучение сопровождалось таким обильным смачиванием гортани, что скоро я уже не мог

произносить длинные и сложные слова как по-русски, так и по-литовски и стал звать своего преподавателя коротко и ласково — Вискас.

Все трое суток дороги в вагоне царила приятная ресторанная атмосфера с практически непрерывными песнопениями и даже попытками литовцев продемонстрировать некоторые элементы национальных танцев. Засранец проводник обещаний своих, конечно, не сдержал, и за Уралом напустил в вагон тучу живописных бичей. Узлы, мешки и прочая кладь заполнили все проходы, а бичи сначала робко, а потом все уверенней

втягивались в орбиту нашей веселой компании.

Наконец, где-то в районе Тайшета, к нам ввалился гигантский детина с двумя объемистыми мешками. Один из мешков совершенно автономно совершал хаотичные движения и временами трогательно посапывал. Добрый молодец окинул веселых пассажиров опытным взглядом слегка выпученных, налитых кровью глаз, и на его сизой роже, покрытой жесткой пегой щетиной, отразился неподдельный восторг.

— Сосибиррь — страна чудес! — С этим кличем он выхватил из-под плаща двухлитровую бутыль

какого-то мутного озверина и, выдернув зубами пробку, скрученную из газеты, стал наполнять услужливо протянутые публикой стаканы.

Прибалты хотели вновь предаться хорошему удовольствию, но сибирский гость сделал грозный запрещающий жест. С шумным бульканьем он проглотил фиолетовое содержимое стакана и на секунду замер, видимо, прислушиваясь к действию зелья на организм. Затем удовлетворенно откинулся назад, разинул усеянную желтыми бивнями пасть и жутким голосом завопил:

— Бррродяга Байкалл перррееехал...

Посуда на столе звякнула,

представители западной
цивилизации побледили,
вертевшийся на полу мешок
пронзительно завизжал.

Поезд прибыл в Нижнеудинск
ночью, я вышел на плохо освещенный
перрон и двинулся к пустому вокзалу.
От дверей бросил прощальный взгляд
на веселый поезд. Окна вагонов
неярко светились синеватым ночным
светом. Все спали, только из нашего
доносился стройный хор, на фоне
которого рельефно выделялся крутой
бичевский бас. Мне показалось, что
он уже пел по-литовски.

Несмотря на трое суток,
проведенных в дороге, я чувствовал
себя отдохнувшим, если не телом, то

душой точно. Напевая «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...», забавный, прошу заметить, парадокс, я вошел в чужой темный город.

В единственную гостиницу Нижнеудинска я устроился без особых проблем, две трети номеров были пусты. Мне достался одноместный «люкс» с телефоном, холодильником и парой сотен крупных, как сливы, тараканов.

Главной целью был аэропорт, и уже в восемь утра следующего дня я вылез из пропыленного автобуса, остановившегося у невзрачного зеленого барака с огромной, во всю стену, надписью: «Аэрофлот —

самая крупная авиакомпания мира».

За баракom раскинулось грунтовое летное поле, обнесенное ржавой, местами порванной сеткой. На поле стояли пара древних, облупленных бипланов и штук шесть свежих на вид вертолетов МИ-8. Судя по состоянию полосы, «Боинги» самая крупная компания мира не принимала.

Документ, приколотый возле окошечка кассы, назывался «коммерческое расписание». Из его содержания следовало, что к услугам желающих вылететь в Алыгджер, Нерху и Гутары аэропорт мог предложить комфортабельный фанерный лайнер АН-2. Суть же

«коммерции» заключалась в том, что путешественникам, решившимся на полет на этой воплощенной скорби мирового авиастроения, следовало обождать до того момента, когда все билеты будут раскуплены. Когда же наступит сей счастливый момент, оставалось загадкой — аэровокзал был абсолютно пуст.

Ну что же, буду первым пассажиром. Пропихнув в окошечко кассы паспорт и требуемые расписанием семь рублей, я вежливым покашливанием разбудил толстую даму в авиационной форме, сладко похрапывающую в кресле кассира.

— Один билет в Алыгджер,

пожалуйста.

Дама, подавив зевок, потянула к себе деньги. Готовясь заполнять билетную книжку, она пролистала паспорт и недоуменно взглянула на меня:

— А разрешение?

— Простите?

— Ну, разрешение на полет?

— Какое разрешение? Здесь же не погранзона?

Паспорт с деньгами были выпихнуты обратно.

— Получите разрешение в исполкоме. Без него билеты не продаем!

Окошечко с треском захлопнулось. Вот те на! Что за

странный пропуск? Что там, в горах, военный объект, что ли? Что же является основанием для разрешения на полет? Придется обратно в город ехать.

— Разрешение выдаем гражданам, постоянно проживающим в этих поселках или по их приглашению, зарегистрированному у нас. Или в случае острой служебной необходимости. — Аппетитная секретарша в исполкоме с интересом стрельнула глазками, эффектным жестом поправила прическу.

— У меня как раз острая необходимость, — сказал я с интонацией альфонса.

— Приносите командировку, ходатайство. Пал Палыч рассмотрит. Он сегодня будет целый день.

— Обязательно. Через часок зайду.

— Заходите, заходите. — Опять тот же эффектный жест.

Эх, лапочка! Нет у меня, увы, ни командировки, ни ходатайства. Ну-ка, двинем опять в аэропорт, может, кто-то летит к тофаларам, даст Бог, познакомимся, поговорим.

К десяти часам утра клиентов у самой крупной компании прибавилось. Человек шесть составляли молчаливую очередь у кассы. Нет, в горы никто не летел.

Я вышел из барака и прошелся

вдоль ржавой загородки. Ни одна машина пока не разогревалась. Недалеко от здания стоял постамент, на нем — отслуживший свое вертолет МИ-4. Застал я еще такие галоши на Камчатке.

Совсем рядом с аэропортом текла мелкая речка, судя по всему — Уда. За рекой поднимались невысокие сопки, покрытые стройным сосновым лесом. Пейзаж был симпатичным, мне захотелось прогуляться вдоль реки, тем более что до следующего автобуса было еще порядочно времени.

Не успел я перейти дорогу, как на повороте показался автомобиль. Надо же, свежий семисотый БМВ!

Как процветает провинция! Из машины вышли трое подтянутых, хорошо одетых мужчин среднего возраста. Тот, что повыше, нес кейс, остальные — большие сумки вишневой кожи. Не заходя в аэровокзал, они быстро направились к летному полю. Калитку перед ними распахнул как из-под земли взявшийся здоровяк в кожаной пилотской куртке. Тотчас же затарахтел двигатель одного из вертолетов. БМВ лихо развернулся и стремительно рванул по направлению к городу.

Я подошел к парню у калитки.

— Куда борт пойдет? Не в горы?

— Спецрейс. Пассажиров не

берут. — Он окинул меня холодным, подозрительным взглядом и демонстративно отвернулся.

Продолжать разговор смысла не имело. А тут и автобус подошел. Опять почти пустой. Я забрался в салон и взглянул на поле. Очень любопытно! Господин с кейсом вернулся от вертолета и о чем-то разговаривал с малым у калитки. Малый ткнул в сторону автобуса и пожал плечами. Мой взгляд на секунду скрестился с внимательным взглядом высокого мужчины. Так впервые я увидел Станислава Кедрова. Или, лучше сказать, мы впервые увидели друг друга.

Если бы хоть на мгновение я

тогда мог предположить, к каким последствиям приведет эта мимолетная встреча, я бы моментально покинул этот поганый городишко! Так нет же, наоборот, заинтересовался, запомнить постарался это худое, с резкими чертами лицо.

Не успел автобус отъехать от аэропорта, как защитного цвета вертолет поднялся в воздух, сделал круг и не спеша запыхтел по направлению к Саянам, чьи острые вершины смутно виднелись в синеватой дымке на юге. Один рейс в горы сегодня все же состоялся.

Три последующих дня я шакалил по городу в поисках любой

информации о Бирюсинских приисках.

Подшивки местной прессы в библиотеках, краеведческий музей, снова аэропорт, вокзал и, конечно, все имеющиеся в городе кабаки. Ничего!

В газетах никаких реляций о трудовых победах славных золотодобытчиков к всяческим праздникам и юбилеям. В музее сведения о золоте относились к временам Джучи-хана, с тех пор ничего нового. Что вы, что вы! Какие там лагеря?! Самое ценное, о чем мне поведали, кроме показа облезлого головного убора из перьев и траченного молью бубна, якобы

принадлежавших шаману, это то, что тофалары разводят самых крупных в СССР оленей.

Вне себя от радости по поводу этих животноводческих успехов, я погрузился в гадюшную атмосферу кабаков. Весь цветистый пьяный треп, выслушанный мной за сорок восемь часов с редкими перерывами на тяжелый похмельный сон, сводился к следующим трем версиям. Первая. На Бирюсе сейчас никого и ничего нет. Вторая. На Бирюсе моют золото «дикие» старатели, между собой и с незнакомыми людьми они общаются с применением огнестрельного оружия.

Третья. На Бирюсе работает

какая-то артель, но откуда она взялась, кто в руководстве, где находится администрация — ничего не известно. В городе их представителей нет.

Первую версию я счел правдоподобной, третью — сомнительной. Вторая представляла собой явную чушь. На лошадях они, что ли, туда добираются, эти советские Смоки Белью? Или ходатайства где-то достают? Хотел бы я взглянуть на такое прошение. Дайте, мол, господа хорошие, подателю сего заявления золотишка малость намыть на бедность...

На четвертые сутки, вечером, ввалившись в свой тараканий люкс, я

замер на пороге. Так, так. Следы обыска даже не пытались скрыть. Все перевернуто. Даже «Зенит» раскрытым на кровати валяется — пленку, паразиты, вынули. Ну, там их разочарование ждет — пустая была пленка, ничего не снимал.

Понятно, городишко маленький, везде я наследить умудрился. Отпечатков пальцев разве что на бюстгальтере секретарши в исполкоме не оставил. Лучше как раз этим бы занимался. Досадно, в чью-то епархию залез, а вот в чью — так и не понял. Пора, пора уже сказать «прости» славному городу Нижнеудинску. Только, похоже, по-английски это сделать придется,

незаметно для окружающих.

Не взяв в номере ничего, кроме фотоаппарата, я спустился вниз. Деньги и документы всегда с собой, оставшееся барахло — так, дешевка. Портье навстречу заспешил, улыбается сладенько:

— Завтра уезжаете?

— Да, двенадцатичасовым.

Последнюю ночь у вас проведу — и в путь.

— Как город, понравился?

— Прекрасный город, жалко уезжать. Но все дела сделаны, пора, пора в дорогу.

— Прогуляться решили?

— Да, пройду по набережной, поснимаю на память.

— А то в ресторан загляните. Шеф сегодня на высоте! Выбор чудесный.

— Чуть позже, сначала воздухом подышу.

— Ну, на здоровье, на здоровье.

Ах ты сволочь! Я и выйти толком не успел, он уже за телефон схватился.

Худо, Серж, худо! С помощью местных органов такую тебе козью морду могут показать, мало не покажется! На вокзал нельзя. В аэропорт тоже бессмысленно. Попутку ловить? Куда? В тайгу на лесовозе? Бред! Как же из города убраться? Нужен ход неординарный, нелогичный. Пожалуй, вот так...

Недалеко от аэропорта
заприметил я метеостанцию.
Профессиональной терминологией
этой специальности я владею. Кое-
кого из преподавателей КПР^[8] знаю,
полярников известных, повезет,
сойду за своего. Метеорологи народ,
как правило, отзывчивый, упаду у
них до рассвета, след слегка остынет.
Ну а сейчас ходу от отеля, на
окраину, ближе к аэропорту, вряд ли
на этом направлении меня ждут.

Уже глубокой ночью, пробираясь
какими-то неосвященными,
немоощеными улочками,
застроенными ветхими деревянными
развалюхами, я вышел из города и,
держась параллельно шоссе,

ведущего в аэропорт, добрел до метеостанции. Дверь была не заперта.

В аппаратной, перед рацией, за столом сидел радист, полусонный мужичок лет сорока. Он без удивления взглянул на меня.

— С четыреста десятого? Утром летите?

— Точно, — наудачу включился я в разговор. — Слушай, поспать у тебя можно пару часиков?

— Валяй! — махнул он рукой в сторону потертого кожаного дивана. — Я сейчас срок отдам, чайку попьем. Да и ваших РД^[9] три штуки надо передать.

Я снял кожанку, свернул потуже

и, положив под голову, с наслаждением вытянулся на продавленном ложе. Радист установил связь, стал передавать метеосводку. Работал он довольно медленно, классическим старым ключом, и, несмотря на отсутствие тренировки, я хорошо разбирал содержание текста.

Сквозь волны захлестывающего сознание сна прорывался знакомый приветливый писк морзянки. После метеосводки радист сменил позывной и связался с другим адресатом. В эфир пошли две радиограммы о каких-то запчастях к бульдозерам и топливе. Я совсем уже было заснул, как вдруг третий текст

напрочь прогнал дремоту.

«...со стороны указанного лица отмечены настойчивые попытки сбора специальной информации тчк принадлежность известной службе установить не удалось тчк предпринятыми мерами передвижение блокировано тчк решение о ликвидации подтверждено старым...»

Вот это да! «Указанное лицо» — это, вполне возможно, я и есть. Интересно, что понимается под «решением о ликвидации»? Неужели буквально? Спросить разве у радиста? Как же такая радиограмма открытым текстом идет? Почему с метеостанции? Что это за канал у

них, кто адресат? Рация обычная, старая армейская Р-104, хотя, черт его знает, может, только корпус старый. Вон ящиков каких-то полно, шифраторы-дешифраторы... А что, если еще кто-нибудь с этого «четыреста десятого» на чайк заглянет? Деваться, однако, мне некуда, придется выдержку проявлять.

Прошло не меньше трех часов, прежде чем радист задремал, склонившись на стол рядом с недопитым стаканом почти черного крепчайшего чая. Все это время я лежал как на иголках. Как только стало ясно, что сон овладел им всерьез, я тихонько встал, хлебнул

для бодрости остывшего горького
чифия и на цыпочках вышел наружу.
Слава Богу, никого.

Рассветом еще и не пахло, когда
я почти бегом маршировал в сторону
вокзала. Никаких соображений
толковых в голову не приходило, я
полностью полагался на удачу. Вот и
мост через Уду деревянный,
старинной постройки. Я почти до
середины успел дойти, когда сзади
слегка задыхающийся, хриплый
голос произнес:

— Постой-ка, браток!

Так, два человека. Впереди —
невысокий кудреватый крепыш, чуть
позади жердеобразный юноша в
берете. На мосту и вообще в зоне

видимости — никого. Река внизу бурлит, о камни острые пенится, метров семь до воды. Где же они меня засекли?

Куртку я скинул, левую руку обернул. И вовремя — кудрявый нож из сапога кирзового вытянул. Длинный ножик, тонкий как шило, с крестообразным упором. Из руки в руку ловко перебрасывает — похоже, профи. Но бить будет с правой, правша явный — из правого голенища правой рукой оружие вытащил.

Юноша вроде бы без железа. А вдруг пистолет? Тогда все. Но нет, вроде любители тихих забав попались.

Юноша справа зашел. Краем глаза контролирую руки — пустые. Ну, поехали! Одновременно хлопцы прыгнули. Так, сзади имеем удушающий захват, спереди — удар ножом. Джентльменский набор! Блокирую удар левой рукой. Нож прошел слою толстой кожи, длинный, зараза, чуток я не рассчитал, царапнул все-таки ребро. Захватываю вооруженную руку. Застрял кудрявый.левой лупит по корпусу, но — терпимо. Хуже сзади, юнец очень умело воротником работает, уже в башке смутно, еще пяток секунд, и все — в аут.

Спасибо Ваське Баринову, пять лет я у него в «Трудовых резервах», в

Балакиревском переулке, надежды подавал. На сборах, на Сенеже, учил он нас, любимчиков своих, не только вольной борьбе, но и уличной драке — от оценки выражения лица нападающего до жестоких ударов, ничего общего со спортом не имеющих. Сам был из шпаны, через себя многое пропустил, а тренер был милостью Божьей...

Нет, мальчуган, здесь тебе не ковер, не татами, не за место на пьедестале схватка идет. Правая моя свободна, этого достаточно. Пальчики твои царапать с угасающим хрипом мне недосуг. Хоп! Что, сударь, глазки вытекают? Потерял интерес к происходящему, гаденыш?

Ну, отдохни пока, мне с твоим дружбаном разобраться надо.

Вооруженную руку отпускать нельзя, хорошо держу, но ребра гудят уже. Ну сколько же можно повторяться, любезный? Хорошо еще ноги в ход не пустил, не догадался. Не универсал, видать, к ножу слишком равнодушен. Кудри густые, плотные, как шерсть у барана, одно удовольствие такой славный захват взять. Рывком вниз голову, колено летит навстречу. Дубль два, дубль три! Что, приятель, нос глубоко ушел? И с зубками, похоже, нелады. Нет, нет, какое там айкидо. Это одесская, времен Бени Крика, разработка.

Ну-ка, дистанцию восстановим. Ай, ножик выпал! В щелку между досок провалился. Ну и ни к чему он, такой вострый. Поближе к перилам, поближе. Я не боксер, конечно, но центнер веса свое дело сделает, да и мишень уже неподвижна. Ну, прощай, дружище, желаю удачи! Апперкот называется, всю кисть отбил. Так, кудрявый водными процедурами занят, пора юношу освидетельствовать.

Что, милоч, все на коленях? Ладонки к личику красивому декадентскому прижал. Пальцы длинные, музыкальные, сильные, оказывается, у тебя пальчики. Между пальчиками кисель какой-то течет.

Что мычишь, дорогуша? Экая незадача, не повезло. Издержки профессии, юноша, ничего не поделаешь.

Ботинки у меня тяжелые, почти горные. По горам так и не довелось в этот раз походить. Но для такого случая тоже сгодятся. Вот так, вот так! Ну а теперь — купаться. Все!

А вот и «Зенит» валяется. Разбился, наверное, бедняга. Но все равно прихвачу, может быть, удастся починить.

К вокзалу я не со стороны города вышел, а по путям. Скорый стоит у платформы, по перрону крепыши подозрительные прохаживаются. У здания вокзала — патрульная

машина милиции. Но после эпизода на мосту милиция мне совсем ни к чему. Да и с крепышами она в теплых, наверное, отношениях. Нет, нельзя никак на вокзал.

Второй путь цистерны с мазутом занимают, а на третьем какой-то грузовой, три почтовых вагона в его составе. В одном из вагонов свет, дверь приоткрыта.

— Эй, ребята! Не подбросите до Тулуна? — Двумя десятками красненьких призывно я помахал.

— Залазь! Чего не терпится? Через час фирменный «Пекин — Москва» пойдет.

— Час — тоже время.

— Дело твое. Ну и рожа у тебя!

Вон умойся там, а то глядеть боязно.

— Скоро отправляемся?

— Да через минуту. Ты прямо в точку угадал! Хоть здесь повезло.

В Тулуне я пересел на скорый и без приключений добрался до Москвы. В купе куртку свою многострадальную рассмотрел. Хорошая куртка, кожа дубовая, в Мирном в свое время купил. Сколько лет уже прошло, все не снашивалась, а тут — дырки. Аккуратные такие дырки, четырехугольные, колотые. Не ножик у кудрявого был, нет, не ножик! Эх, Саша-Граф, может быть, и рассчитался я за тебя. А дело-то очень неприятный оборот принимает. Что-то меня в столице

ждет? А ждало известие
препаршивое.

Глава 8

КОРРЕСПОНДЕНТ СТОЛИЧНОЙ ПРЕССЫ

Не успел я в Москве толком в себя прийти, как позвонил Игорь Гольцев.

— Здорово, Серж! С приездом. Когда прибыл?

— День назад.

— Как успехи?

— Лучше не бывает. Разговор не телефонный. Собирай всех, нужно встретиться.

— А у нас что творится! Про Гришина знаешь? Хотя откуда, ты ж только что приехал.

— А что с ним?

— Взяли Серегу! В понедельник взяли, милиция. Мне сразу тетка его позвонила, вся в соплях. До сих пор в истерике. Уже четыре дня прошло, а она...

— Хрен с ней, с теткой! За что взяли?

— Помнишь, он побрякушки разные делал?

— За кулончики, что ли? Да сейчас на каждом углу...

— Да не перебивай! Он эти цацки как положено делал, из мельхиора. Драгметаллов не

употреблял. Камешки так себе, всякие там агаты, дешевка. А последнюю партию продал из золота.

Слышишь? Золото, говорю! Оптом продал, штук сорок разных бирюлек. А оптовик подставной оказался, а может, струсил, короче — заложил. Серегу и взяли.

— Да, не повезло.

— Ты дальше слушай! Серега не просто так попал, а под кампанию. Милиция операцию проводила, вылавливала группу умных ребят, они золото из отработанных микросхем добывали, вьетнамцы, что ли, или китайцы, желтые, короче. Вот опера и подставили оптовика под это дело.

— Откуда известно?

— Я от Степаныча знаю, да вся

Москва уже про желтых говорит.

— Так Серега с вьетнамцами...

— В том-то и дело, что нет!

Обыск у него сделали, золото нашли.

Только микросхемы ни при чем!

Песок, шлих. С приисков золото,

понял?

— Вот это да! Много нашли?

— Не очень, что-то около

двухсот граммов. Тетка сказала.

— Ну, не до дачи им теперь!

— Следствие полным ходом

идет, Серега в Бутырках сидит.

— Из наших никого не

вызывали?

— Да нет, мы — кто? Знакомые

просто. С его бизнесом никто ничего...

— Ладно, всем звони. Сегодня вечером собираемся.

На вечернем совещании я изложил результаты своей командировки. Обо всем рассказал достаточно подробно, только про драку ни словом не упомянул. Зачем собственные проблемы на других вешать?

— Пропускная система, говоришь? — Степаныч задумчиво затянулся сигаретой. — Странно! От границы далековато.

— Вот и я о том же говорю.

— Слушай, Серж, а может, бросить все в... Не веришь же ты в

самом деле в эти клады?

— Да при чем тут клад? — Мишка Бахметьев даже пиво расплескал, так взволновался. — Это ж Саяны! Там же глухари во какие, я узнавал!

— Да пошел ты с глухарями, придурок! Там не глухари, а какая-нибудь РЛС^[10] пэвэошная стоит. Посидишь на допросах в местной управе — не до глухарей будет!

— Нет, объекта там нет. Гарантирую. Ты же знаешь, Степаныч, у меня есть где узнать.

— М-да! Ничего так и не прояснилось. И с Гришиным беда. — Игорь был явно не в лучшем настроении.

— Хотел бы я знать, откуда у него песок? С каких приисков? Что-то на Бирюсу он очень ехать не хотел. — Степаныч прикурил новую сигарету от предыдущей.

— А от своих не можешь узнать?

— Можно осторожненько справки навести. Но не более. Ты же знаешь, я совсем другим занимаюсь, так что помочь — увольте. Да и вообще, не нравится мне все это.

— Отказываешься, что ли? — Я в одиночку хрястнул рюмку водки.

Бахметьев и Игорь молча смотрели на Степаныча.

— Нет, не отказываюсь. Просто не люблю наобум действовать. Информации толковой нет.

Вот если бы еще разок съездить, да в горы слетать!

— Ну, мне в городе появляться снова нельзя. Я же говорил — обыск, и все такое...

— А если не тебе?

— Сам хочешь поехать?

— Нет, я не смогу. Не отпустят, служба.

— Я поеду! — Мишка привстал, глазки загорелись.

— Ага, — усмехнулся Степаныч. — Дробовиков пару захвати и ходатайство. На отстрел самых крупных в СССР оленей.

— Предлог подходящий нужен. — Я торопливо перебирал возможные варианты. — Охота не

годится — не сезон. Лицензию не продадут. Удостоверение Степаныча тоже не подойдет — сплошная засветка.

— Я и говорю, что нельзя мне ехать.

— Парни, есть идея! — вступил Гольцев. — У меня братан двоюродный женат на Светке Дедкиной, а она родная сестра Кольки Дедкина!

— Вот повезло девахе! Знать бы только, кто такой Колька Дедкин.

— А Колька Дедкин — зам. главного редактора «...». — Гольцев назвал чрезвычайно популярный в то время столичный молодежный журнал.

— И поедет Колька Дедкин к тофаларам?

— Я поеду, я! А Колька командировку оформит и письмо напишет в исполком. Такому изданию в Нижнеудинске не откажут, прессы сейчас все чиновники конят.

[\[11\]](#) Тем более — столичный журнал.

— Из тебя журналист, как из дерьма — пуля! — Мишка скептически покачал головой. — Ты и писать-то грамотно не умеешь, а уж в интервью матюгов наложишь точно.

— А на хрена мне писать? Мое дело с тофаларами побазарить, разузнать, что там и где. Они сами по-русски тоже небось не сильно...

— Они-то нет, а вот тот, кто пропуск будет выдавать?

— Так ведь документы...

— Стоп. — У меня созрело дополнение к предложению Игоря. — Ты — фотокорреспондент, понял? Фотографировать умеешь?

— Умею, у меня «Смена» есть.

— «Смена» отпадает. Достанем пару приличных камер, вспышки, кофр профессиональный. Если сможешь — снимешь, не сможешь, так сойдет. Главное — в горы попасть, сведения собрать. Давай, звони своему Дедкину. Что будет стоять такая командировка?

— Да просто посидим с ним вечерок, врежем хорошенько. Он это

дело любит.

— Когда ехать сможешь?

— А хоть на той неделе. У меня отгулов набралось — море.

На том и порешили.

Через пару дней Игорь, синезеленый, как водоросль, после крутой попойки с журналистами, показал мне письмо, красиво отпечатанное на бланке редакции журнала. Сей документ в строгих тонах предписывал властям города Нижнеудинска не чинить никаких препятствий фотокору Гольцеву, а, наоборот, возможно быстрее отправить его к тофаларам, так как нелегкая судьба этого малого народа весьма беспокоит широкие круги

столичной общественности. К письму прилагались безупречно оформленные командировка и удостоверение внештатника.

— Во! —дохнув зверским перегаром, похлопал Гольцев по документам. — Кем я только не был!

— С головой-то как? О деле думать можешь?

— А то! Часов десять поспать — как стеклышко буду.

— В поезде отоспишься, за трое суток будет время. А теперь слушай. Лететь тебе лучше в Алыгджер. Это у них вроде столицы — самый большой поселок. Там вся ихняя администрация, а главное, там какой-то фольклорный ансамбль —

«Ярак Ыотагур», черт, не помню я эту тарабарщину, если по-русски — «Быстрый олень» получается. Это тебе предлог. Пригласи их на фестиваль народного творчества.

— Куда пригласить?

— Во Францию. Или в Австралию, а можешь — в Аргентину. Им приятнее будет. Короче, плети что хочешь, националы — ребята доверчивые. Раскрути их на разговор.

— Для раскрутки надо бы...

— Уже готово. Последние талоны ухлопали. Возьмешь десяток бутылок, смотри, в вагоне не сожри!

— Да я ее сейчас видеть не могу.

— Прекрасно. Вались отдыхай.

Я поехал за билетом.

Игорь уехал. Проводил я его, вернулся с вокзала домой, чувствую — хреново на душе. Никак я ребятам не решусь рассказать про Графа, про Малышева, про драку на мосту. Даже Бахметьев может отказаться, а Степаныч не только не поедет, а, пожалуй, заявление сядет писать. «Настоящим доношу...» А до июня — рукой подать. Все почти готово. Нет, ни к чему лишнее болтать.

Пока Гольцев был в отъезде, мы со снаряжением закончили, пару марш-бросков совершили по подмосковным лесам с полной выкладкой. Кроссы бегали, на стенд ездили по тарелочкам стрелять.

Готовились серьезно, форму набирали. За приятными хлопотами время летело незаметно. Уже дату отправления прикинули ориентировочно — и вдруг опять звонок тревожный.

— Серж, Гришина выпустили. — Голос Мишкин дрожал от возбуждения.

— Когда?

— Вчера, во второй половине дня. Он всем звонил, но только меня застал. Говорит, встретиться позарез нужно.

— Так надо встретиться.

— Надо, надо. Только он в десять обещал сегодня позвонить, а сейчас уже четверть двенадцатого. Я

ему звонил, трубку никто не берет.

— И тетки нет?

— Я же говорю — никто не подходит.

— Давай-ка ты лети к Гришину. От тебя недалеко.

— Может, вместе поедем?

— Боишься, что ли?

— Да не боюсь, а вдвоем все же ловчее.

— Ладно, на «Молодежной» через час. В центре зала.

Предчувствие скверное меня еще в метро охватило. Вообще, вся история с Серегой скверная. Но, может быть, зря я мандраж испытываю? За пивом пошел и в очереди стоит. Соскучился по пиву, в

КПЗ небось не угощали.

Нет, оказалось, за пивом Гришин не ходил. Не успел.

У единственного подъезда Серегиной девятиэтажки — «скорая помощь», «козел» милицейский, людей десятка полтора. Молодуха толстененькая визжит:

— Прямо на меня выскочили! Я в подъезд, а они прямо на меня! Я думаю — чего так выскочили? Захожу, а он у лифта лежит. Гляжу — уби-и-и-ли...

Бахметьев к подъезду рванулся, но я за локоток придержал.

— Все, Миша, все. Давай-ка отсюда скоренько.

— Да как же?

— Быстренько ножками, быстренько. Потом поговорим.

Не успели мы и на десяток метров отойти, навстречу «Волга» белая. Знакомая, знакомая «Волга».

— Ба, Сергей Александрович? Вот встреча!

— Здравия желаю, товарищ капитан.

— Майор, Сергей Александрович, майор!

— Поздравляю. Извините, не знал — вы в штатском. Ну, не смею задерживать, очевидно, вас ждут. — Я кивнул на кучку людей у подъезда.

— Да, работа. Ну, бывайте. А отпуск, наверное, скоро? Куда собираетесь? Когда?

— В конце июля. На Селигер скорее всего.

— Счастливый человек, а мне вот летом не дали.

— Сочувствую.

— Ну, до свидания. Поехали. — Это уже водителю.

Отъехала «Волга». Уколкин обернулся, ручкой сделал.

— Кто это? — спросил Мишка.

— Да так, опер знакомый. С Петровки. Слушай, Миш! Можешь просьбу мою выполнить, как друга прошу!

— Да, конечно, о чем речь!

— Не рассказывай ничего ребятам. Ехать скоро, чего нервы зря трепать? С Гришиным мы дел не

имели, и сейчас — не наше это дело.

— Вы же с ним на Чукотке...

— Давно это было.

— Знаешь, Серж, какой-то ты стал в последнее время...

— Старею. Ну ладно, в Саяны хочешь попасть?

— Хочу.

— Тогда сегодня — ничего не было. Договорились?

— Идет.

Ехали мы обратно, молчали. На то, что с Гришиным случилось, я как-то слабо отреагировал. Не потрясло, нет. Скорее как должное принял. Меня больше Уколкин смутил. Не тем, что он там вместе с нами оказался, это как раз

совпадением могло быть. Могло, могло, служба у него такая. А испугало меня то, что не удивился он совсем. Даже наигранное удивление не слишком старался изобразить. Будто ожидал меня там увидеть. Зачем он насчет отпуска спросил? Любопытно стало? С его возможностями точную дату выяснить несложно.

Опасность, чувствую, рядом, совсем близко. От кого исходит? В какую войну влез, на чьей стороне? Дальше как поступать?

А что, если пораньше рвануть? Издалека мысль выплыла, сразу решение подсказала. Независимо эта работа идет, незаметно. И бах —

инсайт, озарение! Где-то в подсознании факты сгруппировались, просчитался вариант. Не бросать дело, нет. Бросить, похоже, не удастся уже. Напротив, превентивно действовать, на опережение. Только так оторваться можно. От кого? Контуры смутно прорисовываются, еле-еле. Но уже холодком могильным, жутковатым, потянуло, ощутимо весьма потянуло.

Наконец Игорь приехал. Целых десять дней пропадал. Веселый, посвежел заметно. От впечатлений прямо распирает.

У Степаныча дома, на Преображенке, собрали небольшой

сабантуй.

— Ну, отцы, и навел же я шороху в Тофаларии! — Гольцев прямо подпрыгивал на кресле от жгучего желания побыстрее все выложить. — В исполкоме все на цырлах забегали, когда я свои бумаги выложил. Секретарша аж вся расплавилась — бери не хочу! Серж был прав — такая курочка!

— Ну и взял? — Мишка облизнулся.

— Когда же? К чуркам лететь спешил, журналистский долг исполнять. А цыпочка действительно классная! В такой дыре, и такой персик пропадает. Столичный фраер для нее, тем более журналист, все

равно что Бельмондо.

— Ладно, Бельмондо! По делу давай.

— А вы не гоношитесь. Короче, с пропуском проблем не было. Вылетел в Алыгджер прямо в день приезда. Прибываю в аэропорт, а там компания ребят в брезентовых робах суетится. У всех к жопам доски пенопластовые привязаны. Я было решил — борьба со СПИДом в провинциальном масштабе, ан нет — туристы. Байдарочники, водники. Лагерь палаточный у них прямо за аэропортом, на берегу речки стоял. Пропуска им тоже дали. У них письмо от турклуба было. Так что никакой особой зоны там нет. Чуть-

чуть нажал административно — и летишь.

— А зачем вообще-то пропуска?

— Ну, объясняют, чтобы браконьеры не залетали. Вот-вот, вроде этого гуся. — Гольцев ткнул пальцем в заерзавшего Бахметьева. — Так вот, туристам борта долго не давали, они уж неделю там паслись. А столичного корреспондента как не уважить — сразу и полетели. На АН-2, все вместе. И муки еще мешков двадцать для пекарни в Нерхе прихватили. В Нерхе посадка промежуточная.

Полоса фунтовая, посадка жесткая. АН-2 грузопассажирский, скамеечки вдоль бортов. Мешки

посредине на полу лежат. Как хлопнется эта помойка фанерная на полосу — ножки у скамеек и сложились. И мы с туристами — мордами в муку! Синхронно так, как в цирке клоуны. Белыми людьми стали, с ног до головы. Пилот, скотина, полчаса в себя прийти не мог, икать начал от хохота.

Ну, туристы в Нерхе вылезли, в Алыгджер я один прилетел. Приняли меня хорошо, а поселок — дыра дырой. Ну, вы знаете, северный стандарт. Ильич, правда, там здоровенный стоит. Говорят, вертаком Кинг-Конга этого тащили. За шею подвесили, и через горы полетел! Во зрелище жуткое,

наверное, было, а?

Про тофаларов что сказать? Убогий в общем-то народец. Всех на круг в трех поселках около восьмисот человек живет, но чистокровных и сотни не наберется. Наметались к ним кому не лень — от татарина до бурята. Живут бедно, зарабатывают мало. Охотой в основном. А цены закупочные низкие — за соболя в среднем пятьдесят рублей дают, остальная пушнина еще дешевле. Зато водка без талонов — хоть залейся. Спиваются ребята помаленьку. До сорока — сорока пяти годов еле доживают. Вымирают, грубо говоря.

Ансамбль этот занюханный

собрал я на берегу речки, на фоне скал. Разрядились в перья, в бубны лупят, песни горланят. Я им конкурс во Франции пообещал. Отщелкал пленку, если получится — посмотрите.

А места там, ребята, красотища! Я когда еще летел, оценил. Горная тайга — Швейцария прямо, как на этикетке шоколада. Куда там Чукотка! Плешь по сравнению с шевелюрой. Поедем, оттянемся — ух!

— Слушай, ты, фотограф! Ты про прииски что-нибудь узнал? — Степаныч присел у холодильника, очередную флягу пива осторожно добывал.

Лицо Гольцева стало серьезным.

— А вот с этим, отцы, туго. И поил я их, и журналистский интерес проявлял — стена. Только...

— Нет, вы посмотрите на этого Лепорелло! Тут не знаешь, куда вьюн положить, а он там пейзажами любит. — Я от злости селедкой поперхнулся.

— Елки-палки! Да я, чтобы сведения добыть, даже тофаларку трахнул. Пожилую, между прочим!

На секунду мы ошарашенно замолчали.

— Ну и как? — первым нашелся Мишка.

— Я же говорю — ничего. Только...

— Я спрашиваю, бабушка как? Жива осталась?

— А ну вас к черту! Рискуешь для общего дела, а они...

— Ладно, Штирлиц, мы молчок. Сняли шляпы. Продолжай.

— Так вот, ничего про золото они не говорят. Только боятся сильно.

— Говорить боятся?

— И говорить, и ходить в те места боятся. Баба эта болтала — вроде как бы заклятье на этих приисках. Людей там уйма погибла. В разные времена. А душа того, кто из-за жадности помер, из-за золота то есть, век не успокаивается, призраки там, значит, обитают. В подпитии тоже какую-то чушь несут.

Злыми сразу становятся, я бы сказал, с ненавистью о золоте говорят. Оно и понятно: на твоей земле живые деньги лопатой гребут, а тебе — шиш. Будешь агрессивным. Про лагерь никто толком не помнит. Вроде — был. Но я же говорю, что они и до сорока редко доживают, кому ж помнить? Была там, правда, одна старуха. Самый древний экземпляр на все три поселка. На вид ей — лет сто. А на самом деле — хрен его знает, националы быстро стариками становятся. Я к ней подкатился, раскрутить хотел, так она вообще с придурью оказалась.

— А ты б ее...

— Вам бы все поржать. А мне не

до смеху было!

— А что старуха?

— Я к ней и так и этак — проприиски ничего не сказала. А только посмотрела вот так. — Гольцев неприятно выпучился на Мишку. — И говорит, что ты, мол, сюда скоро вернешься и здесь погибнешь! Во ведьма, а?

Гольцева передернуло, он быстро выпил стакан пива.

— Да брось ты херню всякую переживать!

— Не, страшная бабка! Ну, короче, похоже, что нет там никого, на приисках этих. Призраков проигнорируем. В целом места исключительные. Вот пленку

проявлю — увидите.

— Понравилась Тофалария?

— В горах — класс! А городишко — дрянь, опасный городишко.

— На приключение нарвался?

— Я-то нет. Когда обратно уезжал, аборигены рассказали, двух покойников выловили из Уды. Примерно за неделю до моего приезда. Прямо в центре города, у моста. Какая-то шпана их отделала, как Бог черепаху. Местная сенсация.

— Подумаешь, двух. В Москве каждый день поболее будет.

— Так городишко меньше Митино. Маленький, а заблудился я по приезде. Мне на Пролетарскую

нужно, а там этих Пролетарских — первая, вторая, пятая, десятая... Запутался. У бича вокзального спросил, как раньше улицы назывались, он пошел перечислять: Первая Жандармская, Вторая Жандармская. Гнилой городишко.

Закончил Игорь свои похождения описывать, я свою мысль о перенесении сроков экспедиции изложил. Все готово, чего тянуть? Если с Соколовым сумеем договориться — зеленый свет. Все неожиданно легко согласились, у всех со временем проблем не возникало.

В Новосибирск я позвонил на следующий день. Соколова не было,

он уже в полях находился. Трубку взял Карманов Женя — начальник отряда, тоже из старых знакомых.

«Да, конечно, приезжайте! Решим что-нибудь с вертолетом. Не нашим, так с пожарными забросим — свои везде люди. Нет проблем. База партии — поселок Кирей-Муксут. Нет, в город заезжать не надо. От вокзала иногда автобус ходит, а лучше частника возьмите. Километров девяносто, дорога вверх по Уде; часа за три доберетесь. Ну что привозить — известно что. Ждем, ждем. Через неделю? О'кей! Конец связи».

Гольцев фотографии принес. Занятные, надо сказать, кадры!

Шаман в перьях, с бубном, очень благородное лицо. Тофаларки в национальных костюмах, хм, пожилых не видать. А вот — старухи. Без национальных костюмов на фоне бревенчатой стены.

— Которая ведьма-то? Справа... Есть, есть что-то жуткое в глазах. Да не дергайся, Игорек, шучу! Кадры, кстати, весьма, весьма... Для первого раза вообще — шедевр. Может, профессию сменишь?

Ну, все! Через несколько дней — по вагонам. На две недели раньше отпускного срока. Со Стариком Державиным договорился неофициально, в форме взаимных обязательств — интеллигентные же

люди. Раньше выйду, раньше вернусь. Вернусь ли? Нехорошие мысли в голову лезут. А все же правильный отрыв, чувствую, своевременный.

Кудрявый с юношей, значит, того, вне игры. Сколько уже трупов возле этого дела? А мне все кровавые мальчики не снятся, мук Раскольникова совсем не испытываю. Господи, каким я циником становлюсь, самому неприятно осознавать! Правда, если от Джучи-хана начинать отсчет, то все это не трагедия — статистика. Да и нет такого человека, который бы знал, сколько душ за бирюсинским золотом. Самому бы счет не пополнить.

Глава 9

СМЫСЛ РИСКА

Степаныч меня на встречу вызвал. На Лубянку. Не в кабинет, конечно, не повесткой. У памятника Воровскому встретиться предложил, в два часа дня. Есть такой странный монумент недалеко от Большого Дома. Около него иногда забавно постоять, понаблюдать. Коренной москвич ко всему привычен, равнодушно мимо проходит. А на приезжих, особенно на тех, кто впервые это чудо монументального искусства видит, очень сильно действует. По моим подсчетам,

столбняк человека охватывает от семи — десяти секунд до трех минут. К особо впечатлительным гостям столицы и кондратий может подобраться.

Уж больно поза раскованная у заслуженного революционера и выражение лица неопишное. В учебнике патопсихологии нечто подобное я встречал, что-то связанное с поражением двигательных центров. Но то — специальная скучная литература, а здесь натуральный пример, воплощенный в бронзы многопудье и слизь мраморную.

Стою я у раскоряченного большевика, испуг и оторопь на

лица граждан с интересом отмечаю. А вот и Степаныч подошел. Лицо озабоченное, взгляд напряженный. Нехороший какой-то взгляд.

— Привет, Серж! Про Гришина уже слышал?

— Ну, сидит Серега. Новенькое что-нибудь?

— Не сидит уже. Лежит. Похороны через два дня.

— Да ну? В Бутырках, что ли, заморили? — Черт, как противно все это разыгрывать.

— Не в Бутырках. Из Бутырок выпустили, а возле дома убили на следующий день.

— Ты с теткой говорил?

— Тетка в больнице. Инсульт. У

меня знакомый майор из следственного сегодня был утром, разговорились. Я Гришина специально не упоминал, он сам про дело с золотом рассказывать стал. Наши, оказывается, участвовали, статья-то — будь здоров! Это — про вьетнамцев. А Серега случайно попал — через покупателя.

— Да знаю я. Игорь рассказывал.

— Ни черта ты не знаешь. Вьетнамцы — это одно. У Сереги песок нашли? Нашли! Дело в отдельное производство выделили. Наши должны были вести! Понял? А вмешался кто-то из Прокуратуры Союза. Союза! Дело передали на

Петровку. Оттуда — зачем-то в прокуратуру. Следователь прокуратуры — бах! — выпустил Серегу под подписку. На следующий день его чикнули в подъезде. Дело по убийству — опять ведет Петровка. Где дело по золоту? Нет дела по золоту! За отсутствием подозреваемого. За полным и окончательным отсутствием.

— Да, дела...

— Я тебе вот что скажу. — Степаныч понизил голос. — В Мосуправе бригада готовится по этому делу. Уж больно все белыми нитками шито. Гришин сам по себе — мелочь. Убрали, чтобы лишнего не сболтнул. Но все дело в том, что не

первый это случай.

— То есть?

— Время от времени то наши, то милиция берут людей с приисковым золотишком. Или с изделиями из него. По разным каналам берут. Примерно в трети случаев удастся цепочку проследить. В основном из Магаданской области тянется.

— Серега-то как раз в Магадане долго крутился.

— Да? Я не знал. Но Гришин в другие две трети попадает.

— А что там?

— А там — полный мрак! Все случаи аналогичны. Дела перехватывает Прокуратура Союза, подозреваемых либо выпускают,

либо... В общем, дальше следует прекращение дела за отсутствием.

— Сеть сбыта организованная?

— Вот-вот! И очень хорошо кем-то прикрытая.

— Немудрено. Когда в стране пожар, грех ручонки у огня не погреть.

— Контора начала работать. Говорят, дело на контроле у Самого... На похороны пойдешь?

— Нет. Не люблю я этого обряда.

— И то. Тетка в больнице, а родственников понаехала уйма. Честно сказать, Серж, у меня сомнения были сильные по нашей поездке.

— Из-за Гришина?

— Из-за Гришина в том числе. И когда мы с Генкой, с майором то есть, про это дело разговорились, я про Бирюсу и упомянул.

— Эх, Степаныч, Степаныч!

— Да погоди. Вскользь упомянул, про треп про приискковое золото. Ну, про легенду, что ты рассказал. И знаешь какой результат?

— Догадываюсь! Эх, Степаныч!

— Ни хрена не догадываешься! — Степаныч посмотрел на меня торжественно, хлопнул по плечу. — Прав ты оказался!

— Как это?

— Генка — чекист

потомственный. У него папаша в двойке всю жизнь отработал, недавно только демобилизовался, всех и вся знал, и сына, конечно, представил, кому надо. Генка меня в кадры потащил, там дед один работает, полковник в отставке, дружок его бати. Этот старец в пятидесятых годах в Иркутском управлении работал. Он все подтвердил, даже год назвал — пятьдесят четвертый. Был лагерь в Саянах, было и восстание. Оперативно подавили, но прииск восстанавливать не стали — слишком сильно все было разрушено.

— А золото?

Степаныч пожал плечами.

— Да взяли, наверное. Он же сказал — оперативно...

— А сейчас там что?

— Нет там ничего. Я же говорю — прииск не восстанавливали.

— И что тебя смущает?

— А теперь — ничего. Я прошлый отпуск в Бердянске провел, у тещиной сестры. Духота, скукота и геморрой нажил от жары. Поедем тряхнем стариной в прохладных Саянах!

— Давно бы так, Феликс ты железный! А то уж в вагон садиться пора, а ты все менжуешься.

— Я же при контроле! Мишке лишь бы лося какого грохнуть, Игорьку все равно где водку в отпуске

жрать, а здесь десять раз подумаешь, прежде чем слово лишнее брякнуть.

— Осторожный ты стал.

— А ты — наоборот. Я до сих пор не пойму — то ли ты просто размяться едешь, то ли действительно в золото это дурацкое веришь?

— Речку Тюнг помнишь?

Степаныч помрачнел, зябко передернул плечами.

— Чего это ты вдруг об этом?

Я помолчал минуту. Сказать про Графа или не говорить? Про Графа начнешь, надо и про все остальное. Вмиг радужное настроение Степаныча слетит. И поедет он в отпуск в Бердянск геморрой

усугублять. Нет, нельзя так здоровьем друга рисковать.

— Так вот, сейчас так же, как на Тюнге.

— Опять игра твоя?

— А иначе скучновато становится. Не находишь?

Степаныч рассмеялся:

— Десять лет назад попроще было ставки делать. Но ты прав: кто хоть раз попробовал, обязательно повторить захочет.

Да, повторить... Пережить еще раз момент предопределения. Заглянуть за барьер. Испытать это странное раздвоение, посмотреть на самого себя глазами судьбы.

...Начало октября. Разноцветные

листья тальника, покрывающего берега узкой глубокой речки Тюнг, почти полностью сбиты на землю снежными зарядами. Снег то тихо валит крупными мокрыми хлопьями, то летит почти параллельно земле, гонимый резкими порывами ветра, становится сухим и жестким, обдирает кожу лица, словно песок.

Степаныч, я и Димка Рязанов возвращаемся в лагерь вдоль берега реки по старому профилю. Через несколько дней наступит конец сезона, прилетит вертолет, выдернет нас из тайги. Еще через пару недель мы увидим Москву. А там будет чем заняться — такие деньги не кончаются слишком быстро.

Шли мы по заснеженному профилю в хорошем настроении, шуточками перебрасывались. И вдруг кусты затрещали слева.

Медведь стоял на задних лапах, стоял вытянувшись, крутил огромной башкой — нюхал воздух. Длинные, с человеческий палец, тускло поблескивающие когти, нелепые круглые ушки, красноватые глаза и черные подрагивающие губы, приоткрывающие мощные желтые клыки — все это находилось в десяти метрах от нас. Укрыться было негде — ни одного приличного дерева вокруг, один тальник.

Секунд двадцать продолжалось наше оцепенение. Димка первым

рванул с плеча карабин, передернул затвор.

— Вверх! В воздух! — успел крикнуть я, но было уже поздно.

Грохнул выстрел. С характерным чавкающим звуком легкая пуля карабина «Барс» ударила в несчастную зверюгу. Медведь жутко заревел, забился, царапая когтями брюхо, потом развернулся и с треском исчез в кустах. По колебаниям верхушек тальника было видно, что он уходит в распадок между двух невысоких сопок, покрытых редким лиственничным лесом.

— Одурел, гад! — Степаныч схватил Димку за воротник, сильно

встряхнул, ударил тыльной стороной ладони по губам.

— Да вы чего, мужики? Я ж его достал! — Рязанов сплюнул кровь на снег, посмотрел на меня недоуменно.

— Достал, достал. Молодец! Только вот незадача — ушел он. Стемнеет через час. Лагерь рядом. А ночью он придет. И уже сам нас достанет! Я же крикнул тебе — вверх стрелять!

— Да, может, сдохнет он до темноты. — Димка растерянно вертел в руках карабин.

— Ты кишки ему пробил. А пулька твоя — это шило. Двадцать второй калибр не для такой туши. Навязался на нашу голову, козел! —

Степаныч опять замахнулся.

Я удержал его руку. Постояли, покурили молча.

— Добивать надо! — наконец произнес я фразу, которую не хотелось произносить.

Все посмотрели на темнеющую стену густого кустарника. У Рязанова глаза стали круглыми.

— В кусты за ним идти? — Нервным движением он отбросил сигарету в снег.

Я подошел к месту, где пуля настигла зверя. Здесь снег был разворочен, перемешан с опавшими листьями и обломанными тонкими ветками. Отсюда следы могучих лап уходили в заросли, редкие ярко-алые

капли были хорошо заметны на свежем снегу.

Загнав в стволы дробовика пулевые патроны, я вломился в кусты. Через несколько шагов обернулся. За мной никто не пошел. Я взвел курки старой тулки и двинулся по следу.

Метров сто — сто пятьдесят я шел среди кустов, где дистанция обзора не превышала нескольких шагов. Крови на снегу становилось все больше, скорее всего пуля порвала крупный сосуд. Наконец кустарник стал редеть, передо мной открылась большая круглая поляна. След пересекал ее и исчезал за завалом, который загораживал вход в

узкий распадок. Раздвинув стволом
ружья крайние кусты, я собрался
было выйти на открытое
пространство, но что-то удержало
меня, заставило остановиться.

Странное ощущение испытал я в
этот миг. Вероятно, такое чувство
редко посещает человека, еще реже
им осознается, ибо в таких ситуациях
приходит, когда времени на его
осмысление, как правило, нет. Ни на
страх, ни на азарт, ни на что другое
это не похоже. В такой момент как
бы видишь все происходящее со
стороны, и не только то, что
совершается сейчас, а и то, что
должно вот-вот произойти. Этот миг
своеобразного просветления

наполняет душу особой музыкой, ангел-хранитель берет ее в свои ладони, и тот, кто пережил подобный миг, не забывает о нем уже никогда и даже неосознанно будет искать и пытаться создавать события, в которых снова сможет испытать это странное переживание.

Так опьяняет наркотик риска, так создается истинный смысл и ценность любого приключения. И, глотнув его хоть раз, невозможно забыть этот вкус, и жизнь станет слишком пресной до следующего глотка.

Я не вышел на поляну, а обошел ее по краю и поднялся на борт сопки. Опыта такой охоты я не имел

совершенно, именно пойманная за хвост судьба вела. Сверху моему взгляду открылась впечатляющая картина.

Зверь лежал, притаившись за завалом, развернувшись мордой к собственным следам. Он приготовился к прыжку, прижал уши, подобрался, спина его слегка колебалась, волна возбуждения пробежала по роскошной темно-бурой шкуре.

Я поднял ружье, поймал на планку вздрагивающие лопатки зверя. То ли ветка хрустнула под ногой, то ли ветерок от меня потянул — медведь повернул голову в мою сторону. Маленькие, глубоко

посаженные глазки подернулись тоской. С коротким интервалом, почти дуплетом, я нажал оба спуска. Зверь вздрогнул и уронил тяжелую морду в снег. Маленькие уши встали торчком. Все было кончено...

Многому в человеке трудно найти рациональное объяснение.

Впоследствии я часто задавал себе вопрос, что же так упорно заставляло меня стремиться в Саяны? В чем же была истинная причина всех этих в общем-то трагических событий? И на что способен любой человек, если бы абсолютно точно знал, что же ему надо от жизни?

Глава 10

СВИДЕТЕЛЬ И ЕГО РОЛЬ

После того как мы со Степанычем так тепло поговорили, я уже было совсем расслабился — все, мол, решен вопрос с персоналом. Вся команда настроена должным образом, и никаких существенных препятствий для вояжа на ближайшем горизонте не просматривается. Охватила меня по этому случаю полная эйфория, и собрался я уже своим компаньонам небольшой банкет в «Белых ночах»

предложить. В ознаменование
достижения полного и
окончательного согласия. Но
неожиданный поворот событий чуть
было напрочь не уничтожил все наши
радужные планы.

Я уже мысленно был в Саянах и
постоянно прокручивал в
воображении возможные эпизоды
маршрута, когда поздний вечерний
звонок в дверь прервал эти
увлекательные игры ума.
Машинально я взглянул на часы. Без
четверти одиннадцать! Кто же это
мог быть? Очевидно, визит
пенсионеров, бывших заслуженных
обитателей района Плющихи, гуртом
заселенных в окраинную

новостройку.

Надо сказать, что шестнадцатизэтажная башня в Лианозово, служившая мне пристанищем последние три года, обладала редкими по силе и широчайшими по спектру акустическими возможностями. Особенно ярко они проявлялись, когда кто-нибудь имел неосторожность швырнуть в мусоропровод этаже этак на четырнадцатом бутылку из-под шампанского. Нарастающий пронзительный вой, завершающийся басовитым грохотом — такова была звуковая картина, сопровождающая это подлое действие и вызывающая в

раздраженном мозгу мучительное представление об авиационном фугасе. А дикие гневные вопли комсомольцев двадцатых годов, густо населяющих соседние клетушки, свидетельствовали о многочисленных жертвах подобной атаки.

Особенно лихо пользовался музыкальными свойствами строения дородный татарин Рашид Ухватуллин, популярный мясник из соседнего гастронома, имевший обыкновение брать часть работы на дом, где он принимал вечернюю клиентуру. Туши новозеландских баранов разделявались этим потомком Батыя на лестничной площадке первого

этажа ежевечерне, в святой для старых большевиков час — когда транслировалась программа «Время». В любой квартире нашей акустической трубы бодрые отчеты о трудовых успехах производственных коллективов сопровождались глухими ударами широкого мясницкого топора и палаческим кряканьем и уханьем наглого мусульманина.

Все это приводило к не менее гулким стенаниям и муравьиной беготне озверевших божьих одуванчиков по этажам, завершавшимся вызовом толстопузого участкового младшего лейтенанта Ничипоренко, который

грифом-стервятником накрывал
увлекшегося Рашида к началу
спортивных новостей и улетал, зажав
в клюве кусок баранины, когда
передавали сводку погоды.

Так что, открыв дверь и увидев
за ней гражданина весьма
преклонных лет, я уже было
приготовился выслушать страстный
монолог о подлых нравах обитателей
чудесного дома, упорно не желавших
соблюдать нормы социалистического
общезития. Но вместо этого
старикан протянул мне большой
конверт из грубой серой бумаги.

— Сергей Александрович
Горин? — каркающим голосом
спросил посланец.

— Он самый.

— Тогда это вам, молодой человек! — с изрядной долей яда в голосе произнес визитер.

При этом на его тонких губах играла улыбка, достойная Сальери.

— Что это такое? — Я недоуменно повертел в руках письмо.

— Повесточка, мил человек, повесточка! Распишитесь-ка вот туточки! — Старый сатир подал мне объемистый гроссбух, извлеченный им из истертого портфеля свиной кожи с накладными ремнями — мечты советского чиновника тридцатых годов.

Сдуру я поставил свою закорючку в его пыльном талмуде, и

странный старец с сатанинским смешком растворился в темноте лестничной площадки.

Внутренне поругивая себя за неосторожность, я вернулся в квартиру и бросил конверт на кухонный стол. Очевидно, этим вечерним визитом я обязан районному военкомату, решившему, что давно пора нерадивому запаснику Горину освежить в памяти азы тактики и стратегии где-нибудь в лагерях под Можайском. Мой нынешний статус сотрудника оборонной конторы категории «ноль» с допуском к «СС» и «ОВ» давал полную возможность плюнуть жидкой слюной на жестокие

требования военкомата пополнить унылые партизанские ряды, но также обязывал представить злосчастную повестку в военно-учетный стол института, раз уж я так неосмотрительно расписался за нее.

Заварив чайку покрепче, я распечатал конверт. Увы, лежавший в нем сизый листок не имел отношения к Красной Армии. Похуже было дело. Мне настоятельно рекомендовали явиться в следственное управление московского КГБ в Лефортове к товарищу Кравцову в качестве свидетеля по уголовному делу №... по статье 102 УК РСФСР, под которую, как известно, подпадают

деяния, именуемые «умышленным убийством». Приглашение было на завтра, на десять часов утра. В моем представлении этот вызов мог быть связан только с Гришиным. Забыв про чай, я тут же позвонил Степанычу.

— Слушаю вас! — раздался в трубке сонный голос компаньона.

А ведь верно, полдвенадцатого ночи уже на дворе!

— Внимательно слушаете, товарищ майор?

— А, Серега! Что там у тебя стряслось?

— Повесточку получил. Не от тебя ли?

— Про моржа? — хохотнул

Степаныч.

Этот анекдот он услышал около года назад где-то в кругах, близких к службе отбора прокурорских кадров. Какой-то, видимо халатно отобранный, сотрудник прокуратуры отправил 1 апреля кучу повесток ряду уважаемых граждан, в число которых входили директора торгов, заведующие базами и прочие бонзы распределительного Эдема.

В повестках они именовались обвиняемыми по какой-то загадочной статье и должны были немедленно предстать перед грозными очами прокурора города Москвы. Многие слабограмотные в правовом отношении граждане не

удосужились заглянуть в кодекс и всю ночь глотали валокордин и прочие стимуляторы. На дату в повестках тоже никто внимания не обратил. А наутро в приемной городской прокуратуры группе лиц, находящихся явно в предынфарктном состоянии, растерянный дежурный объяснил, что указанная в их повестках статья предусматривает суровую ответственность за незаконный забой моржа в холодных водах морей бассейна Ледовитого океана...

— Нет, Степаныч, моржи ни при чем. В Лефортово вызывают. Свидетелем по сто второй. Полагаю, что с Гришиным дело связано.

— Вот оно что! Я же говорил — наши будут крутить это дело.

— Так это твоего приятеля инициатива?

— Нет. Если в Лефортово вызывают — значит, Мосуправа работает. Сделаем так. Ты поезжай утром, а я с Генкой встречусь, он узнает у московских, каким боком ты там проходишь. Когда разговор закончишь, сразу мне позвони на работу. Встретимся, обсудим.

— А если задержат?

— Да не бойсь! Мы проконтролируем.

— А как ты думаешь, о чем может речь пойти?

— Слушай, давай все на завтра,

а? Поздно уже, да и телефон — штука ненадежная, сам знаешь.

— Ну, тогда до завтра.

— Бывай!

Как человеку спится с повесткой от КГБ в кармане? В учебниках по психологии масса исследований сновидениям посвящена. Всех классиков, начиная от Платона, эти процессы интересовали. Один Зигмунд Фрейд чего стоит! А современных исследователей сколько! А вот такую тему что-то никто не разработал! Ну, положим, перед Фрейдом этот вопрос стоять не мог, но отечественные-то психологи могли интересоваться?

К утру я готов был небольшое

эссе по этой любопытной проблеме черкануть, вклад в науку о бессознательном внести. И что меня удивило, так это связь между повесткой и либидо. Как начинает повестка сниться, так прямо чувствуешь — исчезает либидо, уносится, несчастное, как спринтер со старта...

Ровно в десять ноль-ноль я вошел в кабинет следователя Кравцова. И увидел я в этом маленьком облупленном кабинете, кроме самого Кравцова и железного Феликса на стене, не кого-нибудь, а лично товарища Волкова, нашего внутриинститутского представителя славной когорты чекистов. И так это

зрелище меня поразило, что дар речи на время я потерял, и на любезное приглашение присаживаться (никогда профессиональный слуга закона не скажет грубо «Садитесь!», разве что перед расставанием надолго со знакомым) мог только ласково промычать что-то нечленораздельное в ответ.

— Сергей Александрович, — бодрым тоном произнес Кравцов. — Товарищ полковник дал вам хорошие рекомендации, и мы приняли решение быть с вами предельно откровенными, насколько, конечно, это позволяет сложившаяся ситуация. Вы понимаете?

Я кивнул. Ни черта я пока не

понимаю, но, конечно, интересно, до каких пределов может распространяться откровенность следователя Комитета.

— Вы были хорошо знакомы с Сергеем Михайловичем Гришиным? — спросил Кравцов.

Ну правильно, быка надо за рога.

— Я знал его больше десяти лет.

— Что бы вы могли о нем сказать как о человеке?

Сложный вопрос! Пока, похоже, откровенность требуется только с моей стороны.

— Не глуп был. Даже несколько хитер. Смел, инициативен. Но всегда как-то себе на уме.

— Исчерпывающий портрет! —
Кравцов усмехнулся. — А вам
известно, что одно время он был
сотрудником правоохранительных
органов?

— Да, кажется, служил в
милиции. Но это было еще до нашего
знакомства.

— В милиции, в милиции... —
задумчиво протянул Кравцов, глядя
куда-то поверх моей головы. — А вам
известно, как он расстался со
службой?

— Нет.

— Ну, ладно, пока об этом не
будем.

Очень откровенно!

— Я полагаю, Сергей

Александрович, — вступил в беседу Волков, — что вам известны некоторые моменты уголовного дела, по которому ваш знакомый проходил в качестве обвиняемого?

— В общих чертах.

— Надеюсь, что вы лично не принимали участия в его незаконных действиях по изготовлению и сбыту изделий из драгметаллов? — произнес полуутвердительно-полувопросительно Волков скучным голосом, глядя почему-то на Феликса Эдмундовича, чей лик висел на противоположной от окна стене, справа от меня.

— Вы абсолютно правы! — с непроизвольной заискивающей

улыбкой ответил я.

Поворот в ходе беседы мне решительно не понравился.

Кравцов и Волков переглянулись.

— Сергей Михайлович Гришин представлял собой незначительное звено в незаконной цепочке сбыта золота, очевидно похищенного в приисковых районах... — перешел наконец к откровениям Кравцов.

Далее в течение минут сорока он излагал уже известные мне факты. Кое-что он тактично упустил, а именно чехарду с перебрасыванием дела Гришина по разным ведомствам и причины его освобождения. Но было кое-что и новенькое.

Оказывается, за день до ареста Гришина сотрудниками МВД, к нему должен был прибыть человек за тем самым золотым песком, что нашли при обыске, — сам Серега этот металл не использовал, служил просто передаточным звеном. И вот этот-то человек, предположительно студент из солнечной Греции, и интересовал ведомство, с представителем коего я сейчас беседовал, гораздо больше самого Гришина. Герой Эллады должен был быть схвачен за подлую империалистическую руку в момент передачи ему Гришиным богатства советских недр. Самое забавное, что с Серегой было на этот счет

достигнуто соглашение! Какими путями, Кравцов мне конкретно не пояснил, но дал понять, что спектр возможностей, которыми располагает Комитет для подобных случаев, весьма широк.

Мероприятие сорвалось, так как Гришин случайно (а может быть, и не случайно) и крайне неожиданно как для самого себя, так и для своего патрона исчез в милицейских недрах, а послушно пришедший на конспиративную встречу студент интересовал людей с чистыми руками как прошлогодний снег — без золота он был ангельски чист.

Когда Кравцов закончил свое любопытное повествование, я в

тонах вежливого удивления дал понять, что все было очень интересно и я оценил его действительно откровенный рассказ.

— Надеюсь, Сергей Александрович, вы понимаете, — вновь подал голос Волков, — что наша беседа носит конфиденциальный характер и все, о чем вы здесь узнаете, не подлежит разглашению?

— Разумеется! — среагировал я на этот несколько запоздалый комментарий.

— Так вот, Сергей Александрович! В свете изложенного материала мы хотим обратиться к вам с одной просьбой. — Кравцов

твердо посмотрел мне в глаза.

— Если я что-то смогу для вас сделать...

— Думаю, что сможете. А сделать надо будет вот что — вы нам замените Сергея Михайловича Гришина. Не надолго — всего на несколько дней.

Это неожиданное предложение снова ввергло меня в шоковое состояние. Заменить собой Серегу, сейчас, вероятно, вылетающего серым дымком из трубы Николо-Архангельского крематория, — на такие мазохистские штучки я никак не рассчитывал, расписываясь вчера за проклятую повестку! Э, нет, ребята, так дело не пойдет!

— Но я не представляю, как же это можно сделать, — начал я осторожно отбрыкиваться.

— Мы все вам объясним, — серьезным тоном сказал Кравцов. — Но сначала нужно решить вопрос о вашем принципиальном согласии.

— Пожалуй, я не гожусь на роль Джеймса Бонда, — интеллигентно сформулировал я свой отказ.

Кравцов поморщился.

— Поверьте, Сергей Александрович, вам не будет никакой нужды стрелять, боксировать, скакать на лошади или участвовать в автомобильных гонках. Никакая специальная подготовка не потребуется. Все пройдет тихо,

спокойно и займет, как я уже говорил, всего несколько дней.

— Нет, все же я не могу согласиться.

Лица обоих офицеров стали очень холодными.

— Сергей Александрович! — произнес Волков ледяным тоном. — Я позволю себе напомнить, что в свое время вы дали обязательство сотрудничать с Комитетом. Письменное обязательство! Мы, разумеется, не вправе приказать вам участвовать в оперативных мероприятиях, это дело сугубо добровольное. Но последствия отказа могут быть для вас крайне неприятны. Вы подали заявление о

приеме в кандидаты в члены КПСС, вы заканчиваете заочную аспирантуру МГУ, вы, наконец, почти подготовили к защите диссертацию. Работа, если не ошибаюсь, имеет гриф и пойдет через спецсовет с нашей визой? Неужели не обидно ставить под удар сразу столько перспективных начинаний, а, Сергей Александрович?

Во вцепились, росомахи! Конечно, обидно. Отовсюду вышибут — разве что грузчиком работать устроишься. Но на кой ляд именно я им сдался, оперативников подходящих подобрать не могут, что ли?

— Но я же не знаком с

оперативной работой, — сделал я еще одну слабенькую попытку отвертеться.

— А задача и не потребует таких навыков, — махнул рукой Кравцов. — Итак, вы согласны?

— Убедили, — понуро процедил я.

— Прекрасно! Мы были уверены, что вы охотно пойдете навстречу правоохранительным органам. — Лицо Кравцова снова приняло доброжелательное выражение.

— Со стороны руководства предприятия ваша отзывчивость к просьбе компетентных товарищей будет оценена должным образом, не

сомневайтесь! — с многообещающей интонацией добавил Волков.

Шутит, что ли? Да нет, какие уж тут шутки.

— Ну что же, Павел Борисович... — Волков встал со стула. — Поскольку Сергей Александрович внял вашей просьбе, моя миссия, можно считать, окончена. Приступайте к работе и передайте мой привет Николаю Николаевичу. Рассчитываю на приглашение на следующей неделе. Очень за него рад, генеральская звездочка не каждый день с неба слетает.

Волков пожал руку Кравцову, повернулся ко мне.

— Вы с сегодняшнего дня в оплачиваемом отпуске. До завершения вашей работы у майора Кравцова. Желаю успеха! — С этими словами Волков покинул кабинет.

— Ну что же, Сергей, если позволишь, перейдем на «ты». Можешь называть меня Павлом. Перейдем к делу. Время дорого, маловато у нас времени. Располагайся поудобнее, куртку сними — жарко сегодня! Сейчас чайку поставим и начнем.

Кравцов достал из тумбы письменного стола электрический чайник, перенес его на маленький столик у окна, включил в розетку.

— В жару горячий чай — самое

то. Зеленый. Кок-чай. Жажду враз снимает. Я привык в Средней Азии, у туркмен научился, Не бывал в тех краях?

— Нет. В Казахстане был только этой зимой на площадках. В Приозерске.

— Понравилось?

— Дыра.

— Весной там хорошо, все цветет. Когда снег — действительно скучновато. Раньше охота хорошая была, сайгаков было полно. Сейчас, поди, всех перестреляли.

— Это точно.

— Сам-то не охотник?

— Так, по необходимости случалось.

— Да? А я люблю! Времени только ни хрена не выкроишь! А все же открытия никогда не пропускаю.

Пока мы перебрасывались фразами, пока Кравцов добывал из шкафа самаркандские пиалы и заваривал свое зеленое пойло, у меня не проходило ощущение, что он пристально наблюдает за мной. Даже в те моменты, когда он ходил по комнате или вообще стоял ко мне спиной, я как-то кожей ощущал исходящий от него импульс внимания.

— Ну что, начнем? — спросил он, глядя, как я из вежливости прихлебываю отдающий веником противный настой цвета хаки.

С трудом сделав глоток, я кивнул.

— Значит, так. Первый вопрос, который ты наверняка мне задашь, — почему именно ты должен поработать вместо Гришина. Поэтому начну сразу с этого. Год назад вы вместе с ним часто таскались в общежитие Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Было?

Было, было. Веселая была компания в «лумумбарии» на Спортивной. Всех цветов и оттенков. И негритянка с русским именем Маша, к моему глубокому разочарованию, ничем от обычных Маш не отличалась, особенно в

темноте.

— Так вот, пока ты с черномазыми развлекался, Гришин бизнес свой делал, а ты в этой компании примелькался. В это время мы его только начинали разрабатывать, на тебя особого внимания не обратили, хотя за одно место можно было бы взять — контакты с иностранцами только с санкции руководства предприятия. Давал такую подписку?

Эх, и такую тоже давал.

— То, что ты ни при чем, выяснилось быстро. Гришин тебя просто по дружбе в этот бордель таскал. Но хабитус твой там запомнился. Несколько греческих

студентов было в той компании, припоминаешь?

— Смутно. — Тут я душой не слукавил, греки меня интересовали слабо и следа в памяти почти никакого не оставили.

— Это ничего, главное, чтобы они помнили. Вот парочка этих греков нас и интересуется. Завтра они прибывают в Союз, в Москву. И, как мы предполагаем, имеют желание встретиться с Гришиным и кое-что от него получить.

— Откуда информация?

Кравцов усмехнулся.

— Э, брат! Это ты не подумавши ляпнул. Такой вопрос часто головы может стоить! Запомни: ты будешь

знать только то, что я тебе сочту нужным сказать. Ни больше и ни меньше. Вопросов, тем более таких, больше не задавай. Ты сам справедливо сказал, что опыта в этом деле у тебя нет. Использовать тебя будут, не обижайся, просто как мебель. — Кравцов постучал костяшками пальцев по столешнице. — Как элемент интерьера, привычный греческому глазу. Все дело заключается в том, что сроку у нас часов двадцать пять-тридцать. Если на место Гришина я поставлю своего человека, они и близко не подойдут, а на тебя могут клюнуть. Тоже, между прочим, далеко не обязательно заглотнут

приманку. Но шанс все же больше, чем с абсолютно незнакомым им лицом.

Действия греков, зовут их Александр и Симеон...

— Александр, высокий такой, черный, с усами? — перебил я его.

— Верно. Уже вспоминаешь — хорошо. Так вот, предполагается, что греки позвонят Гришину на квартиру завтра, сразу после того, как пройдут таможеню в Шереметьеве. Его родственница, с которой он проживал, ответит им, что Сергей на днях попал в автокатастрофу и скончался в больнице. Вторая связь у них — Соломон Яковлевич Геллерштейн, зубной техник, живет в

Бирюлеве, ты сегодня с ним познакомишься. В свое время прищепили старика на покупке металла для коронок, так что он рад оказать нам маленькую услугу. Геллерштейн выведет греков на тебя, мол, ему известно, что Гришин передал товар тебе и ты уполномочен работать в этом канале.

— А сам этот Соломон чего ж...

Кравцов остановил меня нетерпеливым жестом.

— Я же тебе сказал — без вопросов! Ну, ладно, ладно, неудовлетворенное любопытство — причина язвы желудка. Исключительно ради твоего здоровья поясню, но больше не спрашивай,

Яков Соломонович знакомый наш старый, проверенный, в паре с братом работает — тот тоже дантист, круг их клиентов сотню человек насчитывает, информация точная, ясная, всегда вовремя. Данная операция — случайный эпизод. Мало ли что может произойти? Подставим Гелю — потеряем источник. Понял?

— Понял. А что может произойти? — опасливо спросил я.

Кравцов неопределенно хмыкнул.

— Ну как «что»? Если греков с поличным возьмем и сразу договоримся — тогда ладушки, все в порядке. А ну как они упрутся? Придется дожимать!

— Как это «дожимать»?

— Как полагается. Уголовное дело возбудить, в консульство сообщать, в прокуратуру, возможно, до суда дойдет. А кого я в материалах дела как продавца укажу? Геллерштейна? Сразу засветим старика! Его лавочку после этого за версту обходить будут!

— Вот это здорово! Значит, я имею почти гарантированный шанс из свидетелей перейти в разряд обвиняемых?! И подсесть в конце концов?

— А что? Пострадать от лап режима — почетно для любого русского интеллигента! — засмеялся Кравцов. — Ну, шучу, шучу!

Оперативка в деле на тебя будет — гарантирую. К медали представим, хочешь — «За освоение БАМа». А если серьезно — не волнуйся. Девять из десяти греки потекут сразу. Они просто курьеры — мелочь пузатая, сами по себе неинтересны. Но цепочка за ними потянуться может. Хоть в ту сторону проследим... — Он неопределенно махнул рукой в направлении окна.

Я только матюгнулся в душе, но промолчал.

— Сейчас поедem к Геллерштейну, присмотритесь, пооботритесь. Он точно должен грекам твой портрет описать. Потом обратно сюда. Никитин к двум

должен освободиться — это твой напарник, будет всегда при тебе. Заберете здесь товар — и вдвоем на твою хату.

— А потом?

— Будете сидеть и ждать звонка. От интуристов. Кстати, твой телефон поставлен на прослушивание.

— Давно?

Кравцов пальчиком погрозил:

— Опять вопросы задаешь?

Я только руками развел. Павел Борисович поднял трубку аппарата внутренней связи и заказал машину.

Перед тем как выйти из кабинета, он задумчиво глянул на портрет Феликса и вдруг спросил:

— Слушай, тебя Уколкин к себе

на Петровку не вызывал?

— Нет.

— А ты с ним виделся после опознания?

Вопрос показал хорошую осведомленность майора в моих делах. Ну, конечно, с Волковым у них разговор был, надо полагать, подробный.

— Один раз.

— Где?

— Возле дома Гришина, в день убийства.

— Вот как! Ну-ка, расскажи. — Кравцов отошел от двери и опять занял место у стола.

— Да случайно увиделись... — Я рассказал, как было дело.

— Уколкин, Уколкин... — задумчиво пробормотал Павел, как-то отключившись на несколько секунд.

На столе зазвонил телефон. Кравцов снял трубку.

— Да, да. Прекрасно, сейчас идем. — И, повернувшись ко мне, бросил: — Поехали!

Глава 11

ПОДГОТОВКА К ДЕБЮТУ

Фирма «Геллерштейн и брат» располагалась в весьма потертой двухкомнатной квартире на девятом, последнем этаже длинного унылого дома, находящегося в двух шагах от платформы Бирюлево-Товарная. В прихожей квартиры, превращенной в приемную, под выцветшими плакатами с изображением зубов, щеток и различных медицинских аксессуаров, сидело человек пять страждущих с мрачно-вато-

испуганными выражениями лиц. Из одной комнаты доносилось бодрое жужжание древней бормашины. Как только за нами захлопнулась дверь квартиры, стало ясно, что мы прибыли в драматический момент.

— А-а-а! У-у-оо! Бля... — перекрыл рев пыточного агрегата вой какого-то страдальца.

На лицах обитателей приемной отразилась гамма сложных переживаний. Кравцов болезненно сморщился и решительным жестом открыл дверь, ведущую в соседнюю комнату. Я последовал за ним.

В небольшой квадратной комнате, в окружении стеклянных шкафчиков с какими-то препаратами

и зубодерными причиндалами, сидел за столом толстенный, почти полностью лысый старичок в золотых очках. Когда мы вошли, он с задумчивым видом разглядывал пару нежно-розовых искусственных челюстей, поднеся их близко к глазам. При виде Кравцова старичок вскочил, как будто подброшенный пружиной, челюсти с могильным стуком упали на стол.

— Павел Борисович! — сладко пропел старичок, стремительно выбегая из-за стола и широко распахивая коротенькие, толстенные ручонки, словно хотел заключить Кравцова в дружеские объятия.

Кравцов поздоровался с

пасмурным выражением лица. Он присел на край стола, небрежно отодвинув сверкающие голливудской улыбкой челюсти.

— Я же сказал, чтобы сегодня никого не принимали! — строгим голосом заметил он Соломону Яковлевичу, на лице которого была написана буйная радость по поводу встречи с дорогим Павлом Борисовичем.

— Но Яша должен делать гешефт?! — извиняющимся тоном произнес Геллерштейн, подпрыгивая на месте как воробушек. — Мальчику надо заработать на кусок хлеба!

— У-й-й, бля... — как бы в подтверждение его слов опять

донесся из-за стенки жалобный стон терзаемого Яшей пациента.

Соломон виновато развел руками, Кравцова передернуло.

— Ну, ладно! — Он подошел к двери кабинета, обитой изнутри кожзаменителем крокодилового цвета, и плотно прикрыл ее. — Гешефт так гешефт. Вот, Соломон Яковлевич, перед вами человек, зовут его Сергей Александрович. Его вы должны описать как преемника Гришина в том случае, если греки позвонят вам. А они вам позвонят. Скорее всего завтра, во второй половине дня. Вы скажете, что с Сергеем дело иметь можно, что вы сами пользовались его услугами, что

он старый друг Гришина, а главное, повторяю еще раз, опишете им его подробный портрет. Подробный настолько, чтобы они его вспомнили. Это самое важное. Порекомендуйте им обратиться к Сергею, но сильно не нажимайте, палку здесь ни в коем случае перегнуть нельзя. Ну да что мне вас учить, вы же не первый раз с нами работаете!

При последних словах Кравцова вся веселость Геллерштейна сразу улетучилась. Его большие карие глаза за стеклами очков стали печальны, каким-то затравленным взглядом он обвел стены маленькой комнаты.

— Да, да. Я все понял, все сделаю, — уныло пробормотал он.

— Надеюсь! — сказал Кравцов. — Я вас оставлю тет-а-тет на пару часиков. Сергей, обязательно дождись меня, в управление еще разок нужно будет заехать.

Кравцов вышел. Сникший Соломон Яковлевич подошел к окну и, барабая пухлыми пальцами по стеклу, озира́л угрюмый бирюлевский пейзаж. Я подсел к столу и стал рассеянно перебирать челюсти, стараясь сложить пару в подходящую комбинацию.

— Оставьте, пожалуйста! — резко сказал Геллерштейн, повернувшись от окна, и тут же добавил: — Извините. Кофе не желаете?

— С большим удовольствием.

Старик засуетился, накрывая на стол. Среди весело скалящихся протезов появились изящные, маленькие чашечки из полупрозрачного, тонкого фарфора и серебряная корзиночка с конфетами в невзрачных обертках, устрашающе именуемых «Радий».

— Скажите, а вы хорошо знали Сережу Гришина? — спросил Геллерштейн, насыпая кофейные зерна в кофемолку.

— Да, он был моим старым знакомым. На Севере работали вместе несколько лет назад.

— В Магадане?

— Нет, но близко — на Чукотке.

Маленькая машинка загудела в руках Соломона, и вкусный запах свежеразмолотого кофе поплыл по комнате.

— А я был в Магадане! — сказал Геллерштейн с некоторой гордостью.

— Участвовали в великих стройках?

— Что вы, что вы! — Соломон Яковлевич правильно понял вопрос и суеверно плюнул через плечо. — Нет, я сам, по собственной инициативе поехал. Молодым человеком тогда был, не чуждым романтики. Хотелось покорять пространства — дух времени такой был, тридцать лет назад.

— Ну и как впечатления?

— О! Сильные! До сих пор вспоминаю как ярчайший эпизод биографии. Я в старательской артели работал, шлиховщиком.

— Вы серьезно? — Я не мог сдержать удивления.

— Ну конечно, теперь самому трудно поверить! — Соломон Яковлевич покрутил в воздухе пухленькими розовыми ручками. — А ведь у меня нюх был на золото поразительный. Я в таких местах его намывал, где другие и подозревать не могли.

— И сейчас сохранился? — Я прихлебнул жидковатый кофе.

— Что?

— Нюх?

Геллерштейн поперхнулся изотопной конфеткой, посмотрел на меня осуждающе.

— Не судите, да не судимы будете. Золото — вещь притягательная, многие обжигаются, я, увы, не исключение. Но ведь и вы ко мне заглянули не зубки подлечить?

— Без комментариев, дорогой Соломон Яковлевич. Боюсь, наш общий знакомый, что недавно отсюда вышел, не поощряет излишние откровения своих... — Я запнулся в усилиях подобрать нужное слово, которое с наименьшими потерями для самолюбия определяло нашу незавидную роль.

— Стукачей, — любезно помог мне Геллерштейн и сокрушенно вздохнул. — И чего только не сделает с человеком другой человек! А знаете, Гришин мне рассказывал о вас, немного правда, но рассказывал. И, признаться, я представлял вас совершенно другим!

Я пожал плечами. Что мог наболтать Гришин этому шустрому потомку Эскулапа? Странно, однако: Соломон Яковлевич — и вдруг шлиховщик. Что-то мне в последнее время необычные старички этого сорта попадаются. То рейнджер, там, в морге, то золотоискатель. И оба, заметьте, по медицинской линии совершенствовались.

— Что же вы, Соломон Яковлевич, покинули высокие широты?

— Это вы про Магадан? Да я, можно сказать, и не покидал его с тех пор... — продолжить эту загадочную мысль старику помешал Кравцов, совершенно неслышно появившись в кабинете.

— Воспоминаниям предаемся? — Голос Кравцова заставил Геллерштейна вздрогнуть.

Умное лицо Соломона Яковлевича вновь обезобразила истерично-веселая улыбочка.

— Да вот знакомимся потихоньку с Сергеем Александровичем! Кофейку не

желаете?

Кравцов взял из вазочки конфету «Радий», прочел название, усмехнулся. Положил кондитерское чудо на коренные зубы одного из протезов, прижал сверху второй челюстью.

— Апофеоз ядерной войны! Шедевр в стиле Сальвадора Дали.

— Вы мастер импровизации! — угодливо засмеялся старый дантист.

Кравцов кивнул серьезно.

— Импровизация в нашем деле — часто ключ к успеху. Ну как, Соломон Яковлевич, у вас сложилось представление о нашем дебютанте? — Кравцов кивнул в мою сторону.

— Вполне, вполне. Я уверен, что мы сработаемся с... коллегой.

Так, так! Похоже, что планы Кравцова в отношении меня не ограничиваются одноразовой «импровизацией».

— Хорошо. Ну, до скорого, Соломон Яковлевич! Поехали, Сергей, нас ждут.

— Павел Борисович! А как же с поездкой Яши? Мальчик жаждет увидеть землю предков! — задержал нас Геллерштейн.

— Поездка состоится, как я и обещал. Если вы завтра сильно постараетесь.

— Я постараюсь, постараюсь.

В машине я спросил Кравцова:

— Что это там старик болтал про Магадан?

Я думал, что опять нарвусь на замечание или Павел постарается уйти от ответа, но, к моему удивлению, он стал говорить охотно:

— В конце пятидесятых, когда стало широко разворачиваться старательское движение, Соломон рванул в Магаданскую область. Хотел участвовать в организации артелей. Он тогда уже был фигурой известной, с коллекционерами работал. На антиквариате капитал создал, хотел выгодно вложить.

— Он говорил, что шлиховщиком работал, — перебил я Кравцова.

— А, чушь! — отмахнулся тот. — Соломон хотел кусок пожирнее отхватить, но не дали. Все уже было прибрано к рукам. Все, что он мог сделать — это ниточку сбыта сюда, в Москву, протянуть. Частные дантисты — традиционный «золотой рынок». Ну, дали мы ему раскрутиться и потом аккуратно взяли за одно место. Вообще-то он старик интересный — поближе познакомишься, узнаешь.

Я отметил про себя, что никакого желания устанавливать более теплые отношения с Геллерштейном не испытываю, а вслух спросил:

— А кто Соломона к артельному

делу-то не подпустил? Кто все захапал?

Кравцов задумчиво посмотрел в окно автомобиля. Помолчал.

— Это очень сложный вопрос, — наконец сказал он. Энтузиазма уже не было в его голосе. — Эти проклятые артели невозможно контролировать. Специфика производства! То растут как грибы, за год обороты будь здоров набирают, только начинают к ним присматриваться — бах! Лопнула как пузырь мыльный — и нет ничего! А золото приискковое в Москве появляется часто, только цепочки все время рвутся — одно-два звена, и все, пусто. Да и другие

возьматься вокруг этих дел, а у семи нянек...

— Другие — это кто?

Кравцов посмотрел на меня прежними жесткими глазами. Задумчивость его прошла.

— Голова не заболит — от вопросов? А то на анальгине разоришься.

Всю оставшуюся до Лефортова дорогу мы молчали.

В уже знакомом мне кабинете нас ждал молодой, лет двадцати пяти, симпатичный парень, спортивного телосложения, с роскошной темно-каштановой шевелюрой.

— Николай Никитин, —

представил его Кравцов. — Твой непосредственный партнер.

Парень молча, с улыбкой, протянул мне руку.

— Ну как, Коля, лаборатория подготовила сувенир? — спросил Кравцов.

Вместо ответа Никитин извлек из сейфа большую круглую жестяную коробку из-под китайского чая и протянул ее Кравцову. Тот с улыбкой взвесил ее на руке и положил на стол.

— Вот этот подарок, Сергей, ты должен будешь передать грекам.

Я потянулся было за коробкой, но Кравцов остановил меня.

— Лишний раз ее лучше не

трогай. Она у Коли будет находиться до самого последнего момента.

Никитин снова убрал коробку в сейф.

— Теперь слушай внимательно, — обратился ко мне Кравцов. — Когда греки позвонят, держись поуверенней. Место встречи должен обязательно назначить ты. Все варианты, которые они будут тебе предлагать, отсекай сразу. Помни: если уж они позвонили, если уж пошли на рискованный контакт, значит, или интерес большой, или основной заказчик их припер к стенке — деваться некуда. И все основания, для того чтобы самим музыку заказывать, у нас имеются.

Разговор следует вести кратко. Слов «золото», «товар» не употребляй. Используй термин «ваш заказ» — Гришин именно его применял. Встречу назначишь на одиннадцать вечера вот в этом месте.

Кравцов вытащил из стола лист с каким-то чертежом и показал мне.

— Смотри! — Красным карандашом он обвел пучок радиально расходящихся линий. — Это Лучевые просеки в Сокольниках. А вот это — Богородское шоссе. А вот — Поперечный просек. Встречу назначишь вот здесь — на пересечении Поперечного и Шестого Лучевого, рядом со съездом на Богородское шоссе. Место это тихое,

кругом парк, народу никогда не бывает. Скажешь, чтобы подъехали на такси, и пусть сразу отпустят машину. Ты будешь их ждать в «Жигулях». Синяя «семерка», номер 62—42. По телефону скажешь им этот номер. Когда подъедет такси, выйдешь из машины и пойдешь им навстречу.

— В машине буду я один?

— Да. Встретишь их на шоссе, представишься, поздороваяешься, скажешь, что «заказ» в машине. Посадишь их в машину, передашь коробку и предложишь вскрыть. Если они не станут открывать, скажешь, Гришин тебя предупредил, что есть какие-то трудности с «заказом» и ты

не уверен, все ли на месте, полный ли объем. Если они все же не вскроют коробку, скажешь фразу: «Жаль, мне хотелось бы быть полезным для вас». Запомнил?

— Запомнил.

— Хорошо. Микрофон будет укреплен в кармане твоей куртки. Оденешься так же, как сейчас. — Кравцов отступил на шаг и окинул меня критическим взглядом. — В левом нагрудном кармане будет микрофон. Вот здесь.

Он ткнул пальцем в бронзовую пуговицу с надписью «Lee» на кармане моей джинсовки.

— В машине посадишь греков на заднее сиденье, сам сядешь на

водительское. Коробку достанешь из-под переднего сиденья справа. Ну что, вопросы есть?

— А если они откажутся так поздно ехать в такое уединенное место?

— Не твоя забота. Твое дело предложить.

— А вы все где будете?

— Мы будем на посту, — усмехнулся Кравцов. — За полчаса до срока Коля привезет тебя на место встречи и из машины уйдет. Ты пересядешь на водительское место и станешь ждать. Остальное — как говорил. Ну, все понял?

— Да вроде все.

— Ладно. Сейчас пойдем жука

вставим, а потом вместе с Никитиным катись к себе в Лианозово и жди звонка. Ты сейчас один дома?

— Один.

— Ну вот, чайку попьете, телевизор посмотрите.

В Лианозово мы с Никитиным доехали на той самой «семерке» 62—42. Машина как машина, грязноватая, староватая, лобовик слегка треснут, в глушителе, похоже, дырка, бубнит как-то неприятно.

Никитин оказался заядлым шахматистом, и, коротая время в ожидании злосчастного звонка, мы сыграли уйму партий с разгромным для меня результатом.

Занимательным собеседником его никак нельзя было назвать, все мои попытки обсудить предстоящее дело и его предысторию вежливо, но решительно им пресекались.

До пяти вечера следующего дня мы вели растительный образ жизни, лениво листая беллетристику и время от времени играя блицы. Ровно в пять зазвонил телефон. Почувствовав внутреннюю дрожь, я снял трубку.

— Слушаю вас! — с интонацией Джеймса Бонда произнес я в трубку.

— Сергей? — спросил меня голос Кравцова.

— Он самый.

— Дай-ка трубку Николаю,

быстренько!

После быстрого разговора с Кравцовым Никитин положил трубку и посмотрел на меня.

— Греки звонили на квартиру Гришина, а сейчас разговаривают с Геллерштейном. Все идет как надо — сейчас будет твой выход.

Глава 12

БОГОРОДСКОЕ ШОССЕ

Еще час прошел в томительном ожидании. Очевидно, хитрые греки колебались. Нервозность моя поутихла, и я уже смотрел на телефонный аппарат, как рыболов-спортсмен смотрит на поплавков в ожидании поклевки крупной рыбы. Наконец раздалась долгожданная трель. Пропустив пару интервалов, я снял трубку.

— Слушаю.

— Сергей Александрович? —

спросил незнакомый мне голос.

— Да, я.

— Мне рекомендовал обратиться к вам Соломон Яковлевич. Меня зовут Александр. Возможно, вы вспомните — нас как-то знакомил Сережа Гришин.

Он говорил по-русски чисто, но с каким-то странным, трудноуловимым акцентом. Может быть, гласные растягивал чуть дольше, чем следовало.

— Да, да. Припоминаю, — ответил я.

— Соломон Яковлевич сказал, что вы некоторым образом наследник Сережи?

— Смотря в чем.

— Я имею в виду «заказ», о котором была достигнута договоренность.

— Да, верно. Ваш «заказ» у меня.

— Не могли бы мы с вами встретиться в гостинице сегодня вечером? Мы остановились в Измайловском комплексе.

— К сожалению, нет.

— Нам нужно будет подъехать к вам?

— Да, сделаем так... — Минуты две я объяснял Александру место и условия встречи.

Когда я закончил, ответом было довольно продолжительное молчание. Записывал он, что ли?

Наконец в трубке снова возник голос с забавным тягучим произношением:

— Нам нужно подумать. Я перезвоню вам минут через десять. — С этими словами Александр связь прервал.

Я положил трубку и растерянно посмотрел на Никитина. Он сидел рядом. На корпус моего телефонного аппарата он прилепил какую-то присоску, от которой к его уху, скрытому под густыми волосами, шел тонкий проводок. Когда разговор был окончен, он извлек из уха и положил на стол маленький черный микрофон и развел руками.

— А ты что хотел? —

предупредил он мои вопросы. — Сейчас у них очко знаешь как играет?! Ничего, раз позвонили, позвонят снова — никуда не денутся!

Как бы в подтверждение его слов снова зазвонил телефон.

— Сергей Александрович? Это опять Александр беспокоит. Я приеду. Буду один. Надеюсь, мы должны узнать друг друга. До свидания.

Никитин улыбнулся, отлепил свой стетоскоп от аппарата и поднял большой палец вверх.

— Ну что я говорил? — весело заметил он. — Да не волнуйся ты, все пройдет как по маслу. Давай кофейку попьем и еще пару партий

сгоняем. А хочешь — поспи часок? Время есть.

Я чувствовал, что уснуть не смогу. Занялись опять шахматами. Пользуясь тем, что Никитин находился в благодушном настроении, я снова попытался его разговорить.

— Слушай, Коля, а как они золото в самолет собираются пронести? — спросил я, отчаянной жертвой коня пытаюсь сдержать его фланговую атаку.

— Самолет им ни к чему... — задумчиво протянул Никитин, с заинтересованным видом оценивая варианты, возникающие вследствие моего решительного хода. — Они

обычно уходят через Одессу или Батуми морем. А на пароход при умении и желании можно хоть зенитную пушку пронести.

— А что вы им предложите, когда возьмете?

— Работу предложим, — с тем же задумчивым видом ответил Никитин. — В Греции сейчас безработица сильная. Около десяти процентов. Не пропадать же таким славным ребятам.

Он сделал ход, я машинально ответил.

— Нет, Серега! — ухмыльнулся Никитин. — Не умеешь ты считать! Играешь ярко, интересно, я бы сказал — авантюрно, но считаешь плохо.

Ленивый ты мужик. Вот смотри, что получается.

Он объяснил мне четырехходовку, сложившуюся на доске, и пути моего очередного, неизбежного поражения.

— А ну их к черту, эти шахматы! — раздраженно бросил я.

— И то! Пожалуй, собираться пора.

Из небольшого черного кейса он извлек открытую кобуру из желтой кожи и отдельно маленький, неправдоподобно плоский пистолетик. Положил оружие на стол и стал пристраивать кобуру на брючный ремень.

— Что это за пукалка? —

спросил я, указывая на казавшийся игрушечным пистолет.

— Серьезная пушка. ПСМ, — ответил Никитин, застегнув ремень и ощупывая плотно прилегающую к пояснице кобуру.

— Тоже Макарова?

— Нет. И «Макаров», и все остальные наши пистолеты перед этим — ерунда. ПСМ — значит «пистолет самозарядный малогабаритный». Весит всего полкило вместе с патронами, почти в два раза легче ПМ и в три — «стечкина». Калибр пять целых и сорок пять сотых миллиметра.

— Мелкашка, что ли?

— Вот-вот, мелкашка. —

Никитин вытащил обойму и показал мне небольшой патрон. — Пуля со смещенным центром тяжести. На двадцати метрах дырки делает такие — слона можно завалить. Специально для Конторы разрабатывался. Кстати, конструктор — женщина.

Он засунул уместающийся на ладони пистолетик в кобуру, надел пиджак и повернулся перед зеркалом, снова трогая поясницу. Оружие было абсолютно незаметно.

— Ну, еще по чашечке — и в путь! — бодро сказал Николай, захлопывая кейс.

На место мы прибыли в 22.30, минута в минуту. Уже окончательно

стемнело. Участок дороги, где Николай остановил «семерку», был неосвещен, лес вплотную подступал к обочинам. Впереди, метрах в семидесяти, был виден перекресток с двумя фонарями, и редкая цепочка огоньков, тянувшаяся от перекрестка, показывала направление Богородского шоссе. Кравцов оказался прав — в этот час ни одному нормальному человеку нечего было делать в этом пустынном месте.

Никитин заглушил мотор и включил приемник. Мелодичная эстрадная песенка тихонько полилась из динамиков.

— Ну, Серега, желаю удачи! Все

помнишь, что должен делать?

— Помню, помню, — проворчал я и потянулся к приемнику.

Я снова начал волноваться, и музыка раздражала.

— Радио не трогай. Ни в коем случае, — остановил мою руку Никитин. — Ну, давай!

Он хлопнул меня по плечу, вылез из машины и сразу исчез среди деревьев. Я вышел на дорогу, потянулся, обошел «семерку» и сел на водительское место. Ключи торчали в замке зажигания. Меня посетила шальная мысль: а что, если запустить движок и смотаться отсюда, к чертовой матери, вместе с увесистой коробкой, что лежит под

соседним сиденьем?

Я вспомнил про плоский пистолет под пиджаком у Никитина и решил, что подобные мысли не к лицу добропорядочному гражданину. Любопытно, сколько людей Кравцова торчит сейчас в придорожных кустах в ожидании моего выступления? Пока я предавался подобным размышлениям, время потихоньку бежало, эстрадные мелодии сменились спортивным репортажем, и наконец без пяти одиннадцать по моим часам я увидел, как с Богородского шоссе на мою темную аллею свернула машина.

Она остановилась сразу за перекрестком. «Волга»

неопределенного цвета, с желтым светящимся транспарантом такси на крыше. Из машины вылез человек, захлопнул за собой дверцу. «Волга» развернулась и ушла по Богородскому шоссе в сторону Сокольников. Как только она исчезла из виду, я мигнул фарами стоящему на дороге человеку, вышел из машины и не спеша пошел ему навстречу. Он тоже двинулся по направлению ко мне.

Мы сошлись метрах в тридцати от «семерки». Я его узнал — действительно, тот самый Александр из «лумумбария». По его улыбке я понял, что он тоже признал во мне знакомого.

— Здравствуйте! — Он первым

протянул руку.

— Приветствую! — Я ответил на рукопожатие. — Ваш «заказ» в машине. Я отвезу вас в гостиницу, пойдете.

Не успели мы сделать несколько шагов, как со стороны Богородского шоссе показалась машина и, резко взвизгнув тормозами, свернула в нашу неосвещенную аллею.

Мы замерли на месте, ослепленные яркими фарами дальнего света. Автомобиль стремительно подкатил к нам и резко остановился. Серая «девятка» с тонированными стеклами и залепленным грязью номером. Стекло у пассажира спереди было

наполовину опущено. Лицо сидевшего в «девятке» человека было затенено длинным козырьком темного кепи, но что-то знакомое показалось мне во взгляде глубоко посаженных глаз.

Появление этой машины не вязалось с известным мне сценарием, и я почувствовал себя неуютно. Лицо же Александра при виде человека в «девятке» выразило откровенный ужас. Он выкрикнул что-то нечленораздельное и стремительно понесся в глубину аллеи прямо к моей машине. Я решил, что пришла пора и мне проявить инициативу в этом деле, и прыжком, достойным пингвина,

удирающего от касатки, свалился на дно неглубокого оврага. Мотор «девятки» взревел, слышно было, как скребанули в пробуксовке колеса по асфальту, потом вновь взвизгнули тормоза. Я слегка высунулся из канавы.

«Девятка» поравнялась с удирающим Александром. Из полуоткрытого окна высунулась рука, сжимающая пистолет с большим набалдашником глушителя. Я увидел, как ствол почти прикоснулся к спине несчастного грека и трижды дернулся. Бум, бум, бум! Донеслись едва различимые хлопки. Александр взмахнул руками, повернулся и рухнул на асфальт. Рука с пистолетом

опустилась к его голове. Бум! Прозвучал последний выстрел. Машина резко рванула вперед и моментально скрылась в темноте. Габаритные огни и лампы освещения номерного знака у «девятки» не горели, задний номер тоже был замазан грязью.

Все произошло очень быстро — буквально в течение нескольких секунд. Страх прижал меня к стене моего импровизированного окопа, но оставаться в этой канаве было занятием бессмысленным. Если это убийство — дело рук людей Кравцова, то все равно мне здесь не отлежаться и далеко тоже не уйти. Стараясь подавить нервную дрожь, я

выполз на дорогу. Спустя минуту на ней стало довольно многолюдно.

С какого-то проселка выползла «Волга» и, перегородив шоссе, встала напротив нашей «семерки». Несколько человек выбежали из кустов. Я подошел к телу Александра, лежащему почти рядом с «Жигулями».

Стрелок из «девятки» пользовался каким-то мощным оружием — у грека было снесено почти полголовы. У меня прямо тошнота к горлу подкатила, когда я увидел результат этой стрельбы. Кто-то схватил меня сзади за плечо, я вздрогнул и резко обернулся.

— Спокойно, Сергей, спокойно!

Сам цел?

А, Павел Борисович! Раньше времени засаду пришлось покинуть. Выражение лица далеко не благодушное. Похоже, слава Богу, что к такому развитию событий он отношения не имеет.

— Цел.

— Колька! — крикнул Кравцов. — Давай за ним!

Мотор «семерки» взвыл, она рванулась мимо нас, лихо развернулась на месте на «ручнике» и ушла в темноту вслед за машиной киллеров.

— Останешься здесь! — Кравцов подтолкнул к трупку грека какого-то плотного парня и бросился

к «Волге». — Я сам вызову бригаду по связи.

— А мне куда? — крикнул я ему, когда он уже садился в машину.

— Потом, потом! — Он захлопнул дверцу, и «Волга» укатила.

— Ну, что делать будем? — спросил я коллегу Кравцова.

— Ждать, чего еще делать! — флегматично ответил он и закурил сигарету.

Я отошел подальше от трупа и тоже закурил. Меня колотил сильный озноб, и оставаться на проклятой дороге страшно не хотелось.

— Слушай! — обратился я к невозмутимому чекисту. — Пойду я отсюда, на кой мне-то здесь торчать!

— Давай! — равнодушно согласился он.

— Я Кравцову завтра позвоню, — извиняющимся тоном добавил я.

Парень пожал плечами. Видно было, что полученные им инструкции на меня не распространялись.

Я вышел на тускло освещенное пустынное Богородское шоссе и поплелся к Сокольникам. Я прошел не меньше километра, прежде чем навстречу мне попалась машина «скорой помощи» с включенной сиреной и желто-синий милицейский «Москвич». Почти тут же подвернулся и ночной бомбила на

раздолбанной «копейке», который любезно подбросил меня в Лианозово. Я отдал ему все, что было в моих карманах, — хватило еще на бутылку скверной водки. Дома, одним духом проглотив отвратительное пойло и закусив последним куском черствого хлеба, я погрузился в тяжелый, тревожный сон.

Проснулся я около часа дня с ощущением дикой изжоги и сразу же позвонил Кравцову. С минуту слушал длинные гудки, потом бросил трубку. Нет никого в управлении! Чем погоня кончилась, чем вообще весь этот детектив завершился? Я почувствовал, что нахожусь на грани

паники. Хотел было за жратвой сходить, да из дома-то выйти было страшно.

Несколько часов я метался по квартире, как зверь по клетке. Наконец телефон зазвонил.

— Сергей? — Голос Кравцова был усталым и раздраженным. — Сиди на месте, я сейчас буду.

Не прошло и получаса, как раздался звонок в дверь. Я впустил Павла Борисовича в квартиру. Лицо его было серым, отчасти от усталости, отчасти от проступившей щетины, костюм мятый, обувь заляпана грязью. Скинув пиджак, он с отвращением стянул «сбрую» с кобурой, швырнул оружие на стол,

плюхнулся в кресло и облегченно вытянул ноги.

— Ты чего сбежал-то? — спросил он, устало прикрыв глаза и откинув голову на спинку кресла.

— Я жмуров караулить не подписывался, — намеренно грубо ответил я.

— Да... — протянул Кравцов. — Провал! Полный ...ц!

— Не поймали?

— Не-а...

Он совсем закрыл глаза, мне показалось даже — вот-вот заснет. Я выждал минуту — Кравцов не подавал признаков жизни.

— Никитин-то где?

Лицо Кравцова болезненно

сморщилось.

— Колька в Склифе. В реанимации.

— Что-о-о?

— В Склифе, говорю. Повреждено основание черепа. И масса переломов.

— Тоже подстрелили?

— Да. Но не самого — машину. Они в Лосинку уходили, но Колька их достал.

— На «семерке» «девятку» трудно сделать, — заметил я.

Кравцов отмахнулся.

— Это не «семерка», семьдесят девятая машина, специзделие с роторно-поршневым движком, сотню набирает за девять секунд, лучше

любого БМВ. Он их догнал на Яузской аллее. Но стрелок у них — ас! Скорость большая была, больше ста тридцати. Пробили Кольке переднее колесо, правое. В правом повороте. Баллон лопнул — Колька полсотни метров среди деревьев кувыркался. Вылетел из машины через лобовик. Когда мы подъехали — дышал едва-едва. Тут уж не до преследования — пришлось в Склиф гнать как можно скорее.

— Да, дела...

— Это еще не все! — Кравцов сильно потер виски. Видно было, что он пытается собраться, но это плохо у него получалось. — Пока мы на Богородском гонками занимались,

кто-то Гелю аккуратно кончил.
Вместе с братишкой.

— Соломона Яковлевича?! —
ошарашенно воскликнул я.

— Ну да. Обоих Геллерштейнов.
На квартире. По выстрелу в живот и
по контрольному в голову. Мощная
какая-то пушка. По полбашки
дантистам снесло. Сейчас
экспертиза разбирается.

Я вспомнил, как выглядел
злосчастный грек, и содрогнулся.

— Кто же это так сработал?

Кравцов поглядел на меня
тяжело.

— Вот об этом я и приехал
поговорить, — сказал он тихо. Голос
его приобрел доверительные

интонации. — Понимаешь, странные вещи происходят. Такси, на котором грек от гостиницы до Богородского ехал, Славка Мальцев вел. А Славка — наружник опытейший, один из лучших, на «земле» давно работает. Но, как мы сейчас понимаем, и такси и Славку вела эта «девятка». Но Славка ее не видел! А чтобы так вести, класс нужен высочайший, не каждому доступно. И Гелю они сделали — комар носа не подточит. Соседи не слыхали ни хрена, дверь открыли и закрыли без всяких повреждений, ключи у Гели в кармане. Скажи-ка, когда «девятка» около вас тормознула, ты пассажира разглядел?

Ответить я не успел. Что-то зашуршало на лестничной площадке, послышался толчок в дверь. Кравцов моментально вскочил, схватил кобуру, выдернул уже знакомый мне плоский пистолет. Я хотел было подняться, но он пихнул меня обратно на диван, приложил палец к губам. Вышел в коридор. Я выглянул за ним.

Павел, прижавшись спиной к стене, вытянул руку с пистолетом и прикрыл стволом глазок на входной двери. Опустил руку. Ничего. Он открыл дверь и вышел на лестничную площадку.

— Ерунда! — сказал он облегченно, возвращаясь в

квартиру. — Пацан какой-то с велосипедом возится.

— А! Это соседский парень.

— Ну, так не узнал никого? — повторил Кравцов свой вопрос, снова опустившись в кресло.

Я не спешил с ответом. Это лицо, эти глаза в тени длинного козырька... Вот если вместо «девятки» с черными стеклами была бы белая знакомая «Волга», то, пожалуй, я бы не сомневался. А так... Мало ли что ночью привидеться может, да еще такой ночью!

— Нет, — сказал я. — Точно ничего не могу утверждать.

— Ну а не точно?

Предположительно хотя бы? — тянул из меня жилы Кравцов.

— Ну а предположительно — это ваши друзья-приятели из параллельного ведомства, — решил наконец я.

Кравцов совсем не удивился.

— Уколкин! — протянул он сквозь зубы.

Я кивнул.

— Я так и думал. Все время он под ногами крутился. Мы уже подозревали, что не случайно. Но чтобы этакий фортель выкинуть — такого никто не мог ожидать.

— Что дальше-то будет?

Кравцов тяжело вздохнул.

— Тяжелый случай.

Расследования такого рода — самая неприятная работа. Грязная и опасная работа. На разработку Уколкина времени потребуется много. Если разрешат. А за это время всякое может произойти.

— Как это «если разрешат»?

Кравцов только рукой махнул.

— А! Сам видишь, что в стране творится! Я же не знаю, чей он человек. Вот что, Сергей. Если он тебя узнал — в неприятное положение ты попал.

— Он будет думать, что я — ваш сотрудник?

— Это неважно. Главное — он будет думать, что ты его мог узнать. А чем это грозит, ты можешь

догадаться.

— Очень приятно. А вы-то на что?

— Программа защиты свидетелей — это из западных фильмов. У нас не практикуется. Тем более что с сегодняшнего дня я сам в подвешенном положении нахожусь. Такой провал бесследно не проходит. Опять вся цепочка порвалась, и кроме догадок ничего в руках нет.

— И что же мне делать?

— Мой тебе совет — сматывайся из Москвы, и как можно дальше. Недели на три, а лучше на месяц. Ты в отпуске сейчас?

— Вроде того. По словам Волкова, во всяком случае.

— Вот и хорошо. Уезжай. Полови где-нибудь рыбку. Если прихватишь пару лишних дней — ничего страшного. Я Волкова предупрежу. Пару суток на сборы хватит?

— Хватит.

— Вот и ладно. И еще одна просьба, а если хочешь — приказ. Забудь, что с нами работал. При данном развитии дела ты уже больше не понадобишься. И упаси тебя Бог болтать обо всем этом. Ну да я думаю, что ты сам все прекрасно понимаешь.

— Для тебя-то чем все это может кончиться?

— Трудно сказать. Сейчас такая

кутерьма начнется! Короче — сматывайся. И мне спокойнее будет. Да, кстати, вот возьми.

Кравцов достал из внутреннего кармана пиджака конверт и бросил на стол.

— Что это?

— Премия.

— Расписка нужна?

— Нет. Это от Волкова. Пройдет по твоему предприятию. Подоходный налог снимут, не волнуйся, — засмеялся Кравцов.

Он встал, надел кобуру, пиджак.

— Ну, бывай, может, еще увидимся. — Он протянул мне руку.

— Не поминайте лихом.

В прихожей он еще раз взял

меня за руку, сжал крепко, взглянул в глаза.

— Уезжай.

Когда Кравцов ушел, я вскрыл конверт и пересчитал деньги. Н-да, не густо платят статистам в спектаклях спецслужб. Хотя для двух суток работы — вроде бы и прилично, если не знать за что.

Нет, не моя стезя таким способом деньги зарабатывать. Прав Павел Борисович, что-то стал вреден для моего здоровья московский воздух. Пора, пора на крыло. И как можно скорее.

Глава 13

НЕКОТОРЫЕ ВЕЩИ, НЕОБХОДИМЫЕ В ДАЛЬНЕЙ ДОРОГЕ

— Да, отцы, похоже, придется нам слегка жирку спустить! — Гольцев с усилием приподнял тяжелый рюкзак. — Килограммов сорок будет, не меньше.

— Так вертаком же кинут, какие проблемы? — Степаныч беспечно пнул свой «сидор».

— Туда-то кинут. А обратно

доставить могут и позабыть. Ну-ка, Мишка, тащи весы, сколько же у нас получилось в самом деле?

Так, у Гольцева — сорок два, Степаныч — ровно сорок. Мишка — сорок пять, у меня сорок два. И это, не считая стволов! Чего ж мы туда понапихали?

— Патронов половину надо выкинуть. Куда столько? Воевать, что ли, мы собрались? — Степаныч опять распаковал рюкзак, взвешивал на ладони увесистую пачку.

— Ну уж фиг! Что другое — выкидывай, а заряды оставь. Я три дня набивал. Фирменные. Смотри, какая прелесть! — Бахметьев забрал у него пачку, вытряхнул патроны на

диван.

— Вот маньяк! И пару ружей я бы оставил, двух вполне достаточно. — Степаныч неодобрительно покосился на расставленный у стены арсенал.

— Ты спиннинги свои выкидывай! — возмущенно завопил Мишка. — Спортсмен-джентльмен...

— Спиннинги — они легкие, а вот сеть твоя браконьерская...

— Все, брэк! — развел я оппонентов. — Для гор действительно мешки тяжеловаты. Кило по пять — восемь желательно сбросить. Давайте-ка опять по списку пройдемся.

Итак, оружие. Калибры

разномастные, патроны, к сожалению, не взаимозаменяемы.

У Игоря — ИЖ-27, бокфлинт — вертикальная двустволка, 16-й калибр, самая дешевая модификация, без эжекторов и прочих наворотов.

Степаныч — ИЖ-39, тоже вертикалка, тяжелое спортивное ружье для траншейного стенда, с очень узкими чоками, [\[12\]](#) 12-й калибр, эжектор.

Мишка — ИЖ-58–20 «магнум», очень редкая пушка, выпускалась маленькими партиями для экспорта, горизонтальная легкая двустволка, прекрасно сбалансированная, очень прикладистая, 20-й калибр, но патронники длинные, под гильзу 76

мм против стандартных 70 мм, стволы выдерживают давление усиленных зарядов — «магнум», он и есть «магнум»! Оружие профессионала, предмет моей зависти.

У меня — МЦ-20-01, одноствольная магазинка с продольно-скользящим затвором. Тульского завода, только-только в продаже появилась. Часов восемь на Неглинке в очереди отстоял. Внешне на карабин похожа, штатный магазин на два патрона, третий в стволе. Но у знакомого барыги я удлиненный магазин прикупил — на пять зарядов. И прицел отличный — никаких там планок, винтовочная

удлиненная мушка и целик. По всем статьям больше на винтовку походит, чем на дробовик. Ствол, однако, гладкий. Цельнотянутая модель с разработки фирмы «Моссберг». В ихнем каталоге рекламируется как «оружие, незаменимое в дальних экспедициях». 20-й калибр, патронник под стандартную 70 мм гильзу.

Патроны. На каждое ружье семьдесят пять дробовых и двадцать пять пулевых. Многовато, конечно, но что-то никак не хочется этот груз сокращать.

Четыре стандартных заводских охотничьих ножа. Здоровые такие, за семь рублей.

Две легкие маршрутные палатки с дюралевыми установочными комплектами. Вот каркасы, пожалуй, можно и оставить.

Четыре спальных мешка. Дерьмо поролоновое. Сколько ездили, а пуховиками так и не обзавелись. Ну да лучше такие, чем ничего.

Четыре пластиковых альпинистских коврика. Никогда раньше пользоваться не приходилось. Реклама утверждает, что можно на снегу без последствий спать. Поглядим, поглядим...

Четыре комплекта летнего камуфляжа плюс четыре теплые камуфляжные же куртки. Горы все-

таки. На каждого пара десантных ботинок (Степаныч постарался) и резиновые сапоги с высокими «болотными» голенищами.

Два восьмикратных бинокля, один из них с дальномером, два трехбатарейных фонаря.

Две фотокамеры «Зенит-12СД», объективы — 35, 50, 135, 200 мм. Восемь катушек пленки «ORWOCHROM».

Средства ориентировки — два горных компаса с эклиметрами, два стандартных жидкостных, четыре копии генштабовской карты масштаба в 1 см — 2 км.

Двадцатипятиметровая сеть — «двадцатка». Мишкино добро. Туча

каких-то удилищ телескопических, катушек, коробок и коробочек с разной рыболовной дрянью — это хобби Степаныча.

По шесть банок тушенки на каждого, по двадцать пакетов «тошнотиков» — суповых концентратов, сахар, чай, кофе, соль, мука, два литра масла растительного, четыре литра спирта — все с собой из Москвы тащить нужно. Проклятый перестроечный дефицит.

Четыре аптечки — бинты, антисептики, репелленты.

Две десантные лопатки, два небольших топорика.

Плюс котелки, всякие миски-ложки плюс мелочевка из одежды

плюс ветровые спички и блоки сигарет плюс...

И нет ведь ничего второстепенного!

— Рыболовную муру всю надо выкинуть. И сапоги болотные тоже, — сказал Гольцев, еще раз пробуя рюкзак на вес.

— А хариусы? А таймень?! — воскликнул Мишка.

— А Сырокваша? — Это мы со Степанычем хором.

Светлый образ Сырокваши всех примирил. Нет, ничего выкидывать нельзя. Тайга запасливых уважает. В таких местах любая мелочь может очень дорого стоить...

С десятков групп, ожидающих

разброски по точкам, уже несколько суток торчали под легким дождем на обширной таежной поляне, именуемой в обиходе «Старый порт». Небольшие курганчики барахла, упакованного в основном в прочные ящики из-под детонационного шнура, возвышались среди низкорослого кустарника, покрывавшего поляну. Вертаки из-за непогоды летали редко.

Рядом с нашей бригадой гуртовалось несколько новичков — студенты Московского геологоразведочного, впервые в полях. Очень раскованно вели себя ребята, отличались, так сказать, интенсивным поисковым

поведением. Один из них, румяный, толстощекий здоровяк со странной кличкой Самец признался, что сильно скучает по молочным продуктам. Да, Якутия — не Москва, сметану раз в году можно увидеть, да и то не в каждом. После очередной прогулки по опушке он прибежал очень возбужденный:

— Ребята, там в лесу ящиков целый штабель! И на каждом надпись: «Сыр»! Пошли, оприходуем.

Сбегали они под покровом ночи. Вернулись сильно разочарованные.

— Ну где же ваш голландский? Я уже чайку подогрел! — Степаныч с интересом уставился на мародеров.

— Да... мы один ящик.

Оттащили в лес подальше, вскрыли, а сыра-то никакого и нет. Полный ящик сапог резиновых.

— Вернули?

— Да неудобно как-то. Там мужики уже проснулись.

Вертолеты подошли — разлетелись мы по точкам. А через день я принял радиogramму.

«Яма-20 на связи, Яма-20. Сырокваша говорит. Где ж сапоги, мать вашу...! Пятый день в болоте по... сидим! Сколь же можно... мозги! В Старом десять ящиков моих, все фамилией маркированы, неужели... трудно! Борт опять пришел, а сапог...! Не будет сапог, я вас всех вертеть!»

— С такой фамилией поваром надо работать, а не взрывником, — прокомментировал Степаныч этот эмоциональный всплеск в эфире. — Был бы, например, Боня Детонатор, ходил бы в сапогах...

Так что ничего выбрасывать нельзя. Горы горами, а гидросеть очень разветвленная в этом районе. Придется мышцами пошевелить на крутых тропах. Ну да оно и полезно для молодого организма.

Пора разъезжаться всем на ночевку. Четыре высоких горных рюкзака у стены, четыре ствола в чехлах. Завтра — в дорогу.

— Серж, выйдем-ка покурить. — Степаныч достал пачку

сигарет, пошел на кухню.

Свет он не зажег, стоял возле окна, смотрел на темный лесок.

— Ну, чего случилось?

— Слушай, Серж. Должен тебя предупредить. В личном сейфе, в конторе, я оставил письмо с описанием нашего маршрута и целей поездки. Со всеми возможными подробностями. Конверт вскрыют, если мы не вернемся в положенный срок, через месяц.

— А раньше не вскрыют?

— Нет, не должны.

Ну что тут скажешь? Приобрел человек черты, соответствующие цвету погонных просветов.

— Ну и правильно сделал.

— Я рад, что ты так думаешь.

— В три недели должны уложиться. А страховка никогда лишней не бывает.

А вдруг раньше вскроют?

Звонок телефонный.

— Сергей Александрович? Хорошо, что застал. Вчера звонил — не подходил никто.

— Здравия желаю, товарищ майор.

— Ну зачем же так официально. Сергей Александрович, я с вами поговорить хотел. Нет, не по телефону и не очень срочно. Лучше в конце следующей недели. Найдется пара часиков? Вы в отпуск через одиннадцать дней идете, верно? Все

же на Селигер решили? Позвоните мне обязательно в следующую субботу. Нет, нет, домой позвоните. Запишите номерок. Очень, очень нужно поговорить, Сергей Александрович. Ну, всего, всего. До встречи.

Какой дружелюбный голосок! Нет, не увидимся мы с Уколкиным в субботу. Напрасно он моего звонка будет ждать. Похоже, все-таки правильно я сообразил пораньше сорваться. И жену с дочкой на пару недель в Воронеж к деду отдыхать отправил — тоже правильно. Ну, ладно, спать, спать. Завтра очень суматошный день будет.

Глава 14

ДРЕЙФ У ЦЕЛИ

На сей раз вагон был в самом деле купейным, вполне свежим. Соседний с нами СВ целиком занимали английские туристы. Почти непрерывно они снимали на видео неприглядную советскую действительность — горбачевская политика «открытых дверей» переживала момент наивысшего подъема.

Мы вчетвером уютно скоротали дорогу, практически не вылезая из купе, за несколькими бутылками отменного пятизвездочного

«Дербента» — отпускные позволили поддержать скромный бизнес пенсионеров у «высотки» на «Баррикадной».

В Нижнеудинск прибыли поздно ночью. До нужного автобуса было не меньше пяти часов. Светиться на вокзале — центре городской ночной жизни — было опасно по понятным обстоятельствам. Но элементы частного бизнеса зарождались уже и в этой провинциальной глуши. На вокзальной площади ожидали пассажиров несколько частных такси. «Жигули» нам не подходили по причине тяжести груза и плечистости седоков. А вот старенький ГАЗ-69 оказался весьма

кстати. Данный экземпляр этого знаменитого армейского джипа, давно уже снятого с производства, был выкрашен в нелепый для военной машины небесно-голубой цвет. Под стать цветовому оттенку оказался и пронырливый писклявый водитель. Всю дорогу он назойливо щебетал и временами похлопывал сидящего рядом с ним Бахметьева по коленке.

Наконец фары джипа высветили ряд темных бревенчатых домов. Ни одно окно не светило.

— Все, мальчики, приехали. Кирей-Муксут, — пропищал «командир» и окинул Мишку томным взглядом.

Бахметьев брезгливо сунул ему обещанную тридцатку. Мы разгрузили машину и сволокли багаж на поросшую травой обочину. Водитель потоптался возле нас, но, не встретив сочувствия, вернулся к машине и, запустив движок, исчез в ночи. Мишка плюнул вслед погружающимся в темноту рубиновым габаритным фонарикам.

— И откуда берутся такие недоделки? — Бахметьев присел на рюкзак, закурил.

— От сырости, Миша, от сырости. Я же говорил, Нижнеудинск этот — гнилой городишко. — Гольцев потянулся, с хрустом размял мощные плечи. — Подвеска у

«козла» дубовая, всю задницу отбил.

— Это ж спецмашина. Так и задумано. Для рекламы последующих услуг. Мог бы пополнить опыт. Тофаларку ты уже сподобился, теперь надо тофалара... Черт, где же фонарь! — Степаныч шарил в недрах рюкзака.

— Пошел ты... Это и не тофалар совсем, цыган какой-то. Серж, однако на ночевку куда-то нужно пристраиваться. Куда пойдём?

— Не знаю, спят везде.

— Подумаешь, спят. Стучать будем, шутка будэм дэлать! — неожиданно перешел на кавказский акцент Мишка.

— Ты постреляй еще.

Пока шел этот треп, я выбрал из десятка мощных срубов самый здоровый. По прежнему опыту я знал, что Соколов имел весьма специфический талант полевика и во всех невообразимых местах, куда закидывала его профессия, устраивался с максимально возможным комфортом. Вероятнее всего, его орлы захватили дом побольше и поновее. Здесь и следовало «шутка сдэлать».

Пятнадцатиминутный долбеж в массивную дощатую дверь привел к требуемому результату. Послышались шаркающие шаги, и, с одновременным характерным щелчком затвора, знакомый голос

сонно рявкнул:

— Кого черт принес?

— Свои, Витя, свои. Отворяй хоромы.

Дверь со скрипом открылась, на пороге показалась высокая фигура в чем мать родила, но с карабином в руках. Обросшее рыжей бородой лицо растянулось в приветливой улыбке.

— О! Какой состав, какие люди! — Бородач сделал рукой приглашающий жест и отступил в темноту коридора.

— Ты, Витя, теперь всегда так одеваешься или только в полнолуние? — Степаныч волоком потащил рюкзак в избу.

— Степаныч! Пять студенток сейчас в партии, такого сезона и не упомяну!

— А карабин-то зачем?

— Необходимый ныне сексуальный аксессуар. Тайга сильно горит. Под Тулуном пожар зону захватил, зэки разбежались. Дней пять назад передали. Э, э! Туда нельзя! Там практикантки!

— Все пять?

— Две. Остальные у Карманова. По коридору вправо тащи, там еще одна комната есть. Ну, ладно, утро вечера мудренее, ложитесь, там места много. Я пойду. До завтра!

— Лекцию докончишь?

— Докончу, dokonчу. Гуд-бай!

Засыпая под музыкальный мерный скрип половиц, доносящийся из комнаты Соколова, я услышал, как Мишка завистливым тоном заметил Гольцеву:

— Вот видишь, Игорь, и нормальные люди здесь живут.

— Это приезжие, — нашелся Гольцев и сонно добавил: — Они куда приезжают, везде так нормально и живут.

Наутро выяснилось, что лесные пожары сильно осложняют нашу задачу. Вертолетов у партии не было. Все забрали пожарники — экстренный случай. На нет и суда нет — пешком в горы не побежишь. Оставалось ждать.

Ждать было приятно. Днем мы бродили по рукавам речки, текущей в окрестностях поселка, ловили мелких хариусов на мушку на перекатах. Вечерами теплая компания, состоящая из руководства партии, практиканток и нашего ударного отряда, отводила душу за чистейшим медицинским ректификатом под малосольную рыбку ценных пород и шашлык из пожилого лося.

Так прошло три дня. На четвертый у меня состоялся разговор тет-а-тет с Соколовым. Я счел возможным откровенно изложить ему цель нашей экспедиции. Мое положение требовало открыть карты.

Просьба нижайшая была.

— По времени такая раскладка, Витя. Забросишь нас вот сюда, в устье Катышного. — Я показал место на карте, отмеченное красной точкой. — За два дня мы там разберемся, что к чему. Потом двинем через Мурхойский хребет в Верхнюю Гутару. На маршруте ребята поохотятся между делом, оттянутся чуток. На переход я кладу пять суток. Значит, через неделю дай борт в Гутару. Если нас не будет, подожди полсутки. Не дожدهшься — улетай, мы на рейсовом уйдем. Но лучше — на твоём. Сам понимаешь, чем черт не шутит, а вдруг — удача? Твои — двадцать процентов.

— Карта хорошая, совсем свежачок. Мои постарше будут, — заметил Виктор и добавил равнодушно: — Не верю я в эту твою авантюру.

— Сам не верю. Но ты же знаешь, что иногда самый невероятный проект сбывается.

— На итальянский репортаж намекаешь? — Одним движением пальца Виктор набил табаком свою короткую пенковую трубку.

— Не только. В этом мире все возможно, пока живой.

— Вот именно, пока живой. На Бирюсе думаешь кого-нибудь встретить?

— Скорее всего — нет. А ты что-

нибуть знаешь про эти места?

Виктор пожал плечами, выпустил облачко ароматного дыма изо рта.

— Не наш район. Да туда и не летает вроде бы никто. Из пилотов местного порта, каких я знаю, никто не летает. Чего там делать? Правда, есть один экипаж, спецрейсы обслуживает на заказ. Пожилые мужики, замкнуто держатся. Вот с ними дела не имел.

— Что за спецрейсы?

— Не знаю толком. Какая-то фирма дает заявку на триста часов ежегодно. Последнее время платят наличными, летунам выгодно, все довольны. Летают только с этим

экипажем, а куда — вопрос.

— Нас-то когда отправишь?

— Сегодня вечером борт у нас в поселке сядет. Пожарники. Летнабы. Ночевать будут. Знакомые парни. Надо встретить соответственно. Этим бортом, может быть, и полетите. Им-то что лишний крюк? Даже полезно — посмотрят, не горит ли там, на Бирюсе. Так что готовьтесь на утро.

— Да мы в постоянной...

От беседы нас отвлек сильный стук в окно.

— Ну что там еще? — Виктор распахнул ставни.

— Виктор Семенович! — Голос молодого лохматого бичары дрожал

от волнения. — Москвич, приезжий, гость ваш, Лемеша развязал! Местные в панике. Скандал!

Виктор крепко выругался.

— Опять полдня ловить эту сволочь! Пристрелить разве, да жалко — умный, гад, поразительно. Местная знаменитость. Ну чего стоишь? — прикрикнул Соколов на бича. — Собирай народ — и на отлов! Быстро!

— Что случилось-то? — Я ничего не понимал.

— Да козел проклятый, Лемешем зовут. От Лемешева, значит, за редкой силы голос. Тенор — будь здоров. Хитер как черт. Очень опасная зверюга!

— Ты серьезно, что ли? Из-за козла такой шмон?

— А ты не смейся. Ночью проходу не будет. Он черный как сатана и с телка размером. В темноте его не видать. Идешь по улице — как врежет с разбегу. Удар — как у грузовика. Это его любимое занятие. Или рыболов с удочкой стоит вон там, у обрыва, за поплавком наблюдает, так этот змей чуть ли не по-пластунски через кусты подкрадывается. Это я сам видел, как он деда Артема в Уду отправил. Дед барахтается внизу, а Лемеш на обрыве стоит, башку рогатую набок и поет довольно. Или бабы из местных стирают на речке — для него самая

охота. Такой мерзавец! А вон, поймали, можешь поглядеть!

Я выглянул в окно. Человек шесть окружили огромного бурого козла. На шею его была наброшена веревочная петля и правая передняя нога притянута к этому ошейнику. Сей пожилой представитель козлиного племени покорно ковылял на трех копытах за тащившими его людьми.

Проходя мимо нашего окна, он посмотрел на меня своими бешеными желтыми, с удивительными зрачками глазами и, горестно мотнув головой в сторону связанной ноги, сокрушенно сказал:

— М-е-е-е-е...

В комнату ввалился Мишка.

— Во, видали антилопу? Ну и зверь!

— Ты, что ли, развязал?

— Ага! Я же не знал! За хлебом ходил, смотрю у магазина козлице этот стоит. Глаза такие умные. А нога привязана. Я думал, пацаны над животным издеваются. Подошел, а он ногу протягивает! Честное слово! Я фонарь достал — чик! — и готово. Он заорал благодарно — и драла! Тут старпер какой-то из-за угла вывернулся. Мой козел разгоняется, как «Феррари», и — р-р-р-аз! С тыла зашел. Дед метров пять порхал, ей-богу! Потом мне бичи сказали...

— Ладно, ты, Гринпис. Утром,

может быть, летим.

— Давно пора. От спирта не осталось почти ничего.

Летнабовский борт прибыл часов в десять вечера.

Уже смеркалось. Соколов привез на партийном джипе прилетевших на вертолете людей. Как раз к ужину. По случаю важности предстоящей беседы стол отличался красивой сервировкой. Студентки постарались.

Три последние наши бутылки «Дербента» красовались в центре, в окружении тарелок с розоватым соленым хариусом. Коньячную батарею подкрепляла солидных размеров химическая посуда с

пятидесятипроцентным раствором спирта, настоящего на прошлогодней клюковке. Жаркое из седла подстреленной прошлой ночью Бахметьевым на острове косули источало восхитительный грубоватый резкий аромат. На костре жарили, охотничья классика. Натюрморт завершали блюда с солеными грибами, украшенные маринованной черемшой.

Стол окружала стая щетинистых хриплых бродяг в хаки, с длинными ножами у пояса, и группка очаровательных, несколько вызывающе одетых девиц. Пара керосиновых ламп бросала красноватые отблески на беленые

стены, на висевшую на окне вместо шторы только что снятую шкуру косули со сгустками крови вокруг пулевого отверстия, на вороненные стволы оружия, небрежно поставленного в угол комнаты. Вошли гости, можно было начинать банкет.

Приветственные возгласы, перезвон наполняемой посуды слились во вполне праздничный гул. Вошедший последним плечистый лоб быстрым, незаметным движением вынул тонкий длинный нож и, подцепив приличный ломтик соленой рыбы, виртуозно забросил его в рот. Еще не разглядев в полумраке лица, по одному этому

отточенному жесту я узнал его.

— Славка! Бармалей! Ну надо же! — Степаныч, опередив меня, потянулся со стаканом к гостю.

Да, это был Вячеслав Тюхтин, по прозвищу Бармалей, известнейший взрывник Иреляхской экспедиции. Кличка как нельзя лучше соответствовала его внешнему, да и внутреннему облику.

Впервые я увидел эту знаменитость на взрывпункте, расположенном в верховьях пустынной, очень рыбной речки Марха, притоке Вилюя. С этой точкой уже трое суток не было связи, и меня с запасной рацией забросили на пару дней для прояснения

обстановки. Полетел на два дня, а вернулся месяца через полтора — гримасы полевой авиации.

...Вертолет сел на узкую косу небольшого островка, расположенного в центре широкого быстрого потока. Схватив в охапку полевую станцию «Гроза», спальник и одностволку, я спрыгнул на разноцветную гальку.

— За островом слева брод! Вон там, где елка сломанная! — перекрывая шум двигателя, прокричал механик. — От елки двести метров вверх — найдешь лагерь. Ближе нам нигде не сесть. Ну, бывай!

Придерживая берет, я присел.

Вертолет рванул вверх, потоки воздуха закрутили маленькие смерчки на воде.

Перейдя через рукав речки, я углубился в заросли тальника. Внезапно раздался треск, как будто через кустарник продирался матерый лось, и мне навстречу вывалилась странная фигура.

Человек был облачен в плащ-палатку старого образца, прожженную на полах. В руках он держал длинную трехлинейную пехотную винтовку. С лица, почти сплошь покрытого седым жестким волосом, из-под кустистых бровей на меня с подозрением взирали хитрые, внимательные глаза. На голове

красовалась явно женская шапка из грязных розовых перьев, лихо заломленная назад на манер папахи. Все в целом напоминало персонаж из боевика о лихих временах батьки Махно и Петлюры. «Ну и Бармалей!» — сразу пронеслось в голове.

— Бармалей! — представилась фигура, протянув мне непомерной величины жесткую длань.

Довольно теплые отношения сложились у меня с этим мужиком. В сущности, могу смело считать его первым учителем в школе выживания в тайге. Так сказать, мой якутский Яцек Палкевич. Хотя последний вряд ли до Бармалея дотянет. Озера в тайге взрывать, по десятку за сезон,

это не рекламная экспедиция для Сенкевичевой телепередачи.

В тот раз под руководством Бармалея мы аж шесть тонн зарядили. Самый крупный взрыв был в сезоне. Взрывчатку в озеро закладывают, чтобы шурфы не бурить — мерзлота все-таки, да и буровую вертолетом таскать накладно. А озеро — самое милое дело, и яма готова, и вода — естественный рефлектор, энергию взрыва вниз, в землю направляет. В радиусе около сотни километров от эпицентра сейсмостанции полевые по тайге разбросаны, принимают информацию, которую несет ударная волна. Пару алмазных трубок

обнаружила наша шарага таким способом в том году. Премия была — полгода в Москве потратить не мог! А карасей сколько было в этих озерах! После взрыва вся поверхность воды как зеркало — все карасями покрыто сплошь! Огромные серебристые рыбыны, в европейской части страны таких не увидишь!

Когда этот шеститонник рвали, поразился я Бармалеевой выдержке. Залегли мы метрах в двухстах от берега. По вырубке озеро хорошо просматривается. Уже сигнал пошел по рации, уже я палец к кнопке приложил. И вдруг откуда ни возьмись выезжает на берег якут на

лошади. Мелкая, мохнатая такая коняга. А до взрыва секунд десять остается. По правде говоря, если инструкциям соответствующим следовать, мы должны были вокруг взрывпункта флажки, таблички всякие развесить. Череп с костями и надпись: «Осторожно! Идут взрывные работы!» Но какой же придурок по болоту будет лазить с табличками, если точно известно, что ближайший поселок примерно верстах в ста пятидесяти от нас находится?

Откуда ковбой этот раскосый взялся на нашу голову — неразрешимая загадка. Переглянулись мы с Бармалеем. Что

делать? Если срок пропустим — вся работа насмарку. Методика синхронности требует. С нами еще штук десять взрывпунктов по всей Северной Якутии одновременно работают. Нет синхронности — прощай премия! Да и что такое — отдельно взятый якут по сравнению с трудовым подарком любимой Родине? В виде шеститонного взрыва. Но это я так рассуждал. Что в голове Бармалея творилось под розовой папхой — неизвестно. Но ответственность была на нем. Он начальник.

— Ну и... с ним, с якутом! — в последнюю секунду прозвучало руководящее резюме, и я с легкой

душой нажал на кнопку взрывной машинки.

Ох и красивый был фонтан! Хрустальное осеннее утро, тишина, тайга красно-желтая, небо голубое. И на этом идиллическом фоне — такой фейерверк! Метров на триста вверх все озеро выбросило. Огонь, грохот, дым, пена, пар. Волна взрывная нас догнала, вдавила в мох. Когда гул в ушах поутих слегка, бегом бросились на берег. Картина фантастическая открылась. Вместо озера — геометрически круглый котлован, наполненный каким-то полужидким дерьмом с хлопьями желтой пены сверху. У нашего берега кто-то барахтается. Откопали — конь!

Стоять бедняга не может, нелады с вестибулярным аппаратом, оттащили мы его на твердую поверхность. Смотрим — у противоположного берега, метров за пятьдесят, тоже кто-то копошится. Никак всадник. Тоже пока не ходок. Приволокли обоих в лагерь.

Дней пять без перерыва этот незадачливый Мальборо кушал экспедиционный спирт, запивая брагой на польских сухих дрожжах. Больше ничего не желал употреблять. На шестые сутки взгромоздился на своего волосатого Буцефала и покинул нашу гостеприимную точку весьма довольный. Без претензий. Но с впечатлениями яркими. На всю

оставшуюся жизнь...

Под самодел с клюковкой потешили мы с Бармалеем публику этим рассказом. В лицах представили. А чуть позже, когда пожарники и экипаж уже на девицах повисли и не до воспоминаний стало, я вытащил Славку на улицу, освежиться. Оба мы были в норме, я — потому что пил мало в этот раз, а Бармалею литр первача — как слону дробина. На воспоминания я его недаром раскрутил, нужен он мне был обмякший, в ностальгию по старым временам погруженный.

— Слав, ты сейчас здесь чем займешься?

— «Индюка» стрельнем, потом

в Иркутск полечу.

— «Индюк»-то крупный?

— Не, десять мешков всего.

Триста шестьдесят кило.

— Слушай, Слав, дай мне пару шашек. И детонатор хотя бы один.

Бармалей пристроился у забора для исполнения физиологического долга, помолчал, пожурчал, посопел.

— На хрена тебе?

— Дело у меня в горах. Возможно, дырку надо будет прокопать. Тротил — не лопата.

— Это уж точно. Серега, тебе отказать не могу. Но пару — это чересчур. Они ж по девять кило. С рефлекторами, негабариты колоть. Дам одну и электродетонатор,

провода и батарею сам найдешь. Только смотри, не подставь меня! — Толстый указательный палец, перевязанный по порезу черной изолентой, внушительно закачался перед моим носом.

— Могила, Бармалей!

— То-то. Как пользоваться — не забыл? Ну, пойдем.

Вернувшись на банкет с тротиловой шашкой, аккуратно завернутой в старый номер «Советской России», я застал уже полный эндшпиль.

Усатый пожарник, ухватив двух полураздетых студенток, с жаром рассказывал, как он с пикирующего вертолета пытался набросить аркан

на удирающего медведя. Пару часов назад он, помнится, скромно рассматривал страшную зверюгу в бинокль. С другого конца стола повизгивающий хор затянул:

Рабинович стрельнул,
Стрельнул — промахнулся
И попал немножечко в
меня!

Засунув взрывчатку за печку, я покинул банкетный зал. Ночлег следовало искать в другом месте. Под мерцающими крупными звездами я побрел к дому Карманова.

Я лежу в больнице с

дробом в ягодице,
Рабинович — пьяная
свинья!...

Популярная песенка гулко
разносилась по притихшему поселку.
Похоже, что консенсус с борцами с
огненной стихией был достигнут.
Оставалось надеяться, что студентки
до утра укрепят их в чувстве
благодарности.

Завтра — полет.

Глава 15

КАПКАН

Отдыхалось мне плохо. Банкет перешел в стадию безобразия, и до самого рассвета на улице громыхали выстрелы из ракетниц. Разноцветные ракеты с шипением летали по всем направлениям, и мое окно то и дело озарялось колеблющимся призрачным светом всевозможных оттенков.

Только когда ночь сменилась серым, мутным рассветом, все успокоилось и на пару часов я провалился в неглубокий, тревожный сон. Разбудил меня Мишка

Бахметьев. С трудом продрав глаза, я внимательно рассмотрел компаньона. Против ожидания, никаких признаков похмельного синдрома не было заметно. Наоборот, он был на удивление свеж и полностью экипирован.

— Как самочувствие, Миша?

— В порядке. Давай одевайся, мы все твое барахло сюда перенесли. Кофейку горячего хлебни. Через час — погрузка.

— Как там наши?

Вместо ответа Бахметьев указал пальцем в окно. Я выглянул.

Остальные члены команды покуривали на штабеле бревен рядом с избой. Увидев меня, Гольцев

привстал и четко отдал честь, подбросив правую ладонь к камуфляжной кепке. Надо же, сам Игорек в порядке! Не ожидал, не ожидал.

— Как ночку провели?

— Спали. Степаныч сарай с сеном нашел в конце улицы, на сеновале и спали.

— А студентки как же?

— Брось ты, Серж! Дело-то серьезное.

— А пожарники?

— Дрова! — коротко охарактеризовал Мишка состояние наших благодетелей и добавил: — Давай освежись, я водички из колодца принес.

Мысленно похвалив себя за правильный подбор кадров, я погрузил тяжелую голову в ведро. Ледяная вода мигом растворила липкие остатки сна. Обжегшись крепчайшим кофе, я вышел на крыльцо. Денек выдался на славу!

Ни одного облачка, тайга вокруг вся в сочной, густой зелени. В ярком свете утреннего солнца даже полуразвалившийся поселок казался привлекательным, романтичным. На траве серебрились крупные капли росы. Чудесное утро вызвало прилив сил, и я без особого труда взвалил на плечи тяжелый рюкзак.

— Чувствуешь, как потяжелел? — Степаныч похлопал

по моему грузу.

— Кирпич, что ли, засунули, добряки?

— Нет. Подарок Бармалея. Что ж ты его за печку сунул? Надо было прямо в топку. И вертолет был бы ни к чему — своим бы ходом на небеса отправились, налегке.

Эх, черт! Я и запамятовал.

— И детонатор там? — Я опасливо покосился через плечо.

— Карандашик у меня. — Степаныч похлопал по нагрудному карману. — Вообще, правильно взял кабанчика. С земляными работами проблем не будет.

Смотри-ка, серьезно настроились парни! Шутки шутками,

а вдруг и есть твердый осадок в кабацкой легенде? Тяжелый такой осадок, желтого цвета.

Вертолет стоял на окраине поселка, на небольшом некошеном поле. Экипаж вяло суетился у машины. Эти явно недоспали.

Не успели мы закинуть наш багаж в объемистое нутро МИ-8, как на краю поля показалась странная процессия.

Впереди шагал Бармалей, подхватив под мышки двух вяло передвигающих ноги пожарников. Третьего укротителя огня бережно несли Виктор с Кармановым. Всю эту инвалидную команду сопровождала пятерка бодрых,

хорошо вооруженных бичей.

Когда почти бесчувственные тела хозяев вертолета были аккуратно подняты на борт, Виктор объяснил наличие кортежа.

— Закинете моих ребят на Барбитай. Это почти по дороге. Пока вас до Бирюсы доставят, пока выгрузят и обратно — часа три пройдет. А на Барбитае хариус исключительный! А может быть, и с рогами что-нибудь ребята добудут.

— Виктор, уговор наш в силе?

— Да, через неделю жду вас в Гутаре. Но, сам понимаешь, гарантировать ничего не могу. Причин для срыва выше крыши.

— Ты уж постарайся.

Вместо ответа он протянул мне руку. Винты уже закрутились, и рев турбин положил конец нашей прощальной беседе. Хлопнув Соколова по плечу, я вскочил в подрагивающую машину. Механик поднял трап и захлопнул дверцу.

Вертолет плавно оторвался от земли, обдав провожающих сильным потоком теплого воздуха. С Бармалея сорвало шапку, и он помчался за ней по полю, смешно размахивая руками.

Машина, быстро набирая высоту, описывала круг над поселком. Через несколько секунд я уже потерял из виду маленькие фигурки. Внизу блеснула лента реки. Держась вдоль русла, борт поплыл к синим горам,

медленно вырастающим из дымки на горизонте.

До Барбитая полет проходил гладко, если не считать злоключений несчастных летнабов. Запах авиационного керосина, густо шедший из дополнительного бака, смонтированного прямо в салоне, в сочетании с мелкой тошнотворной вибрацией придал их зеленоватым лицам выражение, о котором может только мечтать художник, взявшийся за сюжет типа «Муки святого Себастьяна». Пришлось скормить бедолагам половину нашего небогатого НЗ. Хотя и без клюковки, но делу помогло.

Барбитай оказался мощной,

стремительной рекой, буквально кипящей на частых перекатах среди поросших хвойным лесом скал. Вертолет приземлился на узкую полосу прибрежной гальки, и бичи, на ходу расчехляя браконьерские орудия, с радостным гуканьем посыпались наружу.

— Эй, парни! — крикнул им вслед пилот. — Больных возьмите! Положите где-нибудь в теньке, пусть отойдут, сейчас в горы забираться будем, тряска пойдет, они мне весь салон... У вас три часа есть, далеко не уходите.

Вертолет вновь взлетел. Теперь функции штурмана перешли ко мне. Встав у раскрытой двери в кабину, я

протянул командиру свою карту. Красным карандашом было отмечено место посадки. Сверившись со своим планшетом, пилот кивнул. В резком вираже машина оставила красивую речку за кормой и упрямо поползла вверх, к перевалу.

Здесь леса уже почти не было, кругом голый красновато-коричневый камень. Острые пики, глубокие, темные пропасти. Пустынное, мрачное место.

Пилот тронул меня за локоть, ткнул пальцем вниз. Через нижний сектор фонаря кабины я разглядел на дне глубокого цирка, образованного почти отвесными скалами, кучку разноцветных обломков. Кто, когда,

что за самолет? Рев мотора не располагал к выяснению подробностей.

За хребтом нас ждала нерадостная картина. Огромное, насколько хватает глаз, пространство было покрыто сплошным серебристым ковром густой облачности. Пилот огорченно посмотрел на меня.

— До Бирюсы дойдем, а как с посадкой, не знаю! — прокричал он. — Если облачность низкая — ничего не получится!

Я только зубами заскрипел. Так готовиться, столько ждать — и вот, пожалуйста, поворачивай оглобли!

Час прошел в томительном

ожидании. Вертолет уже шел в плотной каше облаков. Ни одного просвета не видать!

— Бирюса под нами! — крикнул пилот. — Если сейчас окна не будет, возвращаемся!

Я оглянулся. Ребята беспокойно ерзали на скамейках, смотрели то на нас, то в боковые блистеры, за которыми проносились причудливые хлопья серых, похожих на грязную вату облаков. Тронув пилота за плечо, я умоляюще сложил руки на груди. Недовольно покачав головой, он медленным движением послал ручку от себя. Облака, несущиеся навстречу, стали светлеть, светлеть, становились все прозрачнее — и

наконец-то! Машина вывалилась в разрыв.

— Повезло! — крикнул пилот с видимым облегчением.

Резко развернув машину, он погнал ее вдоль реки, очень близко к земле, мастерски вписываясь в крутые повороты русла. На такой небольшой высоте скорость казалась бешеной, и местность внизу трудно было рассмотреть — она сливалась в однообразный коричневозеленый фон.

И все же те отдельные картины, которые мне удавалось выхватить взглядом, вызывали изумление. Такую искаленную реку я видел лишь однажды. Это была река Ирелях

— ложе алмазных россыпей, протекающая рядом с самым большим алмазным карьером — трубкой Мира и жутко изрытая драгами.

Здесь наблюдалась такая же картина — многочисленные отвалы породы превратили русло в фантастическое сплетение сточных канав, в которых бурлила жидкость, мало напоминающая хрустальные струи горной реки. Других следов пребывания человека пока не просматривалось.

— Устье Катышного! — закричал пилот, показывая рукой вниз.

— Садись вон там. — Я показал

ему на небольшой, абсолютно лысый пригорок.

Вертолет стремительно провалился вниз и завис в метре от земли. Через минуту рюкзаки и оружие в чехлах были выброшены на грунт, мы выскочили следом. Улыбающийся командир махнул рукой на прощание, люк захлопнулся, и вертолет с ревом ушел в небо, пробил облачность и исчез, оставив надолго в наших ушах пронзительный комариный писк.

Мы прибыли на место.

Пока ребята расчехляли и собирали ружья, я осмотрелся. Ручей Катышный тек в двух шагах, вода в нем была какого-то грязно-серого

цвета. Саму Бирюсу отсюда не было видно, ее скрывал невысокий каменистый холм, поросший редким кустарником, вероятно старый отвал золотоносной породы.

Никаких построек, развалин, фундаментов или чего-нибудь подобного не было видно. Стояла приветливая тишина, и даже солнце выглянуло на несколько секунд, проткнув лучами низкие облака.

— Ну что, парни! Надо бы разведать, что к чему. Мишка с Игорем вверх по ручью, а мы со Степанычем вниз, на Бирюсу. Через час снова здесь встретимся, — отдал я распоряжение.

Мишка с удовольствием

огляделся, разломил свой «магнум» и вставил в патронники пулевые патроны с гильзами, маркированными красным лаком.

— Шашлык сегодня кушать будем. — Он бодро закинул двустволку на плечо.

— Пока стрелять не надо. Еще не известно, кто здесь может крутиться. — Степаныч тревожно озирался кругом.

— Да брось ты! Тишина мертвая вокруг. Да и когда летели, ничего не было видно. Ну, пошли, стрелок. — Гольцев закинул рюкзак на плечо и двинулся к заросшему мелкой сосной распадку.

Мишка, поигрывая стволом,

тронулся следом.

Перевалив через холм, мы со Степанычем вышли к Бирюсе. Не спеша двинули вверх по течению. Тихо, пусто, только вода шумит монотонно. А все же неуютно здесь, даже страшновато, пожалуй. То ли река эта измордованная такое впечатление создает, то ли тишина слишком уж полная. Место дикое, а звуков в лесу никаких.

— Степаныч, а птиц-то не слышать совсем!

— Вертолет распугал, наверное.

— Может, и вертолет.

Э, да и Степанычу тоже не по себе. Ну, ладно, за поворот заглянем — и назад. Может быть, ребята что

интересное увидят.

За поворотом ландшафт не изменился. Те же безобразные нагромождения старых отвалов, та же угрюмая темная тайга вокруг. Присели мы на здоровенный валун, покурили. Ну, пора и в обратный путь. Лагерь на Катышном надо ставить, обедом заняться не грех.

— Стоять! — Резкий окрик ударил как выстрел в спину.

Очень неожиданно прозвучало, я даже рюкзак выронил. Обернулись мы.

Два парня лет по двадцать пять. Здоровые лоси.

Джинсы, джинсовые куртки, бейсболки. Из-под бейсболок глядят

на нас холодные, злые глаза. Лица выбриты тщательно, стрижки короткие. Ботинки горные желтой кожи, импортные. Красивые ботинки.

И два «Калашникова». Аккурат на наши животы наведены.

— Э, парни! Послушайте, мы... — Степаныч шагнул вперед.

Тресь! Короткая очередь воткнулась в гальку у наших ног. Одна пуля, зацепив гранитный валун, на котором мы только что сидели, с пронзительным визгом срикошетила куда-то в реку. У Степаныча челюсть отвисла чуть ли не до пупа.

— Оружие снять, положить на землю. По одному. Сначала ты. —

Ствол автомата заглянул мне в лицо.

Медленно и плавненько снял я свою «двадцатку», аккуратно положил на гальку.

— Теперь ты. — Ствол переместился на лицо Степаныча.

Тот челюсть захлопнул, резко сбросил вертикалку с плеча.

— На колени оба! Руки за голову, ноги скрестить!

То один командует, то другой. Который же старший? Поза, нам столь любезно предложенная, крайне неудобна. Да, парни с охранной службой не понаслышке знакомы. Ствол автомата сзади в шею уперся. Ладони профессионально прошлись по телу. Так, нож тю-тю! А

документы не взял. Уже легче. На какое-то продолжение можно рассчитывать. А то вода мутная, быстрая — вон она, рядом.

Стоим на коленках, отдыхаем. Один мордоворот пушки наши поднял, за камень поставил. Другой сзади навис, сопение слышно, щелчки какие-то, треск, посвистывание.

— База, я Третий, как слышно, прием?

Слышит база, слышит, что-то гавкнула в ответ.

Сигнал громкий, значит, недалеко отсюда эта база.

— Машину и трех людей на мой участок. Гости здесь. Двое.

Н-да, не «здесь гости», а «гости здесь». Существенная разница. Похоже, ждали. Вот только кого? Неужели нас, грешных?

Не прошло и четверти часа, как шум мотора донесся из-за сопки. Мощный трехосный бортовой «Урал», все мосты ведущие, прямо по реке, по отвалам, поднимая фонтаны сверкающих брызг в протоках, быстро двигался к нам. Ни номеров, ни каких-либо других опознавательных знаков на машине не было.

Из кабины вылез пожилой очкастый бородач в длинном черно-белом свитере, который оттопыривала внушительных

размеров кобура, и средних лет
блондинистый крепун с легким
охотничьим карабином. Водитель
остался за баранкой.

Один из наших сторожей подвел
к нам бородатого, подобострастно
поддерживая за локоть. Бородач
внимательно осмотрел наши
горестные фигуры.

— Вот этот похож, — низким,
глухим голосом сказал он блондину,
указывая на меня пальцем.

— Вы не ошиблись? Может... —
начал я.

— Молчать! — Ствол автомата
больно ткнул в позвоночник.

— Другие слова знаешь? —
раздраженно кинул я ретивому

охраннику.

— Заткнись!

Черт, больно как! А не богатый лексикон у мерзавца.

— В машину их! — скомандовал бородатый.

И то, давно уже пора, коленки онемели совсем.

В кузове нас посадили спиной к кабине. Блондин с бородатым и одним из охранников сели напротив, у заднего борта. Стволы на коленях лежат, в нашу сторону направлены. Прокол, пожалуй. Если так стрелять, можно и водилу в кабине зацепить. Хотя ясно, мы дергаться не будем. Ручонки связаны за спиной, сценку из боевика не очень-то разыграешь.

Хорошо вяжут, собаки! Не наручники — ремешок узенький, а руками даже не пошевелишь.

Проехали километра три-четыре. Ух какое оживление в заброшенных краях! Ошибочка вышла у генштабовских мудрецов. И, как я замечаю, дорого эта ошибочка может нам обойтись!

От первого монитора совсем рядом мы проехали, хорошо было все видно. Мощнейшая струя воды, ломом не перешибешь, размывала породу, превращала ее в бурый вязкий кисель. Поток этой жижи бодро стекал в длинные колоды золотоуловителей.

Недалеко от монитора деловито

возились два желтых бульдозера, подготавливая следующую площадку. Вон вторая установка, третья, пятая...

Вид работающей техники меня несколько успокоил. Ну что ж, попали на прииск, конечно, территория охраняется. Сейчас к начальству отвезут, там все прояснится.

Кое-что, однако, прояснилось скорее, чем я ожидал.

Пройдя участок русла, насыщенный золотодобывающими установками, грузовик въехал на небольшое плато. Три или четыре узеньких ручья из близко расположенных распадков стекали с

левого берега в Бирюсу. У ручьев с лопатами и лотками суенилось два десятка смуглолицых, темноволосых людей, одетых в рваное тряпье. По периметру плато прохаживались несколько вооруженных автоматами охранников, сильно смахивающих на уже знакомых нам молодых хватов. У дальнего ручья стоял крытый брезентом «Урал».

Шум мотора нашей машины привлек внимание людей на плато. Один из охранников повернулся в нашу сторону и приветственно помахал рукой. Внезапно работающий рядом человек ударил его черенком лопаты в живот. Охранник согнулся, не выпустив,

однако, оружия. Ударом ноги в лицо черноволосый опрокинул охранника на землю и попытался выдернуть из-под него автомат. Это ему не удалось, видимо, охранник держал ствол крепко. Тогда черноволосый побежал вверх по плато, вероятно стремясь достичь границы леса. Две очереди, пущенные под разным углом, прекратили его бег. Стреляли двое, стреляли очень точно, учитывая темп движения мишени и приличное расстояние.

Бедняга рухнул сразу как подкошенный, под первыми же выстрелами, и лежал без движения. Избитый охранник подошел к нему, ногой перевернул тело и выстрелил

одиноким в лицо. Остальные шлиховщики молча, стоя в напряженных позах, наблюдали за происходящим.

Плато давно скрылось за поворотом, а я все никак не мог прийти в себя. Как будто нелепый, кошмарный сон пронесся перед глазами. Степаныч сидел бледный, подбородок его подрагивал, капли пота выступили на лбу.

На наших спутников инцидент особого впечатления не произвел. Блондин равнодушно закурил сигарету. Борода, казалось, вообще не взглянул на происходящее. Мы же со Степанычем, напротив, представляли для него явный интерес.

Внимательные карие глаза из-за толстых затемненных стекол очков в черной металлической оправе липко ощупывали наши лица.

Еще полчаса пути — и машина вкатила в небольшой, состоящий всего из пяти-шести домов поселок. Судя по всему, это был Покровский.

Глава 16

ОТКРОВЕННОСТЬ

ЗА

ОТКРОВЕННОСТЬ

Грузовик остановился у большого, длинного сооружения барачного типа, расположенного в центре поселка. Бородатый с кряхтением вылез из кузова и зашел в дом. Похоже, у нас появилась пара минут, чтобы оглядеться.

Поселок располагался на ровной каменистой поляне. Над домами нависала высокая сопка, поросшая

редким лесом, увенчанная двумя живописными скалами — останцами. Бирюса, или, точнее, то, что от нее осталось, протекала метрах в трехстах от поселка.

Дома поселка образовывали маленькую улицу, в торце которой находилось здание, обнесенное глухим забором, — единственное огороженное строение. Чердачное окно его, обрамленное небольшими перилами — нечто вроде микробалкончика, было приоткрыто, из него на улицу выглядывал ствол пулемета. Судя по раструбу пламегасителя — дегтяревский ручник. Стрелка, обслуживающего этот музейный экспонат, не было

видно в темноте чердака, но он явно наблюдал за происходящим — ствол время от времени перемещался на небольшой угол и наконец замер на траектории, проходившей, как мне показалось, через мою переносицу. Удручающе безрадостная картина.

Возле дома, что находился напротив барака, я углядел интересной формы антенну. Конструкция была мне незнакома — квадрат из серебристого металла со стороной примерно полтора метра содержал пару десятков каких-то ячеек с торчащими из них пирамидками резонаторов. Антенна располагалась на невысокой мачте и время от времени слегка меняла

горизонтальный и вертикальный углы. Сервомоторы, обеспечивающие эти колебания, находились у основания мачты и работали почти бесшумно.

Кроме этого радиотехнического чуда, над домом торчали два обычных диполя с направлениями север-юг и запад-восток. Было очевидно, что здесь придавали большое значение качеству связи.

Людей на улице не было. Пейзаж оживляли только несколько небольших поджарых свиней, деловито возившихся рядом с шикарной антенной. Метрах в ста за огороженным домом просматривались обгорелые останки

какого-то каменного, как мне показалось, сооружения. Больше ничего разглядеть я не успел.

— Эй, ты, любопытный! Ну-ка перестал башкой вертеть! —
Блондин пошевелил стволом карабина. — А то...

Чем могло кончиться верчение башкой, узнать мне было не суждено. Дверь барака распахнулась, и на крыльцо вышел борода в компании трех спортивного вида молодцов. Нас со Степанычем грубо выволокли из машины, протащили по длинному, темному коридору и впихнули в небольшую квадратную комнату с тремя окнами, очевидно торцевую.

От сильного толчка Степаныч

споткнулся, задел угол стола, свалив какие-то коробки, и упал на некрашенный дощатый пол. Подскочивший охранник сильно ударил его ногой в живот и снова замахнулся. Мне удалось достать его подсечкой, но не успел он загреметь, как я получил такой удар сзади по почкам, что всякое желание продолжать этот неравный раунд мигом испарилось. А вот и еще добавили, сволочи! И еще, и еще...

— А ну, хватит! Хватит! — Недовольный голос начальственного тембра пресек умелую обработку моего несчастного туловища. — Этого убрать, пусть Гордон над ним поработает, а этого ко мне, вот сюда

сажайте, — распорядился пока невидимый мне начальник.

Корчащегося Степаныча двое подхватили под руки и вытащили из комнаты. Меня рывком подняли, резко развернули вправо. Прежде чем посадить лицом к руководству, сбитый мной с ног охранник не удержался от удовольствия напоследок чувствительно врезать мне в солнечное сплетение. Задохнувшись от боли, я буквально упал на подставленную табуретку. Сильный рывок за воротник заставил поднять голову, а крепкая пощечина сняла туман с глаз.

— Ну, здравствуйте, Сергей Александрович! Давно уже пора нам

с вами познакомиться!

Какое знакомое лицо! Где же я его... Ах да, аэропорт в Нижнеудинске, спецрейс. Пассажир из БМВ.

— Позвольте представиться. Станислав Михайлович Кедров. Учитывая то, что мы с вами ровесники, а также некоторую пикантность нашего знакомства, можно просто — Стас.

Опять все поплыло перед глазами. Худое, резкое лицо склонилось ко мне, взгляд серых глаз выразил беспокойство.

— Слушайте, Сережа! Вы в норме? Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, Стасик! —

разлепил я окровавленный рот. — Ты и вся твоя...

Далее несколько минут я упражнялся в идиоматических оборотах из лексикона профессора Денисова, отводил душу. Что еще со связанными руками сделаешь? Когда боль немного отпустила, остановился передохнуть.

Кедров несколько раз хлопнул в ладоши.

— Прекрасно, Сергей Александрович! Я бы сказал — блестяще! Узнаю настоящего профессионала.

Улыбка озарила его лицо. Добрая такая, я сказал бы даже — домашняя. Этаким ласковый кузен,

чтоб его...

— Ладно, на «ты» переходить не будем. Не считаю себя вправе фамильярничать с таким мастером.

Издевается, ублюдок!

— Ну-ка, подкрепитесь, Сергей Александрович. Выпустили пар, и прекрасно. Разговор у нас долгий может получиться, силы вам понадобятся. И не бойтесь, бить больше не будут. Со своей стороны я тоже на ваше разумное поведение могу рассчитывать. Не так ли?

Кедров достал из стола пузатую бутылку, тарелку с нарезанным лимоном. Ишь ты, «Мартель»! Хорошо пьют в географическом центре Азии! Я залпом опрокинул

поднесенную любезно ко рту рюмку. Густой ароматный коньяк резанул больно разбитые губы.

— Ну что? Успокоились немного? Развяжите ему руки, развяжите!

Я размял затекшие кисти, взял ломтик лимона. Морщась от боли, разжевал. Показал Кедрову на пустую рюмку. Тот, усмехнувшись, налил. Хлопнул опять залпом, снова Станиславу Михайловичу пустую посудину протянул.

— Напиться, что ли, хотите?

— Нет, стресс снимаю.

— Ладно, вот вам еще одна, и хватит пока. Пора к делу переходить, Сергей Александрович. А то может

оказаться, что и времени у нас не много. А вопросы очень серьезные предстоит прояснить. Для начала мне хотелось бы предложить вам посмотреть один материал.

Кедров отошел в угол комнаты и стал копаться в большом напольном сейфе. Странно все-таки он одет для этого места! Никаких горных ботинок, никакого камуфляжа и джинсы. Строгий светло-серый костюм, голубоватая рубашка, изящный галстук, дорогие туфли. Приемы он, что ли, здесь устраивает?

Один охранник у меня за спиной, вплотную. Другой на подоконнике сидит, кобурой

поигрывает. Здоровая кобура, Стечкина пистолет, наверное. А на подоконниках-то герань! Шесть горшков. Станислав Михайлович разводит, поливает по утрам? Чудеса!

— Вот, Сергей Александрович, взгляните. Внимательно прочитайте, — протянул мне Кедров тонкую папку.

Обычный скоросшиватель. «Дело...» Раскрываю. Так-так! Я сам, собственной персоной. Анфас и профиль. Снято длиннофокусным объективом где-то на улице, лицо четко получилось, а фон расплывается. Кажется, где-то возле Белорусского вокзала сфотографировали. Почитаем,

почитаем...

Ну что же. До боли знакомая биография. Очень подробно, как на вторую форму. Больше никаких откровений. Я положил папку на стол.

— Ну как впечатление? — Кедров затаился «Кэмелом», протянул мне пачку.

— Достаточно полный материал. Только за каким... он вам сдался?

Я отказался от сигареты. И так пасть как деревянная.

— Сергей Александрович! Мы с вами знакомы месяцев восемь. Заочно, разумеется. Хотя, припоминаю, разок нам довелось

воочию увидеться. В Нижнеудинске, в порту. Вижу, тоже вспомнили. Так вот, поверьте, все, что я о вас знаю, а знаю я, как вы могли убедиться, довольно много, вызывает у меня искреннюю симпатию к вам. Да, да. Несмотря на такой, э... жестковатый прием, я лично не испытываю к вам ничего, кроме глубокого уважения. Более того, анализ вашей биографии и ваших действий заставляет меня сделать вывод, что мы с вами очень схожи характерами, так сказать, родственные души. Представьте, мы даже МГУ закончили в один и тот же год...

— Вы, наверное, биофак заканчивали?

— Почему же биофак?

— Герань, я смотрю, любите. Животных, наверное, тоже. — Я провел рукой по разбитому лицу. Левый глаз уже начал заплывать.

— Искренне сожалею, поверьте, искренне! Но вы ошиблись, я — выпускник Института стран Азии и Африки, прямо рядом с вашим факультетом наш корпус находится, на Моховой.

— А, дипкорпус?

— Переводчик. Индия, Ирак, потом Япония.

— Потом Саяны.

— Нет, Сергей Александрович. Саяны до того и после того. И во время того. Но мы уже в отвлеченные

материи углубляемся. Вернемся к нашим баранам, если не возражаете.

— Коньяку налейте.

— С удовольствием. Так вот, Сергей Александрович, дело обстоит следующим образом. Когда, образно выражаясь, ваша фигура всплыла на горизонте и стала назойливо мозолить глаза нашей превентивной службе, ей, то есть вам, дали совершенно неправильную оценку. Крайне заниженную. И только когда мы потеряли двух людей в Нижнеудинске, наши зажавшиеся церберы зашевелились. Но очень, очень слабо. В результате мы имеем счастье лицезреть вас в Покровском. Кстати, мы ждали вас недели на две

позже. Что это вы так поспешили?

Я промолчал. Голова сильно болела, и я все никак не мог выстроить правдоподобную версию, что же это все-таки за люди? Пока было ясно одно — интересы государства они не представляют никоим образом.

— Не хотите говорить пока? Ну и ладно, это обстоятельство не суть важно. Просто запишем за вами еще один удачный ход. Кстати, примите мои поздравления! За последние двадцать лет вы и ваш приятель — единственные, кому удалось несанкционированное проникновение в самый центр империи Саманова! Удивлены? Ну

еще бы!

Вот оно что! Ну надо же так угадать! Вот и рассеялся туман, все встало на свои места. А что за туманом? Ох нет там ничего хорошего, возможно, что и вообще ничего нет. Единственный, слабенький проблеск надежды — это «вы и ваш приятель». О Бахметьеве и Гольцеве Кедров, похоже, ничего не знает. Но призрачный это шанс, совсем хрупкий.

— Ну не буду вас утомлять, Сергей Александрович, перейдем к сути дела. Мне чрезвычайно важно выяснить одно обстоятельство. Заметьте, всего одно. Именно этого существенного факта не хватает в

вашем досье. Итак, на кого вы работаете, кто ваш хозяин?

— Я работаю исключительно в собственных интересах, абсолютно частное лицо, — сказал я голую правду.

Кедров рассмеялся.

— Сергей Александрович, дорогой! Прежде чем вы начнете забивать мне мозги нелепыми рассказами о легендарных кладах и прочими романтическими бреднями в стиле Эдгара По, я считаю необходимым познакомить вас с некоторыми моими заключениями, которые, надеюсь, избавят нас обоих от бесполезной траты времени.

— Будьте так любезны.

Самое лучшее, что я мог предпринять в этой ситуации, так это дать Кедрову выплеснуть как можно больше информации.

— Буду, буду! А, вот как раз то, что нам нужно!

В комнату зашел так удачно подсеченный мной охранник. В руках его была большая спортивная сумка. Злобно поглядывая на меня, он вытряхнул на стол ее содержимое.

— Свободен, — небрежно бросил ему Кедров и стал заинтересованно перебирать вещи на столе.

Все это барахло еще недавно было в наших рюкзаках и карманах.

— Ну вот, Сергей

Александрович! Как же я могу поверить в ваши романтические порывы, когда вы прибываете к нам в сопровождении офицера КГБ, сами, кстати, являясь нештатным сотрудником этой почтенной организации?

Кедров развернул передо мной удостоверение Степаныча. А ведь верно, фотокопия моей верноподданнической писульки есть в папке! Где же они ее взяли? Смешно получилось: ни дать ни взять — федеральный агент. Смеяться вот только совсем что-то не тянет.

— А карту с грифом «секретно» в почтовом ларьке купили? Эх,

Сергей Александрович! Если бы вы знали, сколько стоили нам все эти топографические значки! За эти «нежилые» и «брошенные» с нас слупили стоимость нескольких эсминцев. Генералы, когда входят во вкус, прямо динозаврами ненасытными становятся. А вот эта мерзость у вас откуда? — Кедров опасно приподнял тротилковую болванку.

— Председатель КГБ лично вручил. Как почетное оружие. Там надпись дарственная есть.

— Шутить изволите? Ну, пошутите, пошутите. Кстати, камуфляжные костюмчики, судя по расцветке, от погранвойск? Да и

тогда, на мосту, вы приличный уровень показали. Не могу сказать, что это лучшие наши люди были, но не без опыта, да-с, не без опыта! Жестоко вы с ними обошлись, страшно было смотреть. Спецподготовка, да? А вертолет персональный, что вас сюда доставил, это как? Мы же контролируем местный аэропорт, как вы борт достали? Ну, давайте, Сергей Александрович, давайте откровенно. Я слушаю вас!

— Неужели вы думаете, что мы здесь выполняем задание правоохранительных органов?

— Уверен. Примерно на двадцать процентов.

— А остальные восемьдесят?

— А остальные восемьдесят склоняют меня к мысли, что вы — человек Абашидзе. И больше вариантов у меня нет.

— Абашидзе?

— Да. Не знаю, где вы с этим сукиным сыном могли сойтись, но если это так, Георгий сильно поумнел. Интеллектуалов стал подбирать, а раньше одни тупые гориллы его гвардию составляли.

Час от часу не легче. Какой еще, к черту, Абашидзе? Вероятно, остроненавидимый конкурент.

— По нашим данным, вы в Грузии месяц провели летом восемьдесят первого года, —

развивал свою гипотезу Кедров. — Тбилиси, Телави, Вардзия, Батуми. Верно?

— Верно.

— Вот в Телави штаб-квартира этой сволочи и находится. Это — раз. Потом знакомый ваш, Шереметьев кажется, к Малышеву в Якутск летал, а Малышев в сорок восьмом году ссылку отбывал вместе с папашей Жорика, близкий его друг был. Доболтался, старый лопотун.

— Так это ваши люди их...

— Наши, наши. А куда денешься, дорогой мой? Информация страшно опасная вещь! Ваш знакомый у нас в северном европейском филиале работал.

Недолго, правда. Нос стал совать куда не следует, слишком рьяно совать. Как он до Малышева докопался, даже не знаю. А старец очень много знал. Очень! Он с Самановым давно знаком был, вот с этого самого места. — Кедров постучал пальцем по столу. — Не трогали его из уважения к прошлым заслугам. А он болтливым стал чрезмерно на старости лет. Ну вот, Сергей Александрович, карты на столе. Откровенность за откровенность — кто же ваш хозяин?

— А зачем это вам? Раз мы все равно уже здесь.

— Ну, дорогой мой! Вы-то здесь, а дальше что? Потом кто будет, после

вас? И от кого, и когда? Я же не участковый, сударь! Мое дело — прогноз. Ну, не тяните, слушаю вас!

— А если я откажусь отвечать?

Лицо Кедрова приняло грустное выражение.

— Послушайте, Сергей Александрович! Вы, насколько я понимаю, сообразительный и мужественный человек. Скрывать не буду, вы сами и ваш приятель уже покойники. Кстати, наша местная знаменитость — Гордон сейчас работает с вашим другом. Поверьте, ему приходится гораздо хуже, чем вам. Так вот, если вы пойдете мне навстречу и все расскажете — подробно, откровенно и убедительно,

то я вам гарантирую, что ваша смерть будет быстрой, легкой и безболезненной, примерно как сон. Если вы не выполните мою просьбу, то вам придется сожалеть о самом факте вашего появления на свет. Вот и все.

— Не богатый у меня выбор.

— Напротив! Разница на самом деле очень велика! Огромна, Сергей Александрович! Ну как?

— Налейте-ка еще.

— Понимаю, понимаю.

Пожалуйста.

Только я собрался рюмку к губам поднести, как за окном треснул выстрел. Винтовочный выстрел, гулкий. Охранник распахнул

окно, высунулся по пояс наружу.

— Ну, что там случилось? —

Кедров к другому окну шагнул.

Кобура на подоконнике лежит, рядом с горшками с геранью. «Стечкин» в кобуре, метра три от меня, через стол. Далековато...

— Степка Жар свинью на обед забивает. Во, козел! С одного выстрела не смог! — Охранника на подоконнике явно увлекло происходящее.

— Вам, долбакам, вообще ничего поручить нельзя. Скотину застрелить не можете, — недовольно пробурчал Кедров и снова повернулся ко мне.

Опять выстрел! И опять! Ай да

Степка!

— Одурел, балбес! — Кедров
вновь приник к окну.

Пора, все равно терять нечего!

Оглядываюсь назад. Стоит
детина, вытянулся, тоже в стекло
пялится. Не вставая, расслабленной
рукой — удар в промежность. Чевой-
то так заревел, голубок? Не о
размножении сейчас думать надо!
Бросок вперед, через стол! Эх,
далековато! Обеими руками к кобуре,
лишь бы достать. Нет, соскользнули
пальцы, упал «стечкин» на пол. Ну и
боль! В голове как будто граната
взорвалась! Чем же это меня?
Осколки, земля сыплется. Проклятые
горшки! Прямо в затылок...

Еще пару секунд я видел перед собой угол подоконника, пистолет на полу, осколки керамики. Как через бутылочное стекло видел. Потом все затянуло сплошной черной пеленой.

Глава 17

СМЕНА КАРАУЛА

Очнулся я в каком-то сарае, на глинобитном полу. Слабый свет сквозь щели в дощатых стенах пробивается. Серенький свет, сумерки, наверное. Вечер или утро уже? Ох как голова гудит! Пощупал — надо же, перебинтовали, человеколюбцы.

Сарай пустой, потолок низкий. Дверь надежная, заперта основательно. Окон не видать. Жбан жестяной в углу — на вкус и запах вода. Пить очень хочется. А вдруг отравлена? Нет, мозги еще в норму

не пришли. На кой шут так сложно? Не Борджии какие-нибудь здесь, не Медичи. Наша, отечественная сволочь. Пристрелят, и все, чего им фантазировать. А то ножичком, умельцы среди них есть.

Кто это там сопит за стенкой? Похоже, не внешняя стена, свет отсюда не идет. Охрана или еще какой-нибудь горемыка?

Я приложил губы к доскам.

— Эй, кто там?

Черт, голоса своего не узнаю, так отходили. Завозился кто-то у стенки, тоже к доскам прижался.

— Андрей я, егерь с заповедника, — донесся сквозь щель хриплый шепот.

— Сергей из Москвы, будем знакомы.

— Ты зачем здесь?

— А на тебя приехал посмотреть.

— Сейчас рассвет, не до шуток будет.

— А что на рассвете?

— Кончать придут. Тебя — не знаю, а мне точно — пуля. На рассвете всегда кончают. Традиция у них такая.

— За что?

— Другка хотел выручить, тофа. Охотник мой знакомый. За долги на лоток поставили, золото мыть.

— Из тех, что у ручьев, ниже поселка?

— Точно. Если туда попал — до смерти с этим лотком не развяжешься.

— Зимой же замерзает все?

— Не все. Здесь еще тахты есть.

Ближе к Исселею.

— Не получилось с дружкой?

— Нет, не удалось. И его загубил, и себя тоже.

— Может быть, отпустят?

— Куда там! Я же псину ихнюю, охранника то есть, прикончил. Хорошо если просто стрельнут.

— А как еще бывает?

— Худо бывает. Здесь такие изобретатели есть — неделю подыхать будешь, сам попросишь, чтобы скорее прикончили.

— А бежать?

— Если б мог, уже убежал бы. Я здесь третий день. Бьют сильно, еле двигаюсь уже. Не, не убежать мне... Во, слышишь, идут! Наверное, рассвет уже. Прощай!

Но шли не к егерю, шли за мной. Дверь распахнулась. В проеме, на фоне предрассветного неба возникло несколько темных силуэтов.

— Очухался, мусор! А ну, вставай! — предложил мне веселый молодой голос.

Ишь ты, мусор. Жору Абашидзе, значит, побоку. Стало быть, больше на агента оказался похож. Да только дела это не меняет.

Медленно я поднялся,

распрямился с трудом. Ух, б...! Каратист, никак, этот молодой! Ну и лупанул. Хорошо у него ноги в среднем уровне работают, ребра слева, наверное, треснули — боль резкая, пронзительная. Да, сейчас я на роль макивары только и гожусь.

— Быстрее вставать будешь, тля!

А ну, пошли!

Солнце еще не взошло, но видно уже хорошо. Коротки летние ночи в горах. На востоке, за сопками появилась желтая полоска.

Недалеко я «отдыхал», вот он, барак знакомый, в двух шагах. Вот и коридор, и комнатенка в три окна приветливая.

— Сел, быстро!

Сел. Довольно быстро. И на том спасибо. Чтобы стоять, силы нужны. А не осталось почти сил.

Кедрова нет, только пара охранников. Эти вчера были, нет? Никак не вспомню лица.

Открылась дверь, еще двое охранников втащили Степаныча. Ну и отделали же его! Я по сравнению с ним — огурчик. Хотя, если со стороны глянуть — тоже не первой свежести огурец. Но до Степаныча все равно далеко. Лицо аж синее, одна бровь раскроена до кости, губы насквозь прокушены, весь подбородок в сгустках крови. Рукав левый оторван, рука посиневшая жгутом перетянута, двух пальцев нет,

мизинца и безымянного, клочья кожи с кисти свисают. На стул рухнул, голову на грудь опустил, дышит тяжело, со всхлипами. Да, повезло мне, что сознание потерял вчера.

А вот и Станислав Михайлович пожаловал. Бодр и весел, как всегда. Махнул небрежно охранникам, двое вышли. Ну и правильно, в таком состоянии мы опасности никакой не представляем.

— Ну что, Сергей Александрович, отдохнули? Пора продолжать. Вот видите, к чему приводит дурацкое упрямство. — Кедров кивнул в сторону Степаныча.

Я промолчал.

— Не желаете поддержать

беседу? Ну что ж, ваш выбор. Искренне сожалею, но времени на уговоры у нас уже не осталось. Эй, ты, позови Гордона с его парнями!

Один из охранников вышел.

В комнате было прохладно. Кедров присел у холодной еще печки, поворошил кочергой в топке. На секунду я поймал его взгляд, искоса брошенный в мою сторону. Виноватое было у него лицо, грустное. Ну актер! В переводчиках лицедейство освоил или еще где?

На улице слышался шум мотора. Гусеничная, похоже, машина. Специфическое постукивание траков о камни прослушивается. Охранник выглянул в окно.

— Федор ночную дозу привез.

— Рановато он сегодня.

Вертолет не раньше одиннадцати часов будет. Могли бы и обождать, сняли бы побольше.

— Полцентнера и так наберется.

— Чем больше, тем лучше.

Сейчас каждый килограмм важен.

— За кордоном вкладываемся, Станислав Михайлович?

— На их месте хочешь оказаться? Нет? Тогда помалкивай. Сергей Александрович, подойдите-ка сюда.

Я добрел до окна, оперся на подоконник. Горшков с геранью всего два осталось. Неужели на меня все израсходовали?

— Вам, наверное, будет интересно. Посмотрите.

Смотрю. По улице транспортер медленно катит.

Знакомая модель, 71-й вездеход. На Чукотке на таком рассекали. Хороший аппарат.

Транспортер подошел к огороженному дому. Ворота раскрылись, и он исчез за забором. Шум двигателя стих.

— Вот вам, Сергей Александрович, и золото. То, что вы так хотели видеть. Ночной улов, сорок пять-пятьдесят килограммов. Вчерашнее уже отправили, ночью борт был, пока вы, хм, отдыхали. Вы когда-нибудь сам металл видели? В

естестве, не в изделиях?

— Не видел.

— Занятное зрелище! Волнует кровь. Жаль, вам уже, я думаю, не доведется. Ну, садитесь, садитесь, я же вижу — тяжело стоять.

Я сел у печки, прислонился спиной к ее уже нагретым побеленным кирпичам. Прав Кедров, ничего уже больше не доведется. Меня охватило тупое безразличие, даже боль в ребрах почти утихла. Степаныч тоже откинулся к стене в каком-то полузабытьи. Сейчас живодер ихний придет, Гордон кажется, и все — финиш...

Снова донесся звук мотора. Он быстро нарастал. Ого! Дроссель

полностью открыт, движок аж воет. Это уже не транспортер, больше похоже на тяжелый грузовик.

Кедров привстал, прислушался тревожно.

— Кто это так гонит?

— Да вроде Колькин «Урал», — сказал охранник, выглядывая в окно. — Его Гордон на Андреевский вчера посылал. И чего летит, дурила? Да нет, не Колька за рулем...

Вот грузовик совсем рядом. Бах! Удар в стену нашего барака. Да какой! Все затряслось, охранник с подоконника слетел, Степаныч тоже на полу оказался. Кедров вскочил, рванулся к окнам.

Мотор взревел на высокой ноте

и заглох. Секунда тишины, потом дробный треск автоматных очередей, а вот и пулемет с чердака ударил! Тонко звякнуло разбитое стекло, шмякнула о кирпичи печки шальная пуля, брызнула побелка.

Ну, Серж, давай! Похоже, на пересдаче козырь выпал!

Рукоятка кочерги как раз под правой ладонью оказалась. Охранник с пола поднимается, башка из-за стола показалась. Сейчас я тебе припомню горшок цветочный, падла! Справа налево хлесткий длинный удар! Хорошая кочерга, тяжелая, прямо в переносицу попал. Есть ли у Кедрова пистолет? Если он сейчас ствол вытащит, то я был не прав, зря

погорячился.

Нет, шарахнулся к стенке
Станислав Михайлович, ручонками
лицо загораживает. Не носишь
оружия, вежливый ты мой? Чужими
руками привык работать.

Зажал я Кедрова в углу. Кочергой
воздух со свистом рассекаю перед
гладковыбритой побледневшей
физиономией. Рост у нас примерно
одинаков, но я потяжелее буду, кило
на двадцать потяжелее. Но в клинч
входить мне интереса нет — двинет
по треснувшим ребрам, могу
отключиться от боли. Машу
кочергой, но вижу — уже приходит
Стасик в себя, подобрался, сейчас
прыгнет. Эх, что же Степаныч так

долго возится? Или пустая кобура оказалась у охранника на поясе?

Выстрел! В комнате. Ну наконец-то! Пуля над головой Кедрова расщепила доску. Обмяк Стасик, руки поднял, А все же кочерги тебе не избежать, дружище. Вот так! Полежи пока.

Степаныч лежа стрелял, встать не может. Пистолет ко мне по полу толкнул, откинулся навзничь. Плохо дело, совсем он не боец. Я подобрал тяжелое оружие. Точно — «стечкин». Вторая обойма? Есть, где ей и положено лежать. Перевел пистолет в автоматический режим. Не прицельно с руки очередями стрелять, ну да тут расстояния

маленькие, почти в упор.

Оттащил я Степаныча за печку, стол тяжелый на охранника с Кедровым навалил. Направил на дверь пистолет, палец на гашетке. Ну, кто первый зайдет на огонек?

А на улице бой идет. Стрельба сильная. Пулемет стрижет с чердака не переставая, как только не перегреется? Взрыв за стенкой! Гарью потянуло, наверное, грузовик зажгли. Топот в коридоре, сюда бегут. Очередь короткая за дверью, еще одна.

Дверь с треском распахнулась внутрь комнаты. Спинай ко мне влетел охранник, раскинув руки, рухнул на пол. «Калашников» с

коротким стволом отлетел к печке. Штук пять в брюхо гаденыш получил, не меньше, все разворочено. За охранником мужик в камуфляже вбегает, меня увидел, вскинул автомат. Опустил.

— Серж, живой?

Фу... Как приятно голос знакомый услышать!

— Живой, Игорек, живой! Мишка где?

— Вход держит. Там из дома напротив, где антенны, кто-то сильно поливает. Но вроде один ствол, сам не высовывается.

— Давай Мишку сюда. Из левого окна улица вся простреливается, чего в коридоре торчать?

Гольцев выскочил из комнаты. Стрельба прекратилась. Я засунул «стечкина» за ремень, подобрал автомат, осторожно выглянул в окно. Грузовик сильно горел, горела резина, черный дым стелился вдоль улицы, противный, удушливый запах забирался в комнату. Около машины и на крыльце барака лежало несколько неподвижных тел.

Вошли Игорь с Бахметьевым. Каждый нес по два автомата, а у Мишки в руках был еще и карабин с оптическим прицелом, с изящной ложей темного ореха. Поставив оружие у стенки. Мишка, хромая, подошел ко мне. Молча обнялись. Его била сильная дрожь.

— Ранен?

— Зацепило в бедро. Течет сильно. Надо перетянуть.

— Давай садись. Дай нож. Сейчас брючину распорю. Игорь! Рассказывай быстро!

— Да рассказывать особо нечего. Только повернули мы обратно, на поляну, слышим — стрельба у реки. Бросили рюкзаки, скорее к вам. Пока добежали, смотрим — вас уже увозят. Один малый из охраны остался на берегу. Мы подождали, пока грузовик скроется за поворотом, и взяли его. Он нам кое-что объяснил. Отвели гада в лес, привязали к дереву. А что дальше делать — ума не приложим.

Вдвоем базу штурмовать? Глупость. Да и пока сюда дотопаешь, десять раз могут пристрелить. У них посты на каждом километре. Часа четыре просидели — ничего в голову не приходит.

Вдруг смотрим — «Урал» ползет. Не ваш, а крытый брезентом. На машине — не пешком. Мишка за отвалом спрятался, и когда грузовик близко подошел, он водилу дуплетом разделал. Картечью, сразу наповал. «Урал» в протоку ткнулся и заглох. Из кабины здоровый кабан выскочил с пистолетом. Не стрелял, рванул вверх по реке. Далеко не убежал, я его с берега из «калаша» достал по ногам. Он и рассказал, что вы в

поселке, в этом бараке.

По темноте поехали. У поселка переждали до рассвета — и вперед! Я машину думал развернуть у крыльца, но пулемет пробил скаты, не знали мы про пулемет. Я не удержал, ударил в стену. На крыльцо гады выскочили. И началось! Троих мы сразу кончили, но машину они успели зажечь, потеряли мы машину. Последнего я в коридоре замочил. Вот и все.

— Бородатого, пожилого, в свитере, среди них не было?

— Да нет вроде. Все — молодежь.

— Подрастающая смена... Ну вот, Майкл, все в порядке.

— Сильно меня?

— Не смертельно. Навылет, с краю, в мягкие ткани.

— Что делать-то будем, отцы? Степаныч, смотрю, совсем лыка не вяжет. Эк его!

— Ваше положение абсолютно безнадежно!

А, Станислав Михайлович изволили очнуться!

— Это еще кто? — Гольцев с недоумением уставился на выползающую из-под стола фигуру в дорогом костюме.

— Рекомендую, Игорек. Господин Кедров, представитель местного руководства.

— А, сволочь! Щас я его. —

Игорь дернул затвор автомата.

— Не вздумай! Станислав Михайлович — наш туз в рукаве. Ценный заложник. Очень осведомленный человек.

— А второй?

— Это просто пес сторожевой.

Кедров выполз из-под мебели, сел на пол у стенки, ощупал нос, сморщился.

— Сергей Александрович! Несмотря на то что вам так фантастически везет, через пару часов все равно все будет кончено.

Насколько гнусавый голос стал у Стасика.

— Это мы еще посмотрим!

— Да чего там смотреть! Через

час здесь будет полсотни хорошо вооруженных человек. Ну, продержитесь вы минут двадцать, ну, двадцать пять. Безнадежно.

— А вы-то на что?

— Э, дорогой мой! Я, похоже, паду смертью храбрых вместе с вами. Таких проколов Саманов не прощает. И на пенсию меня он не отправит.

— Раскисли вы что-то, Станислав Михайлович!

Кедров сплюнул сгусток крови, посмотрел на меня, улыбнулся. Да нет, спокойное лицо. Не трус Стасик, однако.

— У меня к вам просьба. — Кедров наконец поднялся с пола. — Постарайтесь не пристрелить меня

до самого конца. Я чувствую, вы человек удачливый, может, и вывезет кривая. Да и очень интересно посмотреть, чем все это кончится.

— Другое дело! Слова не мальчика, но мужа!

Охранник, отведавший кочерги, тоже поднялся на ноги, стоял пошатываясь в простенке между окнами, с ужасом смотрел на происходящее в комнате.

Я подошел к нему, снял «стечкина» с предохранителя, глянул в широко раскрытые, какие-то детские глаза.

— Станислав Михайлович! Это специально для вас. В качестве жеста доброй воли. Чтобы у вас и

мысли не возникало пятую колонну здесь изображать.

Я надавил на спуск. Черт, автоматический же режим! Буквально пополам перерезало парня. Кедрова затрясло, он судорожно отвернулся.

— А ты, падаль, думал, что мы тебе харакири сделаем?! — Бахметьев ткнул его в зад стволом карабина.

— Разговор серьезный пошел, Кедров. На войне как на войне. Привыкайте. — Я выбросил пустую обойму.

В этот момент с чердака золотохранилища снова ударил пулемет.

Глава 18

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Все дружно повалились на пол. И вовремя! На этот раз пулеметчик угодил точно в окно. Не меньше десятка пуль впилося в дверь и стену, еще столько же выбило из печки облако кирпичной пыли.

— Надо сматываться отсюда. — Гольцев, лежа на спине, набивал патроны в рожок «Калашникова».

— Куда сматываться? — спросил Мишка.

— На сопку, в тайгу, куда угодно.

Здесь оставаться нельзя.

— А потом? В Монголию, что ли?

— Здесь прикажешь торчать? Этот гусь правильно сказал — через час нас задавят. Эх, была бы машина целая — оторвались бы просто!

— Есть машина! — Передо мной замаячили зыбкие контуры спасительного плана.

— Где? Какая? — привстал Гольцев.

— Не вставай! Машина — то что надо! В конце улицы дом, забором обнесенный, видели? За забором семьдесят первый стоит, за полчаса до вас подъехал. Золото привез. Надо этот транспортер достать!

— Там же пулемет! Не подойдешь. На улицу даже не высунешься — все простреливается.

— Мишка, патроны к карабину есть?

— Есть. Штук пятнадцать. Классная пушка. МЦ-132, штучный. Магазин роторный, шестикратная оптика.

— Пулеметчика снять можешь?

— Как? В окно не высунешься — сразу положит.

— Отползи в коридор метров на пять-шесть. Там темно, он тебя не углядит. Стреляй лежа, угла должно хватить.

Мишка дополз до двери, потянул ее снизу на себя. Только она начала

приоткрываться, как стрелок с чердака угостил нас очередной порцией из «Дегтярева». Под грохот барабанищих в стену пуль Мишка ужом юркнул в коридор.

— Мишка, живой?

— Живой, щепка в глаз только попала.

— Стрелять можешь? Видишь гада?

— Сейчас, присмотрюсь. А вот — вижу! Усатая сволочь.

— Чего он делает?

— Кажись, диск меняет. Сейчас!

Повернув голову до отказа вправо, я увидел, как Бахметьев в темном коридоре встал на колени, приложил карабин к плечу. Передняя

линза длинного прицела сверкнула радужным бликом, отразила переплет окна. Я заметил, как его палец, включив шнеллер, [\[13\]](#) плавно прикоснулся к спусковому крючку. В такт с Мишкой я задержал дыхание. Выстрел!

Еще секунду он смотрел в прицел, затем опустил оружие, встал и спокойно вошел в комнату. Все поднялись с пола, подскочили к окну.

«Дегтярев», зацепившись сошками за перила балкончика, висел прикладом вниз. Магазины на нем не было. Стрелок, далеко высунувшись из окна, замер в неестественной окаменелой позе, прижав ладони к горлу. Мгновение

он удерживал это странное равновесие, затем, сразу обмякнув, мешком повалился во двор, увлекая за собой пулемет.

— «Завцехом наш, товарищ Сатиков, недавно в клубе так скакаллл...» — процитировал Мишка барда нашей юности и, щелкнув затвором, выбросил пустую гильзу.

Путь был свободен. Тыл тоже сомнений не вызывал. Степаныч потихоньку приходил в себя, «стечкин» в его руке, направленный в живот Станиславу Михайловичу, не дрожал, сидел твердо.

Мишка с карабином наготове встал возле окна, кивнул нам.

Прикрытие обеспечено. Пробежав по гулкому коридору, мы с Гольцевым выскочили на улицу. Никто не стрелял.

Пригнувшись, мы понеслись к высокому забору. Несколько десятков метров отделяли нас от него. Не пробежав и половины дистанции, я увидел, как правая створка ворот приоткрылась и в проем высунулся человек в тельняшке с револьвером в руке. Выстрелить не успел ни он, ни мы. За нашей спиной раздался резкий звук карабинного выстрела, и парень с револьвером упал вперед, лицом вниз. Ай да Мишка! Створка ворот медленно распахнулась настежь.

А вот и вездеход. В кабине никого не было. Дверь в дом открыта. Скорее внутрь! Маленький тамбур, одна дверь. Удар ноги, и мы влетели в большое помещение с двумя длинными, параллельно стоящими столами. У ближнего к нам стола человек стоит в черном берете, в комбинезоне, кобура на поясе, руки вперед вытянуты. В плен, что ли, желает сдать?

«Калашников» Игоря рывкнул, выдал порцию свинца. Так, пленных мы, оказывается, не берем. Несчастливого малого очередь на стол бросила, берет свалился с головы. Длинные медно-рыжие волосы рассыпались по плечам, по столу.

Мать честная, да это — женщина!
Мы с Игорем растерянно
переглянулись.

Но то, что мы секунду спустя
после выстрелов увидели в этой
комнате, мигом отвлекло нас от
печальной судьбы незнакомки. На
дальнем столе, обтянутом плотной
бумагой, стояли два помятых
дюралевых таза, с верхом
наполненные мелким красновато-
желтым песком. Десятка полтора
крупных самородков лежали в центре
стола. Среди них выделялся
экземпляр с хорошее яблоко
величиной, почти правильной
шарообразной формы. Одинаковые
кучки самородков помельче

образовывали длинный аккуратный ряд, тянувшийся почти по всему столу. На краю стола лежала резиновая пластина золотоуловителя с несколькими горстями золотого песка. Рядом стояли смутно знакомые мне вишневого цвета сумки и валялась пачка черных плотных пластиковых пакетов.

Игорь подошел к столу и, положив автомат, запустил правую руку в таз. Вытащил, песок с легким шорохом ссыпался обратно. На ладони остался слабый желтоватый налет. Серенький свет из низкого зарешеченного окна робко коснулся руки, и тусклый, холодный блеск замерцал в неподвижном воздухе.

Несколько секунд мы пребывали в оцепенении.

— Ладно, я пока в сумки все пересыплю, — прервал я волнующую паузу. — А ты давай с вездеходом разберись. Полчаса у нас осталось, не больше.

Только я закончил возню с пакетами и сумками, как на улице взревел двигатель транспортера. Я потащил тяжелые сумки к дверям, стараясь не глядеть на рыжеволосый труп на столе. Игорь заглянул в дверь.

— Порядок! Бензина только мало — один бак из четырех, да и тот не полный.

— На сколько хватит?

— Полста километров на полной скорости сделаем.

Игорь сел за рычаги, я с сумками забрался в кузов.

Развернув транспортер на месте, Гольцев ударом передка распахнул ворота, и машина быстро понеслась к длинному барaku. Из окна приветственно тряс карабином Бахметьев.

Пока Игорь со Степанычем собирали оружие и патроны, а Мишка тщательно связывал Кедрова, я выпотрошил сейф и ящики стола. Документов было немного, что они из себя представляли, я разбираться не стал, засунул в пластиковый пакет все, что было. Только собственное

досье отправил в печку.

— Серж, там в хранилище, кроме матроса этого, что я ухлопал, еще был кто-нибудь? — спросил Мишка.

— Игорь даму какую-то подстрелил.

— Даму?

— Да, с волосами рыжими. Прямо в комнате, где золото было.

Кедров дернулся в Мишкиных руках, посерел лицом.

— Что, Станислав Михайлович, знакомая? Искренне сожалею, но выбирать не приходилось. Она тоже имела шанс нас положить, — соврал я.

Молчит Кедров. Ну что же,

молчи, грусть, молчи. Понимаю, хреновое состояние. Пару часов назад сам в таком пребывал.

В глубине сейфа нашел я подарок Бармалея. Тут же рядом и детонатор лежал, в газетный обрывок завернутый. Опасно вместе хранить, раздолбай! А надо бы сюрприз приготовить!

— Игорь, пойдём-ка на радиостанцию!

— Зачем ещё?

— Как ты говорил, шутку будем делать.

На улице по-прежнему никого не было. Живых, то есть, не было. Осторожно, прикрывая друг друга, зашли в помещение радиостанции.

Вот это аппаратура! Не какая-нибудь дряхлая «Полоса»! «Шарп» цифровой, куча всяких наворотов. Все подключено, все работает, радиста только нет. Гильз стреляных куча в прихожей, в комнате тоже. А вот и карабин, СКС армейский, валяется. Магазин пустой. Все расстрелял и удрал, урод. Где-нибудь поблизости сидит.

В хорошо оборудованной станции нашлись и кусачки, и провода, и изолента. И сухой элемент питания нашелся тоже, здоровый, правда, слишком. Но не беда, провода длинные, батареею и на пол поставить можно. Остальное все наше — презент, так сказать. От всей

души.

Вылезать в окно пришлось. Дверь теперь трогать не рекомендуется. Кто-то ее откроет, кому сегодня повезет?

Все, погрузились, можно начинать драп. Ах да, совсем забыл!

— Игорь! Долбани вон по тому сараю. В дверь с левого торца.

— На фиг?

— Там мужик один сидит. Местный. Егерь. У него счета с нашими знакомыми. Не оставлять же?

— Всегда рад выручить приятеля.

Транспортер легко разнес в щепки дощатую дверь.

В сарае оказался парень лет двадцати трех. Надо же, по голосу меньше сорока я бы ему не дал никак.

Избит он был действительно сильно, заметно было, что каждое движение причиняет ему мучительную боль. Но при виде Кедрова он заметно оживился, взгляд полыхнул смертельной ненавистью. Что ж, это чувство тоже силы придать может.

— Держи, егерь! — Мишка протянул ему СКС. — Патроны вон там, в мешке, набери. Сейчас воевать поедem.

— Да все уж кончилось, — сказал Степаныч.

Пришел он в себя помаленьку, кабы не сглазить.

— Ошибаетесь. Все только начинается. — Сухой, злой голос Кедрова заставил меня вздрогнуть.

И куда вся теплота, вся сердечность подевалась вдруг?

— Не каркай, сволочь! — Гольцев пролез через верхний люк на водительское сиденье и вопросительно посмотрел на меня.

— С Богом! — скомандовал я и разложил на коленях карту.

Вездеход, быстро набрав скорость, вылетел из поселка и, поднимая фонтаны брызг в неглубоких протоках, пошел вниз по Бирюсе.

Глава 19

БЕГСТВО

Не успели мы и на полкилометра отъехать, как сзади ухнул мощный взрыв. Столб дыма поднялся над поселком, видно было, как мачта одного диполя подпрыгнула вверх, переломилась у верхушки и рухнула. Секунду спустя легла и вторая. Скорее всего это радист поспешил предстать перед Всевышним.

Пока вездеход трясся по отвалам, я объяснял Гольцеву свой план.

— Дойдем до устья Катышного,

потом вверх по ручью, насколько будет возможно. Перевалим через Мурхойский хребет и выйдем к Гутаре. Соколов обещал туда прилететь через четыре дня.

Гольцев искоса взглянул на карту.

— Вездеход не влезет на перевал, да и бензина не хватит.

— Верно. На перевал и дальше пойдем пешком.

— Серж, это ведь горы. До Гутары — три переправы и еще один перевал. А Степаныч совсем плохой.

— А ты что предлагаешь?

Игорь пожал плечами.

— Может быть, просто вниз по реке двинем?

— Ерунда. За Катышным поселок Сергеевский. Там у них наверняка люди есть. Не проскочим.

— А сейчас проскочим?

Да, верно, впереди еще плато с тофаларами-шлиховщиками и площадки с мониторами...

— Охраны там немного, держи ближе к правому берегу.

— Серж, это же не танк. Слева оба бака пустые, одни пары бензиновые. Пуля попадет — взлетим к ... матери!

— Левый борт прикроем.

— ...?

— Нет, Станиславом Михайловичем прикроем.

Я вылез через люк на крышу

кабины.

— Эй, Михаил! Давай Кедрова сюда. Посади-ка его на левый борт, прямо на баки сажай. Рожей к берегу, чтобы видели эти архаровцы своего шефа. За поворотом плато. Придется вам, Станислав Михайлович, это неудобство потерпеть. И не вздумайте с машины спрыгнуть. Пуля сразу. Гарантирую. Остальные — все вниз, из-за борта не высовываться, на выстрелы не отвечать.

И плато, и площадки прошли без выстрела. То ли нелепый вид Кедрова, восседавшего на борту со связанными руками, остановил охранников, то ли они вообще ничего еще не знали, трудно сказать, но к

устью Катышного мы подкатали без потерь.

Вот и злополучный бугор показался. Место нашей высадки.

— Игорь, вы с Мишкой ходили вверх по ручью. Насколько вездеход еще может подняться?

— А, и трехсот метров не будет. Камни там, гряда из валунов. Не пролезем.

— Ну, давай вперед потихоньку. Нет, стой!

Кто-то из ребят барабанил сверху по кабине. Я выглянул через боковую дверцу.

— Что там стряслось?

— Смотри, Серега, смотри! — Мишка показывал куда-то назад.

Я вылез из кабины, встал на гусеницу, приподнялся на носки. Да, совсем не здорово. На повороте реки, и километра от нас не будет, ползет «Урал». Бинокля нет, но и простым глазом видно — полна коробушка.

— Пятнадцать человек. Все с оружием. — Мишка опустил карабин — в прицел рассматривал грузовик.

— Через четверть часа будут здесь. Не уйти. Будем держаться сколько можно. Вон у тех камней позиция.

— Ну-ка, все быстро из машины! Вытряхивайтесь и барахло заберите! — Игорь принял команду на себя.

— Ты чего это удумал? —

Мишка спрыгнул на землю, потянул Степаныча через борт.

— Некогда объяснять. Быстрее, быстрее. Золото не забудьте!

Мы мигом разгрузили вездеход. Игорь открыл оба люка, обе дверцы, вскочил на место водителя, запустил мотор. Высунулся, махнул рукой в сторону леса.

— Бегите вон к тем камням, я сейчас!

Машина развернулась и пошла вниз по распадку, туда, где бугор с нашей стороны переходил в крутой склон, почти обрыв. Метров пятнадцать там было до воды, уклон градусов сорок.

Как только вездеход

остановился, мне стал ясен замысел Гольцева. Со стороны реки он закрыт, чтобы его увидеть, надо подняться на холм. «Урал» пойдет по колее вездехода, он сможет пройти только в одном месте — между Игорем и обрывом...

Ждать пришлось не больше пяти минут. Донесся натужный вой мотора, грузовик медленно, с пробуксовкой, вползал на холм, было слышно, как шуршит разбрасываемая колесами галька. Наконец задранный вверх передок показался у края поляны, а вот выползла и вся машина. Они уже явно заметили вездеход, но разобраться в чем дело, не успели.

Транспортер взревел, стремительно бросился вперед. Он достал «Урал» точно в центр кузова, сразу опрокинул набок и на мгновение остановился, задрожав. Люди посыпались из завалившейся машины, Игорь успел наполовину высунуться из люка. Но вездеход вновь рванулся вперед, положил «Урал» на барахтающихся людей, еще секунда — обе тяжелые машины, каша из тел, брезента, досок, оружия — все исчезло за краем обрыва.

Мы подбежали к месту столкновения. Внизу горели машины, слившиеся в единый ком искореженного металла, валялись трупы. Человека три-четыре убегали

от гигантского костра к другому берегу, один, пылая как факел, полз к ближайшей протоке. Игоря нигде не было.

— Спускаемся? — Мишка закинул карабин на плечо.

— Давай. Посмотрим у машин, — ответил я, продолжая искать взглядом Гольцева среди неподвижных тел.

Нет, никто не похож.

— Эй, отцы! Я здесь! — вдруг раздалось откуда-то слева.

Из-за причудливого скального обломка, торчащего из склона в десяти метрах от нас, выглянула улыбающаяся рожа.

— Живой, слава те... —

Бахметьев влез обратно, облегченно рассмеялся. — Руку давай, камикадзе хитрожопый!

Угроза временно отдалилась, но расслабляться было рано. Цель наша для преследователей очевидна, нас наверняка постараются достать на маршруте. И сами Гутары тоже не подарок — девяносто девять из ста, что поселок под контролем людей Саманова; одно утешает — с тофаларами отношения у них, похоже, далеко не радужные. В Гутарах у нас, правда, будет чем козырнуть. Если только Виктор не подведет.

Разобрали оружие, груз. Я выступил с краткой речью:

— Парни, у нас четверо суток и впереди два перевала и три переправы. Егерь и Степаныч в плохом состоянии, да и все мы далеки от лучшей формы. Но отдыхать будем мало, по часу через каждые семь, иначе нас возьмут до Гутар.

Идем налегке, только по одному стволу на брата и по два боекомплекта, выбирайте по вкусу, «стечкин» остается у Степаныча, он только одной рукой стрелять может.

Золото и оставшиеся патроны погрузим на Станислава Михайловича. Компаса нет, идем по карте, по абрису. Рельеф здесь выраженный, я думаю, не собьемся.

Вопросы есть?

Вопросов не было. Ну, тронулись, что ли...

Перевалив через небольшую каменную гряду, мы попали в редкий хвойный лесок. Подлеска там почти не было, лес больше походил на хорошо ухоженный парк, нежели на тайгу. Почва, покрытая разноцветными мхами, упруго пружинила под ногами. Прохладный воздух, насыщенный ароматами горной растительности, приятно бодрил.

Постепенно стали угадываться контуры старой тропы, кем-то давным-давно проложенной вдоль ручья. Отряд двигался резво, начало

маршрута оказалось неожиданно легким.

Но, как говорится, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал! Через пару километров тропа вывела нас на обширную марь и затерялась среди мокрого, заболоченного кочкарника. Идти стало заметно тяжелее, вязкая, хлюпающая жижа превратила ходьбу в тяжелую работу. Наконец марь кончилась, и мы уперлись в сплошную стену колючих зарослей густого кустарника.

— Так дело не пойдет. — Я устало вытер пот со лба. После болота коленки заметно дрожали. — Здесь не продеремся, надо обходить.

Справа от нас, на краю мари, уходила вверх небольшая скальная терраса. Издали она выглядела привлекательно — никаких зарослей и болота, одни каменистые осыпи. Терраса тянулась в нужном нам направлении. Метров триста было до ее границы.

— Двигаем туда, — показал я стволом автомата направление. — И вдоль скал пойдем параллельно ручью.

Решение оказалось правильным, дело пошло живее. Мы быстро проскочили скальную осыпь, но тут терраса круто повернула вправо. Делать было нечего: сохраняя нужный азимут, мы вломились в

кустарник.

Не меньше часа, оставляя ключья одежды на колючих ветвях, мы преодолевали этот барьер. Наконец заросли расступились, перед нами блеснул веселый, прозрачный ручеек, шумно катившийся по пестрому каменистому ложу.

— Проклятый мудодер! — Мишка присел у воды, с омерзением выдергивал из куртки и штанов многочисленные колючки. — Живого места не оставил!

Мой расчет времени оказался явно ошибочным. Для всех нас, кроме, пожалуй, егеря, такой маршрут был внове и, очевидно, требовал гораздо больше сил, чем

предполагалось. Необходим был отдых, часа два как минимум.

Все с наслаждением растянулись на траве у воды, лишь Гольцев направился вверх по ручью.

— Пойду гляну, что за теми останцами, — сказал он, махнув автоматом в сторону скал.

Останцы представляли собой два невысоких, бурого цвета каменных столба, между которыми бурлил маленький водопадик, продолжавшийся нашим симпатичным ручейком. Игорь обошел один из столбов и скрылся в густых зарослях. Через минуту он с треском выскочил обратно и закричал, подняв оружие над

головой:

— Отцы! Давайте скорее сюда!

И снова исчез среди деревьев.

Когда мы, вслед за Гольцевым, обогнули скалу, глазам нашим открылась удивительная картина.

Останцы закрывали вход в небольшой каньон, окруженный могучими высокими скалами. В центре каньона располагалось красивое озеро правильной круглой формы, как монетка. Из него и вытекал приведший нас сюда ручей. На дальнем от нас берегу озера стоял великолепный двухэтажный особняк, окруженный белой колоннадой. Диковато было видеть в глухой тайге такое чудо архитектуры!

Справа от дома находилась круглая забетонированная площадка с черным кругом посередине, очевидно место посадки вертолета. За домом, на опушке старого соснового бора, виднелась низкая темная рубленая часовня с православным крестом. Больше никаких построек, никаких дорог, даже тропинок не было видно. Дом и площадку окружал ковер густой роскошной травы.

Я взглянул на карту. Не должно быть здесь никакого озера.

— Это что за Швейцария? — Мишка ткнул локтем в бок егеря.

— Не знаю, не бывал здесь никогда, — растерянным голосом

пробормотал тот.

— Это резиденция Саманова. Любимое место отдыха старика. — Кедров раздвинул нас, шагнул вперед.

— Там есть сейчас кто-нибудь? — спросил я.

— Нет. Здесь люди появляются только тогда, когда прилетает Хозяин.

— А когда он прилетает?

— Трудно сказать. В ближайший месяц не собирался, насколько мне известно.

— Может быть, здесь подождем? Заодно и Хозяина этого распатроним! — Мишка рассматривал дом в прицел карабина.

— Хоромы — будь здоров. И
искать нас здесь вряд ли догадаются.

— Как вы оцениваете это предложение, Станислав Михайлович? — обратился я к Кедрову.

Тот усмехнулся:

— Я был бы не против подождать.

— Ладно, пойдем дом
посмотрим. — Я перешел ручей и
зашагал к коттеджу.

Нет, нельзя здесь оставаться. Неизвестно, когда этот Саманов прилетит, может, он сюда полгода не покажется. А вертолет Виктора — верная синица в руках.

Дом был заперт. Дверь

массивная, похоже, стальная под деревянной обшивкой. Ставни первого этажа плотно закрыты.

— Ну, ты, ублюдок. — Гольцев тряхнул Кедрова за воротник. — Есть внутри что полезного?

Кедров, отрицательно помотал головой.

— Нет, там пусто. Все с собой привозят.

Заниматься взломом этой крепости все равно не было времени. Я подошел к часовне, открыл низенькую дверь, заглянул внутрь.

На стене напротив входа висела всего одна икона. Оклада на ней не было. С растрескавшейся доски на меня глянули пронзительные,

жутковато живые глаза седобородого святого. Выражение его аскетического лица было холодным, казалось, губы вот-вот готовы сложиться в презрительную усмешку. Рука была поднята в благословляющем жесте, но какая-то неуловимая деталь сделала это движение почти угрожающим, создала ощущение, что не слова благословения, а сухой, отрывистый приказ выкрикнет сейчас этот странный старик.

Несмотря на пыль и копоть, покрывавшие доску, древние краски изображения сохраняли удивительно свежие тона.

Кроме этой иконы, в

полутемной часовне ничего не было. Я вышел наружу. Яркий солнечный свет заставил зажмурить глаза.

— Ну как изображение? Впечатляет? — Кедров закурил сигарету, прислонился к бревенчатой стене.

— Он что, религиозен, ваш шеф?

— Трудно сказать. Эта тема в разговорах с ним — табу. Вообще о проблемах культов говорить не любит.

— Странная икона.

— А это Саманов и есть. Вылитый!

— Как это? Портрет, что ли? Сам на себя молится или вас заставляет?

— Нет, вы не поняли. Это не портрет. Икона эта настоящая, весьма старая, может быть, даже древняя. Здесь скит недалеко был когда-то старообрядческий. Часовня — единственное, что от него сохранилось. Сюда, к дому, ее уже Саманов приказал перенести. А икону лет десять назад нашли на месте скита. Дед, что на ней изображен, поразительно на Саманова похож. И чем старше Владимир Георгиевич становится, тем больше сходство. Сейчас вообще как две капли воды.

— Мистика! Прямо Дориан Грей!

— Мистика, — согласился

Кедров. — Вообще про Саманова много разных небылиц ходит. Я давно его знаю, но откуда он возник, как поднялся, и для меня загадка. Если кто и знал подробности, так это Малышев. Но! «Иных уж нет, а те далече...»

— А может быть, это трюк, с иконой? Для поднятия авторитета?

— Может быть. Авторитет, правда, такой, что поднимать уже некуда.

Подошел Гольцев.

— Запалим, Серж, церквуху? Пусть гадам икнется?

— Сдурел? Дым из Покровского видно будет!

— И то верно. Но отметитья

все же надо. Игорь достал из кармана калашниковский патрон, воткнул его в торец черного от старости бревна и сильным ударом приклада вбил в дерево по самое донышко гильзы.

— Традиция. С Даманского. Чтобы не возвращаться, — пояснил он. — Ну что, уходим?

Уходим. Перевал впереди. Отряд быстро покинул живописный каньон.

Подъем на перевал был адски тяжелой дорогой. Единственно возможный путь пролегал по руслу ручья. Вода неслась вниз с бешеной скоростью и была просто ледяной. Камни на дне проворачивались под ногами, это приводило к частым падениям в обжигающе холодные

струи. Никто не разговаривал, даже материться не было сил. Сжав зубы, хватаясь друг за друга, мы упорно преодолевали упругое сопротивление потока.

Наконец ручей стал мелеть, а потом и вовсе скрылся среди мха. Низкорослый лес заметно поредел, уступил место густому кустарнику. А потом даже и мхи пропали. Кругом один камень. Еще одно усилие, и, подгоняемые порывами неожиданно поднявшегося сильного ветра, мы вышли на седловину хребта.

Крутой спуск вел вниз, к довольно широкой реке. Ее гул явственно доносился до нас. Судя по карте, это был Мурхой. Нам

предстояло форсировать его в месте, где карта давала отметку «брод, глубина 0,5–2,0 м».

С перевала был хорошо виден пройденный нами путь. Четко можно было различить скальную террасу, марь, поле кустарниковых зарослей. Только каньон под этим углом был почти незаметен — просто густое зеленое пятно среди серых полуразвалившихся скал. Нигде не было видно и следа движения.

Пока преследователи прилично отставали. В том, что погоня будет, у меня сомнений не возникало. Но здесь, на перевале, впервые появилась уверенность, что мы способны опередить людей

Саманова. Форa была приличная.

Первая переправа прошла удачно. Река в этом месте оказалась быстрой, широкой, но мелкой. Вода и до колен не доходила. Преодолев препятствие, мы вышли на пологий, поросший травой берег. В двух шагах от брода стояло древнее, покосившееся охотничье зимовье.

Не успели мы подойти к избушке, как в ближайших кустах раздался треск и два огромных марала пронеслись через поляну. Великолепные короны рогов на гордо закинутых головах, литые тела, красноватые в свете заходящего солнца, мощные стремительные движения — картина королевской

охоты промелькнула перед нашим восхищенным взглядом.

— Эх, Мишка! Какой трофей удрал!

— Не до них. Поспать бы часа три.

Да, умотал нас перевал проклятый.

Ночевать решили в зимовье. Какая-никакая, а все же крыша. Перекат, по которому можно перейти реку вброд, простреливается от избушки в любой точке. Ночи светлые, любое движение по броду заметно будет сразу. Кедрова связать, дежурство по очереди установить, и — спать. До рассвета.

Почти сутки мы добирались до

второй переправы, которую преодолели столь же успешно. Еще день потребовался, чтобы дойти до третьей. Эти маршруты не запомнились ничем особенным, кроме гигантского количества грибов в лесу.

Вдоль многочисленных тропинок, протоптанных таежным зверьем, на каждом шагу попадались «ведьмины кольца» — разросшиеся по спирали грибницы с десятками грибов разных цветов и размеров. Что-то вроде маслят и моховиков. Любимое лакомство оленей, как сказал егерь.

Как ни странно, мы сами почти не чувствовали голода — нервное

напряжение отбило весь аппетит. Участок перед третьей переправой, довольно сложный, мы прошли на удивление быстро, словно бы второе дыхание открылось. Но при взгляде на ожидающее нас препятствие оптимизм сразу погас.

Этот брод был не чета двум предыдущим. Глубина его явно превышала полтора метра. Хотя на дне просматривался каждый камешек, цвет воды был зеленоватый, густой. Казалось, что в месте, где нам предстояло форсировать реку, вода медленно, лениво плавится, но впечатление это было обманчивым. В ста метрах ниже по течению масса воды наталкивалась на острые

выступы порога угрожающего вида. Там стоял несмолкающий рев, фонтаны пены взлетали к небу, радужная пыль висела между зажавшими реку скалами.

Какая-то добрая душа натянула между двумя великанами кедрами канат, пересекавший реку. Но сделано это было давно. Толстая, почерневшая, подгнившая местами веревка почти касалась воды и выглядела очень ненадежно.

Первыми в воду вошли Бахметьев и Степаныч. Цепляясь за хлипкий канат, с трудом удерживая равновесие с помощью шестов, они медленно брели среди бурунов. Вот погрузились по пояс, по грудь, по

шею. Вот Степаныча на миг захлестнуло с головой! Мишка удержал. Вот их обоих оторвало ото дна, понесло на порог. Канат натянулся, как тетива лука. Неужели порвется? Нет, выдерживает! Ближе, все ближе они к берегу. Выбрались...

Вторым номером идут Игорь с егерем. Гольцев забрал у Кедрова сумки с золотом, связал ручки, повесил на свою мощную шею.

— Топиться собрался, Муму?

— Наоборот, сносить так не будет. Да и этот гусь живым нужен, заложник все-таки.

Пошли. Действительно, Игорь — как скала, прямо прирос ко дну. А егеря легкого почти по поверхности

болтает. Но держит канат, держит. Есть!

— Ну что, Станислав Михайлович, пора и нам. Нет уж, после вас, только после вас!

Почти до середины потока все шло нормально. Тяжело, конечно, ноги сводит от холода, но двигаться можно. Но вот вода до груди дошла, отрываюсь ото дна. Нет сил удерживаться на ногах, на веревку одна надежда. Кедров тоже болтается, как флаг на ветру. Перебираю канат, пальцы еле слушаются. Ну, еще метр, еще... Эх!

Совсем рукой было подать до берега, когда лопнул канат, не выдержал. Мишка навстречу

бросился, приклад протянул. Но куда там! Как на гоночной машине, я мимо него пролетел. Где-то рядом Кедров из воды показался, ртом воздух хватает, скрылся в пене.

На порог несет, пытаюсь грести, бесполезно... Мать твою...! Там еще и завал из бревен! Сейчас затянет! Нет, мимо проносит. Удар о скалу, еще, еще, еще! Воздуха бы глоток! Подбросило, вынесло на скользкий валун прямо посреди порога, пытаюсь удержаться. Ногти сорвал, а все без толку, дальше несет.

Вниз тянет, в глубину зеленую, в яму под скалой. Все, нечем дышать совсем, сейчас глотну. Нет, опять пробкой вверх, в фонтан пены, сальто

по камням. Все, на галечную косу вынесло, въехал на брюхе, как катер. Дышать-то как вкусно!

Отнесло меня метров на двести от порога, слава Богу, на нужный берег. Огляделся, Кедрова нигде не видать. Утоп, наверное, переводчик!

Недалеко от места моего «причала» ручеек в реку впадает, в отвесном берегу пещера какая-то, под пещерой что-то похожее на остатки лодки. Подошел. И точно — лодка. Долбленка из одного ствола. Дерево по структуре на тополь похоже. Сама лодка сгнила почти, а весло сохранилось.

Одежду надо отжать, зуб на зуб от холода не попадает. Только

разделся догола, сверху, с обрыва
Гольцев орет как медведь. Неглиже
мое смущает, что ли?

— Серж, живой! А мы думали
— все, каюк тебе!

— Кедрова нашли?

— Нет. Никто не видел, чтобы
он из порога выбрался. Туда сволочи
и дорога! Ну и крутило же тебя!

— Я тоже заметил.

Гольцев спустился на косу.

— Ребята сейчас костер
разведут, обсушимся. Смотри-ка,
пещера. А ну, глянем!

Согнувшись, мы осторожно
вошли под низкий свод. Пещера была
неглубокой, скорее, просто выемка в
скале. На полу, в центре, чернели

угли давнего костра. А рядом с костром, прислонившись спиной к стене, сидел человек. Точнее, то, что было когда-то человеком. Пустые глазницы коричневатого черепа, увенчанного остатками черных волос, удивленно глядели на нас.

Игорь ткнул покойника ногой. С легким шорохом тот опрокинулся, разом превратившись в бесформенную грудку истлевших костей и остатков тряпья.

— Давно здесь сидит! — сказал Гольцев и поднял с пола проржавевшее ружье.

— «Ман-ли-хер», — разобрал он еле видные готические буквы на коробке. — Немецкое, что ли?

— Австрийское.

— Ишь куда занесло. Ну и пусть догнивает. — Он отбросил винтовку в угол пещерки.

Остатки оружия ударились о стену, поднялась пыль, зашуршали камешки. К нашим ногам подкатилась цилиндрическая позеленевшая банка. Игорь поднял.

— Латунь. Герметичная, крышка на резьбе.

— Порох, наверное.

— Не, тяжелая! Ну-ка, выйдем на свет.

На солнце с трудом раскрутили цилиндр. Вытряхнули оттуда пару горстей мелких самородков.

— Эх, золото, золото. Какая ты

опасная игрушка! — Игорь взвесил находку на ладони, медленно высыпал самородки в ручей.

Желтенькие кусочки металла весело заблестели среди камней. Совсем безобидно...

— Одевайся, Серж. Пойдем к огоньку погреемся.

Только я сапоги натянул, как монотонный шум воды, бьющейся в пороге, перекрыла длинная автоматная очередь. За ней последовала пара коротких. Хлестко ударил Мишкин карабин.

Нет, не у костерка придется греться! Кажется, нас догнали.

Глава 20

КОНЕЦ КОМАНДЫ

Когда мы с Игорем добежали до места переправы, первое, что я увидел, был егерь Андрей. Он лежал ничком рядом со слабо дымившим костром. Так и не успел толком разжечь. Видимо, первая, самая длинная очередь целиком досталась ему. На спине штук шесть-семь пулевых отверстий. Больше у костра никого не было видно.

Только я хотел к нему броситься, как из куста кто-то прыгнул на плечи, свалил меня лицом в мох, прижал к земле плотно.

— Не дури, Серега, поляна вся простреливается, — хрипло прошептал Мишка в самое ухо.

— Они на нашем берегу?

— Нет, не перешли речку. С горы стреляли. Три ствола минимум. Андрюху сразу достали. Мы со Степанычем успели отвалить. Одного я, кажись, прихватил. Но не уверен, кусты густые там.

— Трудно им будет перейти, здесь неделю держаться можно.

— Где-нибудь в другом месте переправятся. А держаться было бы можно, только нечем. Патроны вместе с Кедровым утонули, твой автомат там же, на дне. У меня к карабину семь штук осталось, у

Степаныча — одна обойма, у Андрюхи, бедняги, — один рожок, да и у Игорька, наверное, не густо. Уходить надо, и побыстрее.

— Обидно. Совсем рядом уже Гутары. Часов через десять-двенадцать Виктор должен борт подогнать.

— Серж, до темноты нужно подождать, и бегом в Гутару. Ночью они не решатся реку переходить, запас времени у нас будет. Андрюха говорил, что отсюда до поселка есть мощеная тропа.

— Как — мощеная?

— Ага, зэки тротуар сделали. Из лиственничных плах.

— Зачем это?

— А зачем каналы рыли? Кто каналы рыл, а кто тропы оленьи в горах мостил. Для занятости, наверное.

До заката наши преследователи предприняли только одну попытку форсировать реку. Четыре человека разом выскочили из зарослей и, открыв бешеный огонь, бросились к воде. Пули взрывали мох на поляне, срезали ветки над нашими головами, с визгом рикошетили о валуны, но стрельба была не прицельная — нас они видеть не могли. Мишка одним выстрелом прекратил этот нелепый штурм. Первый, что добежал до воды, так в реке и остался, остальные развернулись и мигом исчезли в

прибрежных кустах.

Через несколько часов после атаки совсем стемнело. Мы собрались на краю поляны, под прикрытием огромных кедров.

— До рассвета они не высунутся. — Гольцев сосредоточенно считал патроны. — Восемнадцать штук всего...

— Их там только три человека, — сказал Степаныч. — Можно до утра подождать и всех уделать на переправе.

— Неизвестно, сколько их к утру наберется, да и вертолет можем упустить. Надо уходить. Что с егерем делать будем? — Я взглянул на неподвижное тело у так и не

разгоревшегося костра.

— А чего сделаешь? — Игорь встал, вставил снаряженный магазин в автомат. — Копать нечем да и камень здесь один подо мхом. Пойдем проспект искать.

Дорогу, о которой упоминал егерь, мы нашли довольно быстро. Тропа шириной метра в два была действительно когда-то замощена отесанными плахами. Через мелкие ручьи были переброшены мостики, даже остатки перил сохранились на трудных участках, там, где тропа прижималась к скалам.

«Тротуар» местами сгнил совершенно, кое-где его вообще смыло, на мостики было просто

страшно ступать — трухлявый настил грозил каждую секунду провалиться. Был момент, когда Бахметьев, шедший впереди, с треском ушел в прогнившие плахи почти по пояс. Но одно было хорошо — с этой дороги нельзя было сбиться.

Ночь выдалась темная, ветреная. Звезды редко появлялись среди стремительно несущихся облаков, видимость была очень плохая, и если бы не тропа, то не дойти нам к рассвету до поселка.

Наконец, когда на востоке уже появились розоватые отблески зари, мы вышли к Гутарским озерам, еще пара часов напряженной ходьбы — и

вот уже стал виден поселок. Пятнадцать-двадцать домов были разбросаны на ровном, поросшем травой плато, за которым возвышались покрытые густым хвойным лесом горы Тартинского хребта. По случаю раннего часа людей в поселке не было видно. От домов нас отделяла река Гутара, через которую на стальных тросах был перекинут подвесной мост. Прямо к мосту нас и вывела мощеная тропа.

Было уже совсем светло, когда мы вступили на раскачивающийся от сильных порывов ветра настил. Мост был длиной метров тридцать-тридцать пять и, хотя все несущие

конструкции были порядком проржавевшие, выглядел вполне надежно.

Стараясь удержать равновесие, хватаясь за тросы, оставляющие в ладонях массу мелких проволочных заноз, мы перешли на другой берег реки и двинулись к поселку. Теперь от ближайших построек нас отделяла сотня метров ровного поля с редкими глыбами серых валунов. Сзади раздались крики. Все обернулись.

Степаныч задержался на мосту. Он шел последним, отстал, да и удерживаться ему было труднее всех — раненая рука почти не действовала. Теперь он стоял к нам спиной, на самом краю моста,

просунув левую руку в сплетение тросов, а правой вытаскивал из-за ремня пистолет. А с другой стороны реки к нам бежали вооруженные люди. Их было много, больше полутора десятков.

Вот уже первые двое, мешая друг другу, влетели на раскачивающийся мост. Степаныч вытянул вперед руку со «стечкиным» и нажал спуск.

Я видел, как дергается тяжелый пистолет, как кувыркаются в воздухе и падают на настил моста желтые гильзы, только звуки выстрелов до меня почему-то не доходили. Секундой позже я осознал, что сам истошно ору. Еще мгновение — и на

мосту все было кончено.

Степаныч успел выпустить всю обойму — все четырнадцать штук, что у него были. Одной очередью, не отпуская палец от гашетки. Первый из атакующих и получил всю эту порцию, остался лежать на мосту, свесившись с узкого настила. Второй успел прыгнуть в воду. Пролетев метров десять, он упал на выступающие из мелкой воды камни и, вяло извиваясь, пополз к берегу. По Степанычу разом ударил десяток стволов. Рука его застряла крепко, он не упал, повис на тросах, вздрагивая от попадавших пуль.

Зрелище этого расстрела вывело нас из шокового состояния, мы

рассыпались по поляне, укрывшись за валунами. Человек пять атакующих бросились на мост, один из них пинком отправил в реку тело своего коллеги, застреленного Степанычем. Остальные спустились к воде и, развернувшись цепью, переходили речку вброд.

— Бегите к сараям! — закричал Бахметьев. — Я задержу их на минуту!

Мы с Игорем вскочили и, пригнувшись, побежали через поляну. Сзади вспыхнула короткая перестрелка. Звук выстрелов карабина Бахметьева четко выделялся на фоне треска автоматных очередей.

«Раз, два... — считал я его выстрелы на бегу. — Шесть!»

С ходу я плюхнулся на землю, перекатился за валун и развернулся, изготовившись к стрельбе. Краем глаза я заметил, что Игорь укрылся за соседним камнем.

Между Мишкиной позицией и мостом не было видно ни одного тела. Зато на мосту, кроме Степаныча, лежали трое. Попал ли Бахметьев еще в кого-нибудь, я не понял, но было очевидно, что через мост он не пропустил никого. Убедившись, что мы с Игорем можем обеспечить ему прикрытие, Мишка вскочил и припустил к нам, зачем-то прижимая к груди бесполезный

карабин. Патронов, по моим подсчетам, у него не должно было остаться.

Он и пяти шагов не пробежал, как из-за кромки берега показались несколько человек и на бегу открыли стрельбу. Мы с Игорем ответили одиночными. Люди Саманова залегли, но огонь не прекратили. Патронов они не жалели, пальба стояла непрерывная. Мишка был уже почти у нашего укрытия, когда пуля, а может быть, сразу несколько попали ему в спину. Пролетев пару метров, он рухнул ничком — и больше ни одного движения...

— Серж, давай беги, может, успеешь за сарай. — Игорь, не

оборачиваясь, толкнул ногой в мою сторону сумки с золотом.

— Х... там делать? — Я не спускал глаз с берега. Вот сейчас гады должны подняться...

— Беги, я говорю! Может, из поселка кто подойдет.

— Смеешься, что ли? В поселке все прижопились — такая стрельба идет!

— Пошел отсюда быстрее! — Игорь дал короткую очередь.

Атака возобновилась.

А может быть, он прав? Хотя какая-то отсрочка. Повесив на шею автомат и подхватив обе тяжеленные сумки, я бросился к бревенчатому складу. Сзади застучали частые

выстрелы. Когда я уже почти добежал до угла, кошмарной силы удар обрушился под левое колено. Даже ощущения боли сперва не было, а только чувство жуткого удара — как будто рельс упал на ногу. Не выпуская из рук сумок, я свалился, разбив лицо о чертов автомат, и, собрав последние силы, рывком закатился за сарай. Посмотрел на колено.

Штанина уже вся была пропитана кровью. Я разрезал ее и, стараясь не глядеть на рану, перетянул ногу у паха импровизированным жгутом. Все равно кровотечение было обильным.

Стрельба на поле все еще

продолжалась. Я осторожно выглянул, потянул на себя автомат. Игорь был уже почти окружен. Атакующие приближались к нему с трех сторон, короткими перебежками. Поворачиваясь то влево, то вправо, Гольцев стрелял одиночными. И вдруг отбросил автомат и поднялся. Кончились патроны.

В двадцати метрах от него из травы встали несколько человек и не спеша двинулись вперед. Дождавшись, когда они подойдут ближе, Гольцев выхватил охотничий нож, но тот, кто шел первым, дал короткую очередь, и Игорь опрокинулся навзничь, ударился

спиной о камень и замер неподвижно.

Поймав в прицеле бородатую рожу, я выдохнул и нажал на спусковой крючок. Автомат дернулся, выпустил три-четыре пули, и затвор остановился в крайнем положении. Ну вот, и у меня — пусто. А все же не промахнулся я напоследок. Убийца Игоря мешком осел на землю. Остальные залегли рядом. Пули глухо ударяли в бревна, сыпались щепки, какая-то труха. Сейчас они увидят, что я не отвечаю, и снова двинутся вперед. А я даже встать не могу. Стрельба прекратилась.

Догадались, похоже, парни. В этот момент над поляной пронесся

вертолет.

Странно, я совсем не слышал, как он подлетел. Обычно гул вертолетного двигателя доносится издалека. Но то ли стрельба заглушала, то ли он шел на низкой высоте по распадку и горы не давали распространиться звуку, а только появление его было совершенно неожиданным.

Маленькая машина, «двоечка», МИ-2, зависла над моими преследователями. Те, стоя на месте, задрали головы и рассматривали вертолет. Им было пока невдомек, откуда взялся и кому принадлежал сей винтокрылый аппарат. Боковая дверь открылась, и в проеме

показалась рыжая бороденка Соколова. Выставив из люка два полуавтоматических дробовика, он стал поливать любопытствующую публику зарядами картечи. Все бросились врассыпную. Им только на ноги и оставалось рассчитывать. Не заляжешь за камушком, сверху все просматривается.

Вспышки выстрелов из люка прекратились. Борт поднялся выше и пошел на круг. Видимо, Виктор расстрелял оба магазина и сейчас перезаряжался. Со страшным усилием я отлепился от стены и, волоча непослушную ногу, выполз на открытое пространство. Бросив на землю проклятые сумки, я сорвал

куртку и завертел ею над головой.

Несколько человек, отбежавших было к краю поляны, развернулись и бросились ко мне. Но вертолет уже завершил круг и снижался рядом, подплывая ко мне бортом с открытой дверью.

Снова заухали дробовики, завизжала картечь по камням. Уже не обращая внимания на то, что творится на поляне, я забросил сумки в вертолет.

Сильные руки схватили меня за пояс, и машина рванула вверх. Несколько мгновений я болтался между небом и землей, но наконец был втянут на борт и растянулся на подрагивающем полу среди десятков

резко пахнувших охотничьим порохом двенадцатикалиберных гильз...

Прошло не меньше часа с тех пор, как мы покинули Гутары, а потрясение от боя все никак не оставляло Виктора. Он говорил без умолку, пилот тоже что-то кричал, но из-за гула мотора слышно было плохо. Я сидел в каком-то оцепенении и пытался сосчитать стреляные гильзы на полу. Папковые гильзы были красного и зеленого цвета, от тряски вертолета они все время перекатывались, и несколько раз я сбивался со счета. В глазах все время стояла какая-то резь. Наконец Соколов замолчал.

Подняв голову, я увидел, что он

пристально смотрит на меня.

— Сильно болит? — Виктор кивнул на мою вытянутую ногу.

— Почти ничего не чувствую.

— А! — Он опять странно взглянул на меня. — Сколько здесь?

Он приподнял вишневую сумку.

— Около сорока. По двадцать в каждой сумке. Может, чуть больше. Мы сейчас в город летим?

— В город? Ну, нет! В этом городе тебе уже до самой смерти показываться нельзя. Там все третий день на ушах стоят, я сам еле вырвался. Осада полная, ей-богу! Сядем на лесовозную трассу, там Карманов на «уазике» дожидается, и на Иркутск, на байкальские

просторы. Железная дорога и аэропорты уже не для нас. Попытаемся окольными путями, через тайгу выбраться.

— А почему не вертолетом?

— Через зоны ПВО не пройдем, да и горючки — кот наплакал.

— А дальше-то что?

— А хрен его знает! Сам толком не придумал еще. Может, и вывернемся. До Иркутска только бы добраться, там есть свои люди, хирурги тоже есть. Сильно болит?

— Я же говорю — не чувствую почти ничего.

— А слезы чего ж?

Я провел рукой по лицу. Действительно, мокрая ладонь.

Отвернулся. За стеклом бокового блистера — горы, горы, темная тайга до горизонта. Прижался лбом к холодной окантовке иллюминатора. Эх, ребята... Глаза опять заволокло туманом. Гул мотора стал нарастать, становился все громче, громче... Дальше не помню ничего, в себя пришел я уже в Иркутске.

Глава 21

ФИНЛЯНДИЯ.

ТУРКУ ДВА ГОДА

СПУСТЯ

На презентации компании «Golden Mountain Ltd.» собралось довольно много народу. Если считать с представителями прессы, то человек пятьдесят в зале отеля «Hilton» набралось, не меньше. Официальная часть уже закончилась, Виктор только что произнес финальный спич и непринужденно раскланялся под аплодисменты

публики. Забавное сочетание неизменной рыжей бородки и роскошного смокинга придавало ему несколько экзотический шарм, и он, отойдя от микрофона, тотчас же оказался в пестром цветнике. С сытой улыбкой обласканного жизнью кота озирает он окружающие его прелестные декольте. Окончание сегодняшнего дня предоставляло господину президенту и главному учредителю широкие возможности для приключений.

Я, с бокалом в руке, прохаживался среди гостей, поддерживая мимолетные беседы. Четыре операции на колене так и не устранили полностью хромоту, хотя

нога работала уже довольно прилично. За два месяца, которые мы пробыли здесь, в Турку, я ни одного дня не провел без бассейна, и даже кроссы начал бегать помаленьку. Но все равно хромота еще была заметной, и я, как некий Мефистофель, скользил среди праздных посетителей, перебрасываясь вежливыми фразами и налегая на мартини.

Прошло уже почти два года после кошмарного окончания нашего саянского похода. Иркутск и Находка, Гонконг и Манила, Дели, Каракас, Гамбург и другие города и дороги, комфортабельные лайнеры и пропыленные джипы,

пятизвездочные отели и грязные портовые ночлежки, мятые пятнистые куртки со следами оружейного масла на карманах и тысячедолларовые костюмы от лучших фирм, изысканные вина и плохо очищенный тростниковый самогон. И люди, люди, продаваемые и покупаемые, оптом и в розницу, по дешевке и дорого, а также те, кого нельзя было купить ни за какие деньги, кроме очень больших. Масса событий, прогнозируемых и невероятных совершенно — все вместил в себя фантастический калейдоскоп этих двадцати четырех месяцев.

Рассыпалось по планете золото

Бирюсы. Нет теперь его, а может, и не существовало никогда. Вот разве что слабый, призрачный след легким мерцанием блеснет то на рыбацкой шхуне, то в задымленной кухне китайского ресторанчика, то в респектабельном хранилище австрийского банка. Но все реже, реже. И слава Богу! Сколько труда потребовалось, чтобы навсегда погасить эти отблески. Чуть-чуть еще колеблется желтоватое мерцание на солидных пакетах доходных акций азиатских и европейских авиакомпаний, и, может быть, последняя искорка радостно вспыхивает на большом круглом значке, что прикреплен сейчас к

лацкану моего клубного элегантного пиджака — золотые буквы «GM» на фоне черной скалы. Но это всего лишь фирменная эмблема компании, где я — младший учредитель. Лес, лесопродукты, знаете ли. Экспорт-импорт, переработка. А также торговля соответствующим оборудованием.

— Мистер Родригес! Для вас. — Представитель вышколенной obsługi отеля, затянутый в темно-красный фрак, вежливо, с достоинством поклонился, протянул на маленьком подносе визитку.

Да, да, Родригес, конечно. Точнее, Серджио Родригес. И еще несколько испанских имен в

промежутке между «Серджио» и «Родригес», которые я никак не могу запомнить. Так гласит надпись около фотографии вашего покорного слуги в красивом венесуэльском паспорте. Кто же это там без приглашения, но страстно желающий видеть мою преуспевающую персону?

Ах вот как?! Хотя я уже удивляться почти разучился, но это — сюрприз! Да еще какой! Пора мистера Ирелайнена из цветника выдергивать. Потомственный житель страны Суоми по-родному, по-фински ни в зуб ногой, впрочем, и у Родригеса с испанским туговато, как-то подзабыли ребята языки предков, но вторая сторона карточки на

английском, здесь мы вполне разобрать можем.

Что, месье Ирелайнен, сошел румянец розовый с личика? Пора, Дон-Жуан, пора. Каменный гость на пороге! Хотя образ мне ближе, это ведь я испанских кровей...

«Stanislav M. Kedrov, commercial expert...»

Да, нагрянул «expert». С того света.

— Что делать будем? — На лице Виктора застыла напряженная улыбку.

— Пойду поговорю. Да перестань ты скалиться так. На Дракулу похож.

— Генриха с собой возьми. У

тебя оружие есть?

— Откуда? Здесь не Венесуэла, неужели ты думаешь...

— Забыл, каков на вкус этот фрукт? Если он в холле не один — мигом назад. Может, прямо сейчас полицию предупредить?

— О чем? Наверняка он здесь легально. Ладно, оставайся с гостями, я пойду посмотрю. Где наша не пропадала. Эй, Генрих!

Подошел Генрих, он же Евгений Карманов. Глава нашей службы безопасности. Лицензия соответствующая, «люгер» девятимиллиметровый на вполне законных основаниях в кобуре под блейзером прячется. Я карточку ему

показал, молодец, сразу все понял, эмоций почти никаких, только перекосило слегка.

— Pardon, mister! Sorry, lady...

Выходим.

Лестница вниз, один пролет, десять ступенек, ковер желто-коричневый. Внизу холл небольшой, уютное розовое освещение. В холле четверо. Холуй в красном фраке возле мини-бара и три элегантных господина в темном. Станислав Михайлович собственной персоной на фоне двух плечистых толстошеих амбалов.

Я остановился на лестнице. Карманов замер рядом. Кедров шагнул вперед. Рука Женьки

скользнула под пиджак. Жест этот синхронно повторили два крепуна. Краем глаза замечаю оторопевшее лицо холуя. Насмотрелся, поди, фильмов с мафиозными разборками, сразу уловил колорит сцены. Но стоит фрак, на пол не бросается. Во выдержка, а? Школа!

Нет, поднял Кедров ладонь вверх. Крепуны руки из-под фалд вытащили. Пустые руки.

— Рад вас видеть, Сергей Александрович! — И голос у Кедрова по-прежнему сладко-вежливый.

— Вы разве не утонули, любезный? — схамил я.

Кедров поморщился, огорченно развел руками.

— Ну зачем вы так? Между джентльменами не должно...

— Вашим «джентльменам» я обязан хорошей дыркой. Из тех, что делают не шилом, — перебил я его.

— Сергей Александрович! Ей-богу, жаль терять время на старые счета. Нам необходимо поговорить.

— Нам не о чем разговаривать, любезный!

— Ошибаетесь! Ну-ка, взгляните! — Кедров сделал знак ближайшему крепуну, тот подошел ко мне и протянул фотографию.

Дешевый «полароид». На снимке моя жена и дочь около нашего дома в Гетеборге. Ниже коряво нацарапан карандашом адрес.

— Есть предмет для разговора? — спросил Кедров, виновато улыбнувшись.

«Ах ты, сука!» Но это я уже про себя произнес. А вслух вежливо:

— Прошу!

Уединились мы с ним в маленькой курительной комнатенке, недалеко от банкетного зала. «Генрих» с крепунами остался в коридоре. Друг у друга опыт перенимать будут. Кедров похозяйски расположился у маленького столика, достал из кейса какие-то документы.

— Угостили бы чем-нибудь! — сказал он, добродушно улыбаясь.

Да, выпить, пожалуй, не мешает.

Я взял с поставца бутылку джина «Гордон».

— Подойдет?

— Вполне. Лед и тоник, пожалуйста.

— Пожалуйста. А мне и так сойдет. Что с моей семьей?

— Ничего! — Кедров сделал удивленные глаза. — Поверьте, абсолютно все в порядке!

— Где они?

— Дома, в Швеции. Где им и положено быть. Мы их даже оберегаем. Незаметно.

— Что вы хотите?

— Уже слышу речь делового человека. — Кедров отхлебнул из стакана. — Но не торопитесь, Сергей

Александрович, разговор будет долгий. И не легкий.

— Послушайте, вы! Ваши люди убили моих близких друзей! Я не испытываю никакого желания трепаться с вами за бутылкой. Говорите, что надо, обсудим, и проваливайте!

Кедров поставил стакан на стол и посмотрел на меня. Долго смотрел. Взгляд его стал очень-очень холодным, мне показалось, что в глубине глаз, на самом дне, плеснулась ненависть.

— Это вы послушайте! — Голос Кедрова стал резким, с металлической ноткой. — Вы и ваши парни прикончили в горах

семнадцать моих людей. Семнадцать! Не считая тех двух, в городе. Среди этих семнадцати была женщина, которая... Ну ладно, это ни к чему. Так что мой счет побольше вашего будет. И затеял всю эту историю не я, прошу заметить.

Ах да! Та рыжеволосая мадам! Ну ладно, пожалуй, Кедров в чем-то прав. Эмоции побоку, теперь мы деловые люди.

— Что же вам нужно?

— Если коротко, то мне нужно, чтобы вы сегодня ночью вылетели вместе со мной в Москву.

— Ну, вы шутник! Может, мне лучше прямо здесь повеситься?

— Не надо ерничать. Я вас не на

плаху приглашаю.

— А куда, позвольте полюбопытствовать? В Большой театр?

— С вами хочет познакомиться Саманов. Лично.

— Какая честь! Польщен! А в результате знакомства что? Скромная урна в Николо-Архангельском? Или случайный наезд асфальтового катка на мой велосипед?

— Сергей Александрович, мы отслеживаем ваши похождения довольно давно, примерно с Каракаса. Надо сказать, что мы некоторым образом даже восхищены. После Тофаларии вы растете прямо как на дрожжах.

— Ну и что же?

— Ну неужели вы думаете, что мы позволили бы вам так весело кувыркаться, не будь у Саманова на вас определенных видов?

— Эту песню вы оставьте. Ручки коротковаты!

— Да, до вас иногда трудно было дотянуться. Но до них — в любой момент. Как и сейчас. — Кедров бросил на стол пачку фотографий. — И в Москве, и в Воронеже, и в Питере, и в Гамбурге, и в Швеции.

Он тасовал снимки, как колоду, показывая мне то один, то другой. Он был прав.

— Саманову не нужна моя

голова?

— Нет. Наоборот, он приглашает вас к альянсу. Заметьте, именно в тот момент, когда вы достаточно укрепились.

— То есть?

— Ваша «GM» войдет в контролируемый Самановым картель. Он сам получит двадцать пять процентов и займет пост в совете директоров с правом контроля всех финансовых операций. Работать будете через те банки, которые укажем мы.

— Во искупление наших грехов?

— Нет, грехи списаны. Старые. Взамен компания получит деревообрабатывающий комбинат в

Карелии. За чисто номинальные деньги.

— Солидный взнос. И это все?

— Это все — ерунда. Главное заключается в том, что Саманов хочет сделать специальное предложение. Лично вам.

— Какое?

— Он сам введет вас в курс дела. Я не уполномочен. Надо лететь в Москву, Сергей Александрович. Все формальности и возможные недоразумения будут улажены нами.

— Мне надо посоветоваться с Виктором.

— Советоваться ни к чему. Просто поставьте компаньона вашего в известность. Выбора, как вы могли

уже заметить, у вас нет.

— Когда-то вы говорили, что выбор всегда есть.

Кедров серьезно посмотрел мне в глаза. Взгляд его уже набрал привычную теплоту, голос постепенно снова стал мягким.

— Да, выбор есть почти всегда. Но не сейчас. Поверьте.

— Да уж верю.

— Прекрасно. Вылет в четыре утра. Давайте сюда вашу венесуэльскую липу. Я сам все сделаю. Ждите в отеле, я пришлю за вами машину. До свидания.

Кедров встал и небрежно протянул мне руку. Как давно знакомому коллеге. Вот те раз!

Неужели мы теперь действительно
союзники? Чудны дела твои,
Господи!

Поколебавшись, я пожал его
небольшую теплую ладонь.

Глава 22

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В аэропорт мы ехали на 700-м БМВ. Какое, однако, постоянство в пристрастиях обнаруживает Станислав Михайлович! Ехали мы молча. Устал я от этой презентации и, кемаря на комфортабельном сиденье баварской колесницы, прокручивал в памяти разговор с Соколовым.

Нам обоим были непонятны действия Саманова. Если им руководило чувство мести, то к чему

было затевать такую сложную комбинацию? Нанять киллеров можно везде, тем более с его-то возможностями. Контроль за карельским комбинатом потенциально стоил дороже четверти нашей компании, но только потенциально. Те связи, что оставались у нас в России, были слишком слабы, чтобы осуществлять необходимый надзор над деятельностью этого крупного предприятия. Контроль над контролем, так сказать. Организация новых связей требовала денег, пока неизвестно каких. И что это еще за конфиденциальное предложение лично мне? Вопросы, вопросы, а

ответов — шиш...

Одно только обстоятельство не вызывало сомнений — Саманов крепко взял нас за горло. Точнее, меня взял. Виктор при всей своей страсти к слабому полу семьей обзавестись еще не успел. Я попросил Карманова сразу после моего отъезда вылететь в Гетеборг и пожить в моем доме, не объясняя семье истинной причины. Но это было очень слабым ходом. Так, чуть-чуть душу облегчить.

Наличие в тылу таких заложников означало, что мне априори придется соглашаться с любыми требованиями. Вот только чего же хочет Саманов? Может,

Горбачева предложит похитить? Или стратегическую шахту захватить? Самое печальное, что какой бы идиотский план ни впрыгнул в его престарелую башку, мне остается только послушно его выполнять. Но почему именно я? Своих людей у него мало, что ли?

Предаваясь этим невеселым рассуждениям, я потихоньку заснул, и разбудил меня Кедров уже в аэропорту. Весь перелет до Москвы я тоже мирно прохрапел. В процессе всех происходящих со мной приключений я приобрел очень ценную способность произвольно отключаться в любых, иногда совсем не подходящих для этого местах. И

спать крепко и безо всяких сновидений мог по пятнадцать часов в сутки. Была бы только возможность. Добрый сон на корню изничтожал всякие зародыши неврозов, и нервы стали, что твой манильский трос. Хотя по жизни вроде бы наоборот должно быть.

В Москву прилетели поздним утром. В зале аэропорта к нам бодрой походкой зашел человек в милицейской форме. Спросонья не разглядев, кто это, я уже подумал было, что путешествие мое окончилось, толком не начавшись. Но тут, придерживая разлетающиеся полы плаща, он подошел ближе, и я приободрился. Этот заметно

раздобревший чин был мне очень хорошо знаком.

— Приветствую, Станислав Михайлович! — Уколкин пожал протянутую Кедровым руку. — С добычей, как я вижу?

Последняя фраза мне очень не понравилась, но, как оказалось, это был простой милицейский юмор. Уколкин вежливо мне кивнул и тоже пожал руку. Поздоровавшись, я показал на его плечо и заметил:

— В следующий раз увижу вас генералом.

— Не исключено, Сергей Александрович, не исключено! — Уколкин с видимым удовольствием коснулся подполковничьего

погона. — Ну, прошу, машины ждут.

Нас ожидали две машины — неизменный темносерый БМВ и давно знакомая белая «Волга». Водитель только сменился.

Вскоре мы уже были на Новослободской улице, потом, петляя в каких-то переулках, подъехали к странному дому, очень похожему на сталинские «высотки», только как бы с отрезанной верхней половиной.

В подъезде, среди фикусовых зарослей, возлежал на продавленном диванчике некий мордоворот. Увидев нас, он вскочил, словно подброшенный пружиной. Уколкин небрежным жестом усадил его

обратно.

Поднявшись на архаичном лифте на шестой этаж, мы оказались на хорошо освещенной лестничной площадке, куда выходили всего две двери.

Уколкин нажал кнопку звонка. Одна дверь распахнулась, обнаружив подтянутого крепуна в спортивном костюме. Почти одновременно открылась и вторая. За ней так же оказался крепун, правда одетый официально и при галстуке. Спортсмен молча отступил в глубь квартиры, жестом приглашая нас войти.

В сопровождении атлета мы прошли по длинному, полутемному

коридору и оказались в большом зале с «фонарем» на три окна. Стоящий возле фонаря человек обернулся. Это был Саманов.

Нет, нельзя сказать, чтобы он сильно походил на изображение на иконе, виденной мной когда-то в горах в старой часовне. Это, конечно, было преувеличением. Никакой бороды, серебристые от седины волосы просто и коротко пострижены. Лицо худое, черты резкие. Воротник белой рубашки распахнулся, открыв загорелую, морщинистую шею. Заметно чувствовался возраст, хотя и сила в этом человеке ощущалась тоже.

Вот только глаза... Глаза

действительно были похожи. Взгляд этих светлых, каких-то водянистых глаз пронзил меня насквозь.

— Рад вас видеть, господа. Прошу, присаживайтесь, — раздался резкий, с металлическим оттенком голос.

Мы расселись у небольшого круглого стола, накрытого весьма скромно.

Во время нашего недолгого обеда Саманов завязал непринужденный разговор на абсолютно нейтральные темы. Что-то о политике, об охоте — так, отовсюду ни о чем, на уровне газетного трепа. Я голос подавал редко, больше слушал. Но слушать

было, ей-богу, почти нечего.

Когда покончили с кофе и ликерами, Саманов встал, прервав жестом какие-то охотничьи похождения Уколкина.

— Сергей Александрович! Мы вынуждены вас покинуть, дела. Вы останетесь здесь. Располагайтесь как дома. Завтра утром у нас с вами состоится... беседа. А пока отдыхайте.

Слова прозвучали отрывисто и сухо. Приказ. Саманов отвесил мне легкий поклон и быстро вышел. За ним попрощались и остальные. На минуту я остался один, допил кофе. Вошел атлет.

— Позвольте, я покажу вам

комнату.

Я позволил.

Комната оказалась небольшой, обстановка — так себе, ничего оригинального. Я включил телевизор и завалился на диван. Страна переживала очередную драматический момент — беспардонная депутатская болтовня навязчиво текла по всем каналам. Когда слушать это стало невмоготу, я поплелся на кухню.

Спортсмен сосредоточенно жарил телячью отбивную. Сходя в столовую и забрав оттуда бутылку ликера, я было попытался разговорить его. Куда там! Малый только жевал, как аллигатор, и на все

мои вопросы отвечал односложно и не информативно. От спиртного он отказался.

Бросив попытки вступить в контакт, я походил немного по квартире. Обстановка заставляла предполагать, что Саманов по натуре аскетичен — никаких особенных изысков, более того, почти пусто. Квартира была свежотремонтированной и чистой, но ничего не говорило в ней о пристрастиях хозяина. Одна из пяти комнат была заперта, замок был кодовый — шесть кнопок с цифрами. А может быть, это и не Саманова вовсе квартира? На этот вопрос мой чемпион только пожал плечами.

Поговорили...

Я залег в своей комнатенке и отрубился под очередной призыв хитрого грека из телевизора кого-то там поддерживать.

Проснулся я от того, что молчаливый атлет энергично тряс меня за плечо. За окном было светло. Продрав глаза, я уставился на мой будильник.

— Владимир Георгиевич вас ждет!

— Чертовски длинная фраза! Кофе есть?

— Да.

— Вот это другое дело! Знакомый лапидарный стиль. Пошли, спартанец.

Саманов ждал меня в столовой. Одет он был весьма демократично — в потертый джинсовый костюм. Улыбнувшись, кивнул. Молча подождал, пока я проглочу легкий завтрак.

— Прошу за мной, — прозвучало, как только я опустил чашку на стол.

Мы подошли к запертой комнате. Саманов несколько раз щелкнул кнопками, дверь открылась. Протянув руку, он нащупал выключатель, комнату залил яркий свет люминесцентных ламп, сплошной цепочкой расположенных под высоким потолком по всему периметру помещения. Да, это было

место для работы.

Торец комнаты полностью закрывала темная штора. На нескольких столах, расположенных вдоль стен, стояли факсы, модемы, телефоны, пара современных компьютеров с хорошо развитой периферией. Стены комнаты были увешаны стеллажами, наполненными папками, кляссерами, кассетами.

И только одна вещь создавала странный диссонанс этой деловой канцелярской обстановке. На стене справа, над полками с документами, на двух медных консолях висел старый, с облезлой ложей и стершимся воронением, русский карабин — укороченная

трехлинейка. На вид этот трофей имел лет пятьдесят верных.

Рядом с карабином на стене была прикреплена фотография. Что-то очень знакомое показалось мне в этом невзрачном пейзаже. Да это же Покровский! Похоже, что снимок был сделан с вершины сопки, нависающей над поселком. Только снимали давно. Домов побольше, чем в то наше посещение, и автомобиль на улице — какое-то старье типа ЗИЛ-53, таких уже лет тридцать не выпускают.

— Мой личный кабинет, — отрекомендовал комнату Саманов. — Прошу вас сюда.

Он подошел к зашторенной

стене, потянул шнур. Темная ткань раздвинулась, но окна за ней я не увидел — стена была глухая. Всю стену занимал гигантских размеров планшет с разнообразными картами.

Включились специальные светильники. Подсветка сделала изображение на картах максимально четким. Я рассмотрел планшет. Что за странный салат! Какие-то районы Австралии, Заира, побережье ЮАР, Бразилия, наконец более знакомые мне Якутия и побережье Белого моря.

— Вас удивляет столь странное сочетание? — спросил Саманов, когда я закончил рассматривать карты.

Я молча пожал плечами.

— А тем не менее именно вы заставили меня собрать эту любопытную коллекцию!

— Неужели?

— Да, да, Сергей Александрович, именно вы. И причина вашего присутствия в этой комнате очень далека от Тофаларии, хотя я, конечно, внимательно следил за вашими похождениями в столь близких моему сердцу местах.

Скажу откровенно, вы сумели нанести мне немалый ущерб. Дело, конечно, не в самом золоте, вернее, не столько в нем. Ваша авантюра подняла такое цунами, что подавление этого информационного

шторма стоило мне целого состояния. Вы, наверное, в курсе, что один из ваших людей, офицер КГБ, или как там теперь его называют, оставил письмо с описанием цели и координат вашей злополучной экспедиции? Ну так вот, эта мина замедленного действия чуть было не снесла существенную часть моих построек.

Только благодаря известным событиям, в результате которых шеф этой славной конторы сам подсел на нары хлебать баланду, нам удалось вывернуться, но, повторяю, мы потеряли состояние, поверьте, мирового масштаба.

Как вы должны понимать,

безнаказанно такие вещи не проходят. Вам крупно повезло в горах, вы сохранили жизнь, но долго в таком состоянии я бы вас не оставил. Если бы не два обстоятельства.

Первое заключается в том, что мне импонирует ваша способность комбинировать факты и строить версии, имеющие хотя и мало общего с реальными событиями, но тем не менее приводящие к реальным результатам. И потом, своим наглым, беспечным авантюризмом вы чем-то напомнили мне меня самого, правда в гораздо более молодые годы.

Эта черта вообще превалирует в вашем характере, тут, я думаю, попал

в точку. Хотя я не дипломированный психолог, в отличие от вас, в людях разбираюсь. В силу жизненной необходимости. И подбираю по себе, уверен, что заметили. Так понимать и управлять легче. Но все это — лирика.

Мои симпатии не обеспечили бы вам права на жизнь, если бы в вашем досье я не натолкнулся на одну маленькую деталь. Незначительный, казалось бы, эпизод, но с очень богатыми последствиями. Вы даже не представляете себе, с какими последствиями! Проясним все по порядку.

Несколько лет, точнее, полевых сезонов вы проработали в этом

месте, верно?

Карандаш в руке Саманова осторожно коснулся кружка на карте Якутии.

— Да, радистом в геологии.

— Правильно. В силу своего мелкого служебного положения вы не могли иметь никакой серьезной информации об этом районе в целом и о характеристиках алмазных приисков в частности. Я имею в виду данные, представляющие серьезный коммерческий интерес.

Однако за продолжительное время своего пребывания в этом алмазодобывающем регионе вы нахватались различных слухов, нелепых версий, а иногда и фактов,

очень похожих на настоящие. Потом вы покинули этот район и почти забыли о нем. До 198... года.

«Так вот он куда гнет! — подумал я. — Откуда же ему известно?»

— Известно, Сергей Александрович, известно, — буквально прочитал мои мысли Саманов. — Очень много усилий потратили мои люди, чтобы собрать подробности о вашем так называемом репортаже. Подробности эти, надо сказать, сильный эффект производят. Я продолжу, и если ошибусь в деталях, прошу поправить.

Итак, в 198... году, когда,

образно выражаясь, гнет
большевизма стал спадать, вам
захотелось подзаработать. Основания
у вас некоторые были, и рынок вы
определили правильно. Информация!
У вас же был опыт походов в
таких местах, куда не только
иностраный журналист, а и свой
брат — советский борзописец
никогда не заглядывал. Только вот
информации-то серьезной у вас и не
было.

Всякие там записки охотника за
валюту не продать — вы не Тургенев.
И тут в вашей странной голове
родилась удивительная идея! Я не
буду углубляться в подробности, тем
более что они вам самому хорошо

известны, перейду сразу к сути. Так вот, вы вышли на контакт с представителем итальянского корпункта в Москве, некой госпожой ..., работающей в интересах еженедельника «Эспрессо». Контакт этот, надо сказать, был для вас весьма опасен, так как в то время вы являлись сотрудником режимного учреждения и давали соответствующую подписку. Вы предложили указанной госпоже купить у вас информацию о вторых по величине в мире алмазных приисках.

Она, естественно, отнеслась к вам очень настороженно. Ваша персона была абсолютно неизвестна

в этих кругах. Вы могли оказаться либо шарлатаном, либо провокатором КГБ. И она потребовала доказательств. И вот тут вы предприняли довольно дерзкий шаг.

В январе 198... года вы, используя связи своего нынешнего компаньона Соколова, вылетели в город Мирный и сумели сделать там серию действительно впечатляющих фотографий. Я их видел и, поверьте, оценил.

Конечно, ничего секретного в самих снимках не было. Но была великолепная панорама самого большого карьера — трубки Мира, были съемки алмазобогагательных

комбинатов,этаких гигантов из сверкающего металла,а на их фоне полуразвалившиеся бараки — обиталище людей, всю жизнь ходящих по миллиардам долларов! В тот год для западной прессы это был очень лакомый кусочек. Кстати, дорого продали? Я не знаю точной цифры вашего гонорара.

— Примерно две тысячи долларов. Но не наличными. Они мне дали видеокамеру.

— Ну вот видите! По курсу того года — двадцать тысяч рублей! При рыжковских-то ценах! Это ведь две госпремии. Хорошо сработали.

— Ну и что здесь вас так интересует? Все это дела давно

минувших дней.

— Э, нет, голубчик! Если бы вы продали просто эти снимки, то дело бы на том и закончилось. Но вы же всучили им сорок страниц машинописного текста с вашими, пардон, измышлениями. Вы же такую пулю отлили! Я, кстати, спросить очень хочу, а зачем, собственно, вы эту дезу стряпали. Из каких побуждений?

— Да это была просто шутка! Чтобы несколько оживить снимки.

— Шутка?! — Саманов посмотрел на меня как на редкий экспонат кунсткамеры. С некоторым даже восхищением и испугом одновременно. — Вы хоть

догадываетесь о цене этой шутки?

— Две тысячи...

— Да, Сергей Александрович, я, видимо, прав — вы, так сказать, кристалл, требующий огранки. У вас хватает фантазии слепить потрясающую утку, хватает наглости ее поджарить и продать, но последствия вы прогнозировать не в состоянии.

— Да какие могли быть последствия?

— А последствия были такие. Ваш «репортаж» не был опубликован. Он даже не попал в «Эспрессо», а попал он совсем в другие руки...

То, что дальше рассказал мне

Саманов, выглядело фантастично, но подробности, мелкие детали, излагаемые в неспешной манере четким, с металлом голосом, не оставляли сомнений...

— Таким образом, — закончил Саманов рассказ о неизвестной мне судьбе моего репортажа, — ваше предположение, что СССР с тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года вылез на мировой теневой рынок необработанных алмазов и взял под контроль значительный его сектор, частично оправдалось. А выдуманые вами цифры по уровню добычи и о проценте содержания кристаллов в породе оказались весьма близкими к истине. Как и

сведения о числе разведанных, но законсервированных трубок. Потом обязательно посвятите меня в ход ваших рассуждений.

Теперь последствия этой вашей «шутки» вам известны. Какой напрашивался вывод? Я сделал следующее заключение. Мировой рынок алмазов имеет неординарную структуру, единственную в своем роде, на нем господствует только один бессменный монополист — транснациональная компания «Де Бирс». Любые робкие попытки отвоевать даже незначительную долю этого рынка, такие, например, как предпринятые в свое время Австралией и Заиром, кончаются

весьма плачевно для претендента.

Однако такая монополизация, как равно и слишком высокий уровень секретности, придает иногда, в определенные моменты, странные качества данным, обращающимся в информационных сетях этого рынка. Проще говоря, эти данные способны приобретать совершенно несвойственный им, по сути, вес. В чем меня, собственно, и убедила ваша любопытная история.

А теперь скажите мне, коль скоро вы знакомы, поверхностно правда, с материалом, может ли быть найдено в наше время крупное месторождение алмазов практически в черте города, история которого

насчитывает несколько сотен лет?

— Чушь!

— Правильно. Дьявол умудрился разбросать блестящие камешки подальше от очагов цивилизации. Но вот перед вами небезызвестный журнал «Огонек». Что это вы морщитесь? Взгляните, это интересно. Статья о находке алмазного месторождения, очень крупного, чуть ли не больше мирненского. Да, да, под Архангельском! Удивлены? А не напоминает ли это вам один странный неопубликованный «репортаж»?

Вот мы и перешли к сути моего плана. Итак, по моим наблюдениям,

информация в структурах этого рынка может приобретать наибольший вес в следующих точках...

Саманов стал окончательно походить на увлеченного профессора, проводящего семинар со способным студентом. Он излагал свой замысел около получаса.

Через пять минут я решил, что передо мной находится просто сумасшедший, через пятнадцать я был потрясен грандиозностью замысла, в конце изложения я понял, что мой собеседник — гений! Полюбовавшись произведенным эффектом, Саманов произнес:

— Как видите, это грубое

построение, только основа скелета, позвоночный столб, если хотите. Требуется очень, очень большая работа, чтобы доделать и заставить заработать такого монстра! И ваша роль здесь будет далеко не последней.

— Но почему я?

— Ну, во-первых, как я уже говорил, вы дали толчок всему предприятию, хотя сами и не подозревали об этом. Во-вторых, вы просто самый подходящий из всех людей, какими я сейчас располагаю.

Я отметил про себя это «располагаю».

— У меня больше нет команды.

— Роль, которую я вам

предлагаю — это роль одиночки. Вам придется действовать исключительно самостоятельно. Кстати, все ваши люди похоронены достойно. Недалеко от места боя. Вместе с моими.

Саманов подошел к фотографии на стене и долго смотрел на нее. Я молчал.

— Как странно иногда пересекаются судьбы. В этом есть что-то мистическое. Я кое-что хочу рассказать вам...

Разговор наш закончился далеко за полночь. Закончился на почти шутливой ноте. Саманов предложил дать название операции.

— Обычно для наименования

наших проектов мы используем названия северных рек. Так они и проходят в переписке и по документам. Хотите, например, «Вилюй»? Но, впрочем, выбор за вами.

Я думал недолго.

— Предлагаю — «Мираж-18».

— Похоже на название истребителя. Кажется, французский?

— Нет, истребители ни при чем. Это был мой первый позывной в Якутии.

— А! Что ж, очень романтично. Поздравляю. Пусть будет так.

Саманов снял с полки кляссер, толстым синим карандашом четко написал сверху «Мираж-18», раскрыл

передо мной пустую папку.

— Начинаяте прямо завтра. Ваше рабочее место — здесь. Непосредственно по плану операции говорить только со мной и с Кедровым. Никаких библиотек. Несколько человек будут снабжать вас необходимыми материалами. Кое-что мы уже собрали. Надо работать побыстрее, Сергей Александрович, я хотел бы увидеть результат.

— Вы уезжаете куда-то?

— Возможно, и уеду.

— Далеко?

Саманов отвернулся, поглядел еще раз на фотографию на стене, помолчал с минуту, тяжело

произнес:

— Далеко. Очень.

Глава 23

ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Пролетело около восьми месяцев. Работа была в самом разгаре. Среди тысяч проработанных документов, среди бесчисленных рейсов в Архангельск и Мирный, Ленинград и Якутск, среди бесконечных интервью и более серьезных бесед, проще говоря, допросов, среди шелеста разноцветных купюр, потоком летящих в нужные карманы и сейфы, уже вырисовывался злобещий контур

огромного линкора, величественно шедшего в окружении юрких, хорошо вооруженных эсминцев.

Уже была ясна начинка торпеды, уже просчитывались стартовые координаты цели, уже был близок тот момент, когда наша маленькая наглая субмарина должна была лечь на боевой курс. Нет, разумеется, потопить такого противника было невозможно, но заставить хоть на долю градуса отклониться, хоть на секунду потерять управление...

Вечером десятого сентября 199... года штаб операции собрался на совещание. Теперь папки с надписью «Мираж-18» занимали уже почти все стеллажи кабинета. Итог

дискуссии подвел Саманов:

— Итак, господа, мы переходим к миттельшпилю. Должен констатировать, что дебют вы провели успешно. Особую благодарность хотел бы выразить Георгию Георгиевичу Абашидзе, он много сделал для укрепления позиций проекта в Архангельске.

Жора привстал, поклонился, широко улыбнулся, сверкнув внушительным набором золотых коронок. Поистине это был год примирения конкурентов! С его людьми мне пришлось работать несколько недель, а сам он производил вполне приятное впечатление — интеллект, конечно,

первобытный, но по-своему мощный. Этакий красивый, умный неандерталец.

— Теперь мне хотелось бы подчеркнуть масштаб операции. Тот масштаб, который она принимает на данном этапе. Вам знакомо это лицо? — Саманов положил на стол фотографию.

— Нэ Зики чэловэк? — забеспокоился Жора.

— До Зики ему далеко! — рассмеялся Кедров. — Это Сорос, Джордж Сорос.

— А... — разочарованно протянул Абашидзе. — Понимаэм. Благотворительность!

— Верно, — кивнул Саманов. —

Вот этот самый благодетель входит в узкий круг тех лиц, кто реально определяет истинные ценности на нашей многострадальной планете. Обычно они скрываются в очень густой тени, этот — исключение, *infant tarribal* этой когорты. Среди тех, кто на порядок ниже, многие с жестом выскакивают к рампе, но Сорос — единственный из настоящих, кто позволяет себе подобное. Он самый мелкий из них, но все же он способен колебать мировой рынок золота в пределах полутора процентов. Сам, руководствуясь собственными прогнозами и интересами. Надеюсь, вам становится понятен размах?

Саманов бросил на стол еще четыре снимка.

— Взгляните теперь на эти лица. Вряд ли вы когда-нибудь увидите их «живьем», так что смотрите внимательно. Вот этот контролирует около девяноста процентов легального рынка необработанных алмазов, вот эти — такую же долю теневого.

Он помедлил, давая нам осознать важность сказанного.

— С сегодняшнего дня, — голос его приобрел не свойственную ранее торжественность, — мы вторгаемся в сферу жизненных интересов подлинных властителей мира. И если мы сумеем выбить хотя бы десятую

долю процента из этих монстров...

— То наши имена навеки войдут в энциклопедию мировых афер! — завершил я за него таким же торжественным тоном.

Абашидзе, уловив наконец суть, весело, от души захохотал. Смех его был заразителен — подхватили все присутствующие.

Отсмеявшись, Саманов
закончил:

— Послезавтра Сергей
Александрович на несколько дней
отбывает в Лондон, а Станислав
Михайлович — в Кейптаун.
Результаты их командировок крайне
важны, поэтому соберемся все здесь,
ориентировочно двадцать восьмого

сентября. Это все, желаю хорошо отдохнуть.

Все разошлись. Кедров отпустил БМВ, решили пройтись пешком. Был теплый, пасмурный вечер, на асфальте стояли лужи после недавнего дождя. Разговаривать не хотелось. Последние дни работали в таком темпе, что несколько свободных минут воспринимались как великое благо.

Было приятно просто идти по пустому, тихому переулку.

— Ты знаешь, какое завтра число? — нарушил молчание Стас.

— Одиннадцатое, послезавтра летим, — раздраженно откликнулся я.

Очарование спокойной тишины исчезло.

— Я не о том. Старик всегда отмечает этот день. Он тебе не рассказывал?

— Говорил, ну и что?

— А в этот раз — ни полслова. Странно! Мог бы и собрать накануне отлета.

— Сегодня и собрал.

— Нет, это не то. Странно. Какой-то он странный последние дни.

— Что ты заладил — странно, странный! Крыша от напряжения поехала, вот и странный. Такая нагрузка в его-то годы!

Кедров пожал плечами, снова

замолчал. На том и расстались.

Стас позвонил мне на квартиру в Сокольниках часов в шесть вечера следующего дня. Голос его дрожал, он был явно на грани срыва.

— Сергей! Приезжай немедленно к Саманову!

— Что произошло?

— Старик застрелился!

Так! Я бросил трубку и выскочил из квартиры. Через полчаса отчаянной езды, еле вывернувшись из-под грузовика на Сущевке, я подогнал машину к дому на Новослободской. Народу в штаб-квартире было уже порядочно. Суетился, покрикивая, Уколкин.

— Где? — спросил я у него.

Уколкин взял меня за локоть и молча потащил в кабинет. Там уже были Кедров и Абашидзе.

Саманов сидел в рабочем кресле, грузно навалившись вперед, на стол. Глаза были открыты, но в помутневшем взгляде уже не было пронизательной твердости старого снайпера. Руки с тяжелыми кистями были безвольно опущены вниз. Рядом с креслом валялся старый массивный пистолет с длинным стволом.

— Парабеллум, девять миллиметров, — сказал Уколкин, показывая на оружие. — Старик был равнодушен к железкам времен войны.

— Куда он?

— В сердце. Не трогай ничего.
Сейчас из прокуратуры приедут.

— Уверен, что он сам?

— Абсолютно.

— Почему?

— Никто не знает. Возможно, из-за болезни.

— Он был болен?

— А ты не знал? Уже год, как диагноз поставили. Молчал, не жаловался, но морфий потихонечку колол, я сам ему доставал.

— А точно сам?

— Ну я же сказал...

— Ну, сейчас начнется! — Кедров присел на стол рядом с монитором, обхватил голову руками. — Гордон, сволочь, уже

давно на сторону смотрит. А других сколько! Старик много фишек только сам передвигал. Катастрофа! Кошмар!

— Не скули, Стас! — оборвал я его. — Из такого дела хоть кому трудно будет выйти.

— Не, бойня сейчас начнется! Куда мы без него!

— Ну ладно, иди водички попей! — посоветовал я и обратился к Уколкину: — Какие-нибудь письма, распоряжения нашел?

— Да вроде не было ничего. Я первым приехал, меня Толик вызвал, спортсмен. Подчиненный мой бывший, субординацию соблюдает. Все материалы по «Миражу» у меня

в машине, диски и все остальное — тоже. Ты спускайся вниз и жди. Я с прокурором разберусь, вместе и поедем. Кедров-то прав! Соглашение придется заключать, делиться, значит. Вот только я не пойму — чего это он здесь нацарапал? — Уколкин кивнул на стол. — Ты не в курсе? То ли шифр, то ли год...

Я уже давно заметил. В курсе я был, в курсе. Но молча пожал плечами и пошел вниз, к белой уколкинской «Волге».

Я спускался по лестнице, по гулким, пустынным пролетам, оборачивающимся вокруг зарешеченной шахты старого лифта, и перед глазами у меня маячил

длинный, голубой с разводами
листок настольного календаря, так
похожий на листок чековой книжки.

На веселом голубом поле под
маленькой черной надписью «11
сентября 199... года» аккуратно были
выведены синим китайским
карандашом две цифры «52». Я
полагал, что знаю, что это за счет.

Глава 24

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ

Известие о смерти Саманова облетело всю страну с быстротой молнии. В течение трех дней из самых дальних уголков бывшего Союза в Москву прибыли около полусотни человек — верхний слой руководства золотого синдиката. Только теперь до меня стал доходить настоящий масштаб этой организации и личности самого Саманова. Телеграммы с соболезнованиями поступали из

самых различных сфер — и от крупных чиновников госаппарата, и от общества «Мемориал», и от новоиспеченных депутатов и руководителей скороспелых политических партий. Для непосвященного человека этот поток мог показаться явлением необъяснимым, учитывая тот факт, что покойный никаких государственных или общественных постов не занимал и широкой публике был абсолютно неизвестен. Да и для многих, кто так или иначе был связан с организацией Саманова, настоящий уровень авторитета и влияния этого человека стал ясен только теперь, после его гибели.

Находясь в самом центре событий, связанных с этим печальным обстоятельством, я успел заметить, что многие контрагенты синдиката даже не подозревали, что они работают в одной упряжке, — все знали, чья рука держит кнут, но практически никто не мог перечислить полный состав участников забега.

Саманов обладал безусловным талантом организатора: созданное его волей и разумом детище работало практически безупречно, но... только пока он сам держал все нити управления. Пуля, выпущенная из старого германского ствола, разом все изменила.

Встречаясь с прибывающими на похороны гостями, за приличествующими моменту скорбными словами и выражениями лиц я угадывал то нервозность и растерянность будущей жертвы, то оскал почуявшего свободу крупного хищника, то шипение ядовитой твари. Многие были настроены весьма серьезно — нешуточная борьба за куски самановского наследства готова была развернуться со дня на день.

А наследство было поистине огромным. Фактически не было на карте бывшего Союза такого золотиносного района, где бы не работали люди Саманова. Как

пояснил мне Кедров, Бирюсинские прииски были далеко не самым прибыльным и крупным предприятием синдиката. Просто они являлись точкой отсчета, историческим рубежом, и Саманов испытывал вполне объяснимое чувство ностальгии по этим мрачным местам.

Народ все прибывал и прибывал. Делегатов, не имеющих собственного приюта в Москве, мы размещали в отеле «Можайский» на Минском шоссе, в двух шагах от Кольцевой автодороги. В этой гостинице и было решено устроить поминки.

Одним из последних приехал Гордон. Он явился в квартиру на

Новослободской в сопровождении пятерых охранников, что уже само по себе было вызовом, — никто пока не опускался до подобных угрожающих жестов, и теплилась надежда, правда слабая, на то, что дележ может пройти полюбовно.

Тринадцатого сентября Кедров, Абашидзе и я находились в кабинете Саманова и обсуждали детали предстоящих похорон и последующей за ними конференции руководства синдиката. Уколкин в гостиную инструктировал своих людей по вопросам обеспечения безопасности на завтрашний день. Слышно было, как позвонили в дверь, и спустя минуту в кабинет

вошли несколько человек.

— Аркадий Гордон, — представил Уколкин главного гостя. — Это Сергей Горин, из новых, остальных ты знаешь.

Гордон прошел в комнату, присел на край стола. Сопровождавшие его парни остановились в дверях. За ними стояли люди Уколкина с напряженным выражением лиц.

— Из новых, да не совсем, — сказал Гордон с неприятным смешком, уставившись на меня. — Хорошо погулял в Тофаларии, уважаю.

Он протянул мне руку. Я впервые видел его лично, но его

репутация садиста и палача была мне хорошо известна. Я вспомнил, как умело был обработан Степаныч, и почувствовал подкатившую к горлу тошноту. Отвернувшись от

протянутой руки, я сказал Уколкину:

— Остались три номера в «Можайском», шестой этаж, шестьсот четырнадцатый, шестьсот семнадцатый, шестьсот восемнадцатый. Первый люкс на двоих, остальные — четырехместные. Вызови машину, пусть размещаются.

— Так-так, — процедил Гордон, медленно опуская руку. — Знакомиться не желаем. Дружить, стало быть, тоже не хотим. Ну а ты,

Стасик, что скажешь?

— А что сейчас говорить? — Кедров отвернулся, опустив голову. Заметно было, что общение с Гордоном удовольствия ему не доставляет. — Похороны завтра, послезавтра и поговорим.

— Этот что здесь делает? — Гордон ткнул пальцем в сторону Абашидзе. — Грехи замаливать явился?

— Зачем так говоришь, дарагой? Печаль у всех, зачем ссориться будем? — Жора широко и приветливо улыбнулся.

Я вспомнил, что такая же солнечная улыбка — последнее, что видел на этом свете архангельский

авторитет Лым. Вообще, когда на лице Абашидзе расцветало такое выражение, он становился очень опасным человеком.

Полные бледные губы Гордона скривились в презрительной усмешке.

— Спелись ребятишки? — Его черные, глубокие, какие-то мертвые глаза не спеша скользили по нашим лицам. — Сморили старика, и теперь все заодно?

— Ты что несешь, Аркадий? — Уколкин взял Гордона за плечо.

Тот резким жестом смахнул его руку.

— А с тобой, гражданин милиционер, отдельный разговор

будет. Должок на тебе очень приличный.

Уколкин как-то по-бабьи всплеснул руками, отступив в глубь комнаты.

Мне уже порядком надоел этот паук. Все в нем — от тембра голоса до нелепой позы, в которой он восседал на столе, вызывало омерзение.

— Ну ты, ублюдок! — обратился я к невежливому гостю и с удовольствием отметил, что и без того бледное лицо Гордона стало полностью цвета сметаны. — Номера свои слышал? Вот и катись в гостиницу. И не вздумай отчудить чего на похоронах. А то рядом с

Хозяином ляжешь.

Бледный Гордон резко поднялся. Я было подумал, что он сейчас полезет в драку. Но нет, он сдержался, быстро, почти бегом кинулся из комнаты, обернулся в дверях, посмотрел на меня. Было в его глазах что-то непередаваемо гнилое, как будто заглянул в окно в болотной трясине.

— Запомните, гниды, все, что за Уралом, — моё! — прокаркал он своим глухим, лязгающим голосом. — Не вздумайте сунуться, кишки выпущу зараз!

С этими словами он покинул квартиру, охрана, громко топая, устремилась за своим вождем.

— Вот конек бзделоватый! — перешел на блатное аргю Уколкин, как только за Гордоном захлопнулась дверь. — Весь воздух испортил.

— Видели? Все, что в Сибири, все его! Ермак какой, а? — сказал Абашидзе, продолжая скалиться.

— А я что вам говорил? — заметил Кедров, зябко пожимая плечами. — Это такая опасная скотина...

— Откуда его Саманов откопал? — спросил я Уколкина.

— Черт его знает! — ответил тот. — Кажется, сынок какого-то его лагерного дружка. Гордон — это по матери фамилия. А отец — Куценко, то ли Гоценко — рецидивист, грязь

тюремная. Бандит — разбои, убийства. В законе был, большой авторитет. Где Саманов этого гаденыша откопал, никто не знает. Он ему самую грязную работу поручал. В глубинке, сюда не допускал.

— Старик наблюдал за ним с интересом, — добавил Кедров. — Говорил, что любопытно смотреть, как гены сказываются.

— Донаблюдались! — вздохнул я. — О «Мираже» он может что-нибудь знать?

— Нет, — покачал головой Уколкин. — К планированию его никогда не допускали, только к силовой работе.

— Ну и что теперь с ним делать? — спросил я.

— Почести воздать надо! — улыбнулся Абашидзе.

— Трудно, — с сомнением произнес Уколкин. — У него много людей. Он действительно может взять под контроль большинство приисков за Уралом.

— Ну и надо отдать. «Мираж» больше может стоить, чем все сибирские прииски, — сказал Кедров. — Оставим себе Архангельск и займемся наконец делом. Командировки сорвались, время уходит. Если будем с Гордоном воевать, сорвем все дело с алмазами, а Сибирь можем и не выиграть — все

потеряем.

— Без приисковых денег «Мираж» не пойдет, — заметил Уколкин.

— Я дам! — вступил Абашидзе.

— Условия? — спросил я.

— Пятьдесят!

— Ишь ты! Тебя Саманов на десять приглашал!

— Так это Саманов!

— Ну понеслось! — сокрушенно произнес Станислав. — Сейчас все передеремся!

— Надо у Гордона отступного взять, — подал трезвую мысль Уколкин. — Пусть забирает сибирские прииски, но пусть заплатит.

— Сколько возьмем? — спросил уже уставший улыбаться Абашидзе.

— Столько, сколько нужно для «Миража», — сказал Кедров. — Я думаю, это правильное решение. Гордон все же не дурак, ума хватит откупиться.

— Раз уж начали, давайте продолжать. Как «Мираж» поделим? — спросил я.

— Поровну, — вздохнул Абашидзе.

Кедров согласно кивнул. Уколкин как-то неопределенно махнул рукой — после, мол, разберемся, но вслух ничего не сказал. Переговоры с Гордоном поручили вести Кедрову — он после

Саманова лучше всех владел информацией по всем подразделениям синдиката и наиболее аргументированно мог прижать эту черноглазую гадюку.

Похороны на Ваганьковском кладбище прошли спокойно и торжественно. Я особых пристрастий к этой церемонии не питаю, поэтому раньше других поспешил в «Можайский», захватив с собой одного необычного гостя, разделявшего мои стремления как можно быстрее покинуть последнее пристанище Саманова и вернуть себе душевное равновесие с помощью хорошей дозы алкоголя.

Полковник Генштаба в запасе

Александр Вартанов знал Саманова по фронту и никакого отношения к золотому синдикату вроде бы не имел. Что-то, конечно, знал, о чем-то догадывался, как, например, о причине, заставившей Владимира Георгиевича сменить фамилию, но сам он в делах Саманова, кажется, не участвовал, в отличие от всех остальных, присутствующих на похоронах. Из всех гостей он был мне наиболее симпатичен, и потихоньку мы разговорились.

— Видите ли, Сергей, Володя был очень храбрый человек, очень! — рассказывал Вартанов. В его голосе прослушивался характерный акцент — он был

наполовину армянин. — Наш
комполка, Захарченко, очень его
ценил. Под Кенигсбергом он
поставил Володю командовать
батальоном (так случилось, что
повыбило всех старших офицеров), и
Володя в течение суток сделал
бешеную карьеру — от командира
взвода до комбата; правда, и от
батальона осталось-то не больше
роты. И только он получил это
назначение, как вдруг на наш участок
приехала странная бригада — пять
или шесть офицеров, среди них два
полковника, а ниже майора не было
никого. Для меня, ваньки-взводного,
зрелище удивительное: на передке,
на передовой то есть, такая

кавалькада! Захарченко и тот войну майором закончил, а здесь — аж два полковника. Оказалось — адъютанты академии Генштаба. Приехали решать учебную задачу. Силами нашего полка. А в условия этой задачи входила атака высоты как раз на участке батальона Володи. На этой высоте уже две трети этого батальона и полегло. Взять не смогли. А тут и снаряды у артиллеристов наших на исходе, нечем огневые точки подавить, Захарченко и переживал.

Ну, а адъютантам ждать недосуг — диссертации писать спешили. Странно, да? Война — и диссертации. Но было! Дали приказ

атаковать — по их разработке, без артподготовки. Володя-то не первый день воевал, понял сразу, чем такая атака закончится. И отказался выполнить приказ.

Для того чтобы людей в атаку повести, смелость, конечно, нужна. Но, чтобы, находясь в здравом уме, отказаться выполнять приказ в условиях передовой, смелость нужна особая. Такой отказ был равнозначен приговору. Володе сразу посулили расстрел, и, поверьте, это была не пустая угроза. Но он уперся. Дело закончилось бы плохо, если бы не Захарченко. Он дал понять академикам, что в случае этого расстрела не сможет помешать

снайперам, снайперам противника, разумеется, несколько сократить число настойчивых адъюнктов. Они правильно поняли намек и отбыли, попрощавшись весьма холодно.

— Да, — вздохнул я. — Он упоминал что-то о долге, который не сумел отдать. Очевидно, имел в виду этот эпизод.

Вартанов кивнул, медленно выпил рюмку «Смирновской». Я заметил, что алкоголь действует на него слабо, впрочем, и сам я почти не пьянел сегодня — сказывалась эмоциональная перегрузка последних дней.

— Странный конец для человека с таким характером... — хотел я

было порассуждать о возможных причинах суицида Саманова, но Вартанов перебил меня:

— Ничего странного здесь нет. — Он вновь наполнил наши рюмки. — Просто король умер естественной смертью — от яда.

— Как это? — сразу не разобрался я в смысле этой невеселой шутки.

Вартанов внимательно посмотрел на меня оценивающим взглядом. Видимо, он колебался, и я решил его немного подстегнуть.

— Как прикажете вас понимать? Насколько я помню, вас не было у Саманова одиннадцатого сентября?

— Володя не мог уйти из жизни

таким образом, — пояснил Вартанов свою мысль. — Он был не только смелым человеком, но и, как бы правильнее это сказать, фаталистом, что ли. Если угодно, считал, что его судьбой руководит Провидение, что она predetermined.

— То есть?

— То есть это было не самоубийство.

Я отметил, что в голосе Вартанова не было и тени сомнения.

— Для такого утверждения очень мало оснований, — осторожно заметил я.

— Я как раз и собираюсь заняться поиском этих оснований, — сказал Вартанов, помедлил и

добавил: — И приглашаю вас составить мне компанию. Мне известно, что Володя возлагал на вас большие надежды, да и вы сами как будто испытывали к нему чувство симпатии?

Я согласно кивнул.

— Кроме того, — продолжал Вартанов, — я могу оказаться полезен для последнего Володиного проекта — «Мираж», кажется? Во всяком случае, он меня об этом просил.

Эге! Все же перебрал я в этот вечер. Заинтересованным лицом оказался товарищ полковник, а я не разглядел.

— Все это достаточно серьезно,

давайте перенесем на завтра, — осторожно вышел я из разговора.

Вартанов достал дешевенький бумажник и протянул мне визитную карточку.

— Я буду ждать вашего звонка в течение трех дней. Потом уеду из города на месяц. Вы правы: все весьма серьезно, и, поверьте, позвонить мне — в ваших интересах.

С этими словами полковник откланялся и ушел из ресторана. Тотчас же ко мне подскочил Уколкин. Он был сильно под градусом.

— О чем это ты с ним говорил? — громко прошептал он, приблизив ко мне красное, потное лицо.

— Да так. Саманова
вспоминали.

— Ты с ним поосторожней
будь! — конспиративное шипение
Уколкина прервалось длительной
икотой.

— Ты бы спать пошел, что ли. —
Я плеснул в стакан минералки,
протянул ему.

Он оттолкнул стакан, вздохнул
глубоко, прикрыл на секунду глаза.
Когда он снова взглянул на меня, я
поразился перемене — теперь он
выглядел абсолютно трезвым.

— Я сказал — поосторожней с
ним! — спокойно сказал он своим
обычным голосом. — Старикашка
хоть и на пенсии, но связи у него

остались приличные.

— Он намекнул, что может нам пригодиться.

— Как бы мы им негодились, — процедил сквозь зубы Уколкин.

— Кому это — им?

— ГРУ. Вартанов в ГРУ лет тридцать работал. А может, и сейчас еще... консультирует.

— Да? Черт с ним! Меня больше волнует, что завтра произойдет.

— А меня — то, что не должно произойти, — загадочно сказал Уколкин, задумчиво глядя на дверь, за которой исчез старый полковник.

Глава 25

НАДЕЖДЫ УТОПАЮЩИХ

Конференция руководства синдиката, состоявшаяся на следующий день после поминок, закончилась полным нашим провалом. Люди Гордона времени даром не теряли — не только сибиряки, но и представители европейского филиала оказались запуганы до печенок. Все рассуждения Кедрова по поводу рациональной реорганизации добычи и сбыта встречались

угрюмым молчанием — они были явно неубедительны на фоне прямых угроз физического воздействия со стороны Гордона. Все прекрасно понимали, что это не пустые слова — проклятый Аркадий располагал широкими возможностями для осуществления своих диктаторских претензий.

На наше предложение выплатить компенсацию этот гад ответил только своим замогильным смехом, а его адъютант Кучера, такой же мерзкий тип, как и хозяин, сделал в нашу сторону похабный жест. В этом самом Кучере я не без содрогания узнал того бородача в растянутом свитере, принимавшего трогательное

участие в моем аресте в Тофаларии и во всех последующих событиях, вплоть до последнего боя в Гутарах. Именно он на моих глазах застрелил Гольцева и именно эту рожу я видел последний раз через прицел автомата. Теперь, правда, он был без бороды. Я твердо помнил, что не промахнулся тогда — должна быть моя отметина на шкуре этого подонка. По тому выражению, которое принимало его лицо, когда его взгляд пересекался с моим, нетрудно было сообразить, что он меня тоже узнал и теперь страстно желает обеспечить мое будущее совершенно недвусмысленным образом.

Полное крушение наших надежд на мирное развитие событий последовало после заявления Гордона о том, что Архангельск он тоже считает зоной своих жизненных интересов и требует, чтобы мы убрались и оттуда. Про проект «Мираж» он, слава Богу, ничего еще не пронюхал, но, к нашему глубокому изумлению, уже успел провести переговоры с архангельскими группировками, а эти гиены были сильно настроены против нас после грубоватой работы Абашидзе. Да, Гордона мы явно недооценили — определенными способностями к стратегическому комбинированию он, бесспорно, обладал.

В подавленном настроении мы покинули гостиницу и вернулись в квартиру Саманова на Новослободской. Надо было подвести итоги.

Я испытывал довольно противоречивые чувства. С одной стороны, мне очень хотелось плюнуть на все и смыться в Финляндию к Соколову и вспоминать потом Саманова и иже с ним как кошмарный сон. Но Гордон, а особенно Кучера, пробудил во мне яркие картины нашей бирюсинской эскапады, а вместе с ними и неприятное чувство вины. Нет, я никогда не считал, что подставил свою команду и стал причиной

гибели этих ребят — я ведь тогда сам не понимал до конца, в какое дело мы влезли, все прояснилось слишком поздно. Но какие бы я ни искал оправдания, а все же совесть тревожила меня постоянно, и теперь, когда я узнал Кучеру, а он — меня, я не мог отвязаться от мысли, что пришло время платить долги.

— Что же делать? Что же делать? — бормотал Станислав, бегая по комнате и нервно ломая руки.

— Паслушай, дарагой! Сядь, пожалуйста, скорее, а! В глазах уже рябит! — не выдержал наконец Абашидзе.

Большими глотками он осушил

стакан «Кахети». Крепкие напитки Жора не любил и потреблял в количестве мизерном. Зато у него никогда не переводился запас грузинских вин, действительно превосходных. Раз в месяц специальный курьер доставлял в Москву несколько солидных емкостей с дарами солнечной Алазани. Абашидзе был большой дока во всем, что касалось виноделия. Его семья владела огромными виноградниками недалеко от Мцхеты и занималась этим промыслом уже несколько поколений. Под Жориным руководством я постепенно вошел во вкус и научился неплохо разбираться

В тонких оттенках этого замечательного продукта.

«Грузинские» вина московского завода Абашидзе считал форменным издевательством над самим понятием «вино». Как-то в самом начале нашего знакомства я, желая сделать Жоре приятное, купил бутылку марочного «Цинандали», этикетка которого вся светилась от многочисленных медалей. Разлив в стаканы светлое, зеленовато-соломенного цвета вино, я любезным жестом пригласил Абашидзе к возлиянию. Он взял стакан, но по его лицу было заметно, что делает он это только из вежливости и с большим усилием над собой. Сделав

маленький глоток, он тут же поставил стакан на стол.

— Морской вода, а? — сказал он, тыкая пальцем в сторону медалированной бутылки. — Садызм, да? Мазахызм, да?

Я было обиделся, но Жора характерным жестом успокоил: «Не надо волноваться, а?» Один из его парней поставил на стол пару огромных бутылей с вином темного, почти коньячного цвета.

— «Кахэти», — сказал Жора, любовно поглаживая пузатый сосуд. — Михаил Юрьевич очень ценил!

— Юрьевич?

— Лермонтов, дарагой,

Лермонтов! Когда «Мцыри» писал — «Кахэти» пил, когда «Бэла» писал — «Кахэти» пил! — обнаружил Абашидзе знакомство с историей изящной литературы.

Уж не знаю, что там пил Лермонтов, когда писал, но это вино было поистине изумительным. Медленными, смакующими глотками Абашидзе вытянул стакан и в полной прострации, подняв масляные глазки к потолку, тягуче прошептал:

— Как харашо!

Сейчас Жора лучше всех сохранял душевное равновесие и, смакуя богатый букет «Кахети», весело заключил:

— Стрелять будем, воевать

будем!

— Да, да... — уныло произнес Уколкин, выстукивая пальцами на столе незатейливую мелодию. — Сейчас это модным становится — «стрелять-воевать». Раньше как-то все больше мозгами работали, а теперь — пулей. Тебе-то что? Заляжешь где-нибудь на Эльбрусе...

— Испугался, да? — ухмыльнулся Жора. — Кого боишься? Шакала боишься, а?

— А сам не боишься? Ты его не знаешь так, как я. Ну-ка, плесни своей кислятины! — кивнул Уколкин на бутыль.

— Ай! — обиделся Абашидзе. — Лермонтов пил, Руставели пил!

— У Руставели две шкуры было, — подал Уколкин странное замечание. — А у меня одна, она же и последняя.

Тезис о двоешкурности Руставели показался мне занятным, но только я собрался задать Уколкину вопрос по этому поводу, как Кедров, вышедший наконец из истеричного состояния, вернул беседу в деловое русло:

— Архангельск упускать нельзя! Иначе нам конец!

— Гордон, похоже, договорился с местными. За Лыма у них к нам счет. Драться придется на два фронта, а людей мало и денег теперь почти нет, — сформулировал я

главные возражения.

Все удрученно замолчали.

— Обидно! — наконец прервал паузу Станислав. — Так все хорошо шло — и на тебе! И что это старика угораздило хлопнуться в такой неподходящий момент?

— Этот момент всегда неподходящий, — резонно заметил Уколкин. — Сергей прав — денег мало. На два фронта никак не потянем. Надо бы поодиночке. Только вот как?

В этот миг ко мне пришла блестящая мысль.

— Организацию надо сдать! — сказал я с ноткой восхищения перед собственной гениальностью.

— Как это «сдать»? — в один голос спросили Уколкин и Кедров.

— Очень просто — заложить со всеми потрохами. Детально. Пусть органы с Гордоном повозятся.

— Видали мальчика? — возмутился Уколкин. — Да Аркадий на первом же допросе все распишет как по нотам. Ты, значит, в Венесуэлу, Жорик на Эльбрус, а мы со Стасом на нары? Замечательно придумал!

— Почему Эльбрус, а? — завелся Абашидзе. — Эльбрус, понимаешь, Эльбрус! Кислятиной назвал...

— Ну, на Казбек, какая разница! Я вам не Руставели, чтобы за всех на

парашу садиться! — опять ни к селу ни к городу помянул Уколкин гордость грузинской поэзии. И дался же ему этот Руставели.

— Постой, постой! — остановил Кедров гневные восклицания Уколкина. — Тут есть рациональное зерно...

Уколкин сразу замолчал, внимательно уставился на Станислава. Кедров был человеком способным, и к его словам следовало внимательно прислушаться. Способности его имели любопытное свойство — для их активизации всегда был нужен внешний импульс. Я уже давно обратил внимание на то, что Станислав никогда не выдвигал

собственных проектов, можно сказать, он был начисто лишен инициативы. Но как исполнитель он был, конечно, вне конкуренции. Любая, даже весьма скромная идея, поданная Самановым или мной, быстро превращалась Кедровым в отточенный, продуманный до мельчайших подробностей план, причем план разветвленный, с альтернативными вариантами, учитывающий возможные стратегии противников и конкурентов.

— Есть, есть изюминка! — продолжал Стас. — Кое-что можно и сдать — на периферии. Не сверху начинать, а издалека, например с Зейского района. На этом уровне нас

никто не знает, и сам Гордон вне подозрений, но коли уж он теперь хозяин, то забот мы ему прибавим — не до Архангельска будет!

— Он сразу поймет, кто это устроил, — не соглашался Уколкин.

— Поймет, конечно, — кивнул Кедров. — Вот здесь его и нужно... устранить.

— Легко сказать! — Уколкин глотнул «Кахети», сморщился. — Как бы он сам нас не устранил.

— Тут ничего не поделаешь. В любом случае он за нас возьмется. Ты, Михаил, — Кедров обратился к Уколкину, — его первая мишень при любом раскладе. Ты тогда ему всю игру с греками нарушил, а он,

паразит, мстительный.

— Я-то при чем? Он сам из-под Хозяина вздумал играть — пусть себя и винит. Мне Саманов сказал — я и сделал. Пусть спасибо скажет, что самого не подвесили за одно место! Старик тогда что-то расчувствовался, а надо было удавить гаденыша!

Я с большим интересом выслушал этот страстный диалог. Не ошибся, значит, я той ночью на Богородском шоссе — не кто иной, как Миша Уколкин, был в грязной «девятке». Интересно, узнал он меня или нет? Пожалуй, вряд ли. Только сегодня в первый раз упомянул про греков, и то просто к слову пришлось.

Станислав без энтузиазма выслушал оправдания Уколкина.

— Это ты все Гордону расскажи. Он сейчас спит и видит, как бы тебе поскорей такую возможность предоставить.

Уколкин поежился, опять приналег на «Кахети». Абашидзе сочувственно поцокал языком, наполнил доверху наши стаканы.

— Можно сделать так, — продолжал Кедров. — Сдадим Зею или Витим, а можно и Бирюсу, тем более что там сейчас почти ничего не осталось, а шуму было в свое время много. Гордону Архангельском заниматься будет некогда. Абашидзе со своими ребятами успеет там

сделать все, что мы наметили. Когда на приисках запахнет жареным, Гордон постарается нас придавить. Здесь его нужно будет перехватить.

— Он теперь большой человек — сам не полезет в такое дело, — сказал Абашидзе.

Кедров не согласился.

— Как раз наоборот. Этот кровожадный упырь большое наслаждение испытывает, когда лично кого-нибудь кончает. А уж его-то, — Стас кивнул на Уколкина, — непременно сам постарается выпотрошить!

— Это точно! Он кровь пустить любит, — поддержал я.

Уколкина передернуло.

— Что-то зябко мне сегодня. —
Он отодвинул пустой стакан. —
Водочки бы...

— Сделаем следующим образом, — предложил вариант Кедров. — Я завтра лечу в Иркутск, работать буду через горпрокуратуру. Жора, ты спустя два дня — в Архангельск. Миша, твои ребята пусть глаз не спускают с Гордона. Сергей, ты выбирай: или с Абашидзе в Архангельск, или со мной в Иркутск.

Я подумал минуту.

— Ты полагаешь, Гордон постарается достать нас в Москве? — спросил я Станислава. — И начнет с Уколкина?

— Да. Я думаю, будет так.

— Когда примерно?

— Как только начнут брать его людей в Иркутске, Ленске и Ангарске. Дней через десять.

— Кучера будет с ним?

— А как же! — вступил Уколкин. — Два сапога — пара!

— Я остаюсь здесь, — твердо сказал я. — У меня к этим молодцам личный счет.

— За Тофаларию? — спросил Кедров.

— Точно.

— Месть — нехорошее чувство, — осуждающе покачал головой Станислав. — Отупляет.

Я промолчал.

— Давай, давай! — хлопнул меня по плечу Уколкин. — Жорик и без тебя в Архангельске справится.

— Жора везде справится! — гордо заявил Абашидзе и подмигнул Уколкину. — Даже на Эльбрусе!

Глава 26

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Кедров отбыл в Иркутск, Абашидзе во главе своих костоломов готовился к разборкам в Архангельске. Мы же с Уколкиным пребывали в томительном ожидании атаки со стороны Гордона. Пока все было тихо. Гордон и Кучера из Москвы не уезжали, сняли квартиру на Варшавке и окопались там с четырьмя или пятью охранниками.

Люди Уколкина пасли их круглосуточно.

Я занимался в основном тем, что целыми днями таскался по городу. Маршруты мои были хаотичны, никакой системы в этих передвижениях не было. Но цель была. И заключалась она в том, чтобы подцепить «хвоста». С этого момента мы могли бы с уверенностью считать, что Аркадий Гордон вышел на охоту. Один из парней Уколкина постоянно сопровождал меня. Наружником он был хорошим — я почти всегда терял его из виду, как только отъезжал от своего дома в Сокольниках.

В Москве я использовал

«Вольво-244», десятилетней давности потертый агрегат. Слегка ободранный, в меру грязноватый универсал не бросался в глаза и отличался достойными восхищения надежностью и выносливостью.

Обычно я бросал машину в центре, где-нибудь на Мясницкой или Пушкин, и не спеша совершал променады, обходя многочисленные в этих районах магазины.

Москва сильно преобразилась с тех пор, как мы покинули ее, направляясь в Саяны навстречу безжалостной Судьбе. Я хорошо запомнил скверно освещенные витрины пустых магазинов на почти безлюдной Тверской в один из

вечеров перед нашим отъездом. За три года все изменилось, Москва стала совершенно другой.

Теперь у меня была возможность сравнивать, и все же я не мог подобрать аналога — этот город не был похож ни на один другой. И он был чужой для меня. Толкаясь в пестрой, оживленной толпе и разглядывая витрины с вполне европейским ассортиментом товаров, я испытывал легкую ностальгию по Москве семидесятых, больше всего мне почему-то было жаль давно исчезнувшего мороженого за девятнадцать копеек в вафельном стаканчике с розочкой желтого или розового крема сверху.

Какая была идиллия!

Теперь же город предлагал такие сюжеты, что просто оторопь брала. Проходя под аркой, что рядом со станцией метро «Кузнецкий мост», я обратил внимание на странную пару — рядом с парнем в выцветшей «афганке» и тельняшке стоял какой-то скукоженный дядя в кепке и дрянном костюме, причем пиджак, как мне показалось, был надет прямо на голое тело — вместо рубашки торчали курчавые рыжие волосы. И вообще, этот мужик был так изуродован, что воображение сразу создало картину подожженного моджахедами танка и несчастного десантника, корчащегося в струе

липкого напалма. И только подойдя ближе, я разглядел в полумраке, что это — не ветеран Афганистана, не десантник и вообще, строго говоря, не мужик. Передо мной стоял здоровенный и порядком замерзший орангутанг! Тоскливо взглянув на меня из-под козырька клетчатой кепки умными красноватыми глазами, он плотнее запахнулся в драный клифт и, тяжело вздохнув, присел на корточки. Растроганный, я протянул хозяину зверя сотню финских марок с портретом олимпийца Нурми. Тот с легким поклоном принял банкноту и слегка толкнул напарника ногой. Оранг улыбнулся, продемонстрировав

внушительные желтые клыки, и громко хлопнул несколько раз в ладоши. Проходившая рядом со мной тетка рыночного обличия, завопив каким-то нехорошим басом, метнулась в сторону.

Нет, в этом городе жить я не хотел. И, к сожалению, этого не хотели и другие.

И вот как-то вечером, когда я разглядывал всякие хитрые рыболовные приспособления в витрине охотничьего магазина на Тверской, кто-то крепко сдавил мой локоть. Взмахнув рукой, я резко обернулся, ожидая увидеть мерзкую рожу Кучеры или кого-нибудь еще из приближенных Гордона. Но оказался

я лицом к лицу с... Кравцовым.

Такой встречи я никак не ожидал. Черт его знает почему, но как-то не верил я в возможность подобного столкновения. Столь неприятными были мои приключения под руководством этого представителя славной Конторы, что светлый образ его подсознательно выдавился из памяти, как бы и не было на свете такого майора.

Ан нет! Был и есть, вот он, пожалуйста бриться! Неужели арест?

— Сколько лет, сколько зим! — довольным голосом произнес Павел Борисович, опять ухватив меня за руку.

— Вы обознались,

гражданин! — Я попытался отлепить его цепкие пальцы от рукава.

— Да ну? — искренне удивился Кравцов, игнорируя мои попытки. — Такого со мной сроду не случилось.

Обернувшись, я заметил, что мой топтун вылез из помятой «шестерки» и присел около фонарного столба, увлеченно занявшись шнурком. Кравцов перехватил мой взгляд и ухмыльнулся.

— Так, так! Пойдем-ка пройдемся, воздухом подышим, — предложил он.

— Куда?

— А куда хочешь. Да не трясись, Сергунчик! В настоящий момент я —

частное лицо.

— А завтра?

— А это — в зависимости от разговора.

— Разговора?

— Ну да. От нашего разговора, который сейчас произойдет.

— А последствия не пугают?

— Нет. Я свое отбоялся, да и тебе пора уже.

— Ну что же, поговорим. — Я решил взять инициативу в свои руки. — Ты все в той же ипостаси?

Я ожидал, что он привычно оборвет меня и будет спрашивать сам. Но нет, он промолчал, отпустил мою руку, как-то ссутулился. Я присмотрелся внимательнее. Сдал,

похоже, Павел Борисович, и сдал весьма заметно. И взгляд невеселый, и лицо обрюзгло, мешки под глазами. Седина заметно пробивается. Одет скромно, даже, пожалуй, бедновато.

— Что, Паша, — постарался придать я своему голосу максимум сочувствия. — Туговато приходится?

— Да уж, не процветаю при капитализме, — вздохнул Кравцов, засунув руки в карманы куртки.

— Ну, пойдем погуляем в сторону Белорусского, я там машину недалеко оставил, — предложил я.

Мы медленно пошли по улице. Проходя мимо человека Уколкина, который уже завязал шнурки и теперь открыл капот и деловито

копошился в моторе, Кравцов окинул его внимательным взглядом, запомнил явно — раз и навсегда.

— Ну так что, Паш, все там же — в Лефортове? — опять проявил я любопытство.

Кравцов махнул рукой.

— Нет. Следствие изъяли из Комитета. И сам Комитет — все, пшик! Все развалилось.

— А сам-то где?

— В ФАПСИ.

— Что есть «ФАПСИ»?

— Федеральное агентство правительственной связи и информации.

— И чего ты там делаешь?

— Да ерундой всякой

занимаюсь.

— А с тем делом что?

— С греками-то? Ничего. Замяли. Мне выговор и очередного звания не присвоили. И все.

— Никитин-то как?

— Колька? Помер. Две недели в Склифе провалялся и помер. Отек мозга.

— Слушай, Паш! Поехали-ка ко мне. Посидим, пивка попьем. Как у тебя со временем?

— Время есть. Поехали, раз приглашаешь.

Мы зашли в «Елисейский». Я набрал пару пакетов всяких рыбных деликатесов, пару десятков банок австрийского пива «Кайзер».

Нравится мне этот легкий светлый сорт. Расплачиваясь, вместе с российскими купюрами случайно вытащил несколько красных пятисотмарочных финских с красивым переливающимся значком. Кравцов вздыхал и глазами хлопал. Садясь в «вольво», он чуть не расплакался от огорчения.

— Ну надо же! — хлопнул он ладонью по приборной панели. — Куда ни плюнь, вся масть на «мерседесах» ездит, а тут корячишься, корячишься, на «запор» заработать не можешь!

— Да ладно тебе, Паш! Этой помойке лет десять. Нашел чему завидовать, — примирительно сказал

я.

— А! Не в этом дело! — Кравцов приоткрыл дверцу, сплюнул смачно на асфальт. — Все, к черту, рухнуло. Денег нет, квартиру обещали — не дали... Работа собачья, и вообще...

— Ладно, поехали, встряхнешься.

Обстановка моей квартиры произвела на Кравцова сильное впечатление. Очевидно, после закупки лососины-осетрины и поездки на «вольво» он ожидал увидеть хоромы «нового русского» со всякими итальянскими и французскими канапе, а тут — совковый диван, облупленный стол и

полдюжины пластиковых табуреток. Даже штор нормальных на окнах не было, ей-богу! Тряпочки деревенские — стиль а-ля рюс. Правда, во второй комнате — хороший рабочий стол, удобное кресло, довольно дорогой «Макинтош», сейф и кучи папок с документами на полу. Но в эту комнату я Кравцова приглашать пока не спешил.

После десятой банки «Кайзера» и на втором килограмме креветок беседа обрела ожидаемые нами обоими черты теплоты и откровенности.

— Я хотел бы тебе помочь, Паша, — сказал я, постаравшись, чтобы и тени сочувствия не было в

моим голосом.

Я уже определил, что Кравцов был в таком состоянии, когда снисходительность недопустима — реакция могла оказаться очень болезненной.

— С чего бы это? — подозрительно спросил Кравцов.

— Ну, во-первых, ты профессионал, а это качество ценное, а во-вторых...

— Брось! — перебил меня Кравцов. — Сейчас таких профессионалов — как грязи под ногами. И в наемники я не гожусь.

— А во-вторых, — все же закончил я свою мысль, — я предполагаю, что ты знаком со

многими людьми, которые меня могут очень заинтересовать в ближайшем будущем. И потом — мы все наемники, так или иначе. Какая разница, кто Хозяин — государство или кто-нибудь еще?

— Ну ни фига себе! — усмехнулся Кравцов. — Помочь он собирался! Работу предлагаешь?

— Работу, — сказал я серьезно. — И работа эта такая...

Я не спеша и достаточно подробно и обстоятельно изложил Кравцову ту часть проекта «Мираж», что была связана с внешними каналами сбыта необработанных алмазов. Это направление было самым слабым звеном в наших

планах, точнее, стало таким после гибели Саманова. Старик занимался этим персонально и никого из нас не успел посвятить в свои разработки. С кем он контактировал и как, осталось полностью неизвестным. Одно было ясно: необходимая информация лежала в недрах того недавно почившего в Бозе ведомства, представитель которого сидел сейчас за одним столом со мной и, заедая ледяной «Кайзер» норвежским раком в укропе, внимательно слушал мои откровения.

Когда я закончил рассказ, Кравцов продолжал не спеша обсасывать раков. С ответом он не торопился.

— Почему такая откровенность? — наконец спросил он и кивнул на телефонный аппарат на стенке. — Я же могу тебя сдать в течение пяти минут?

— Безусловно, — подтвердил я. — Только какой в этом смысл? Вторая звездочка на погоне? По нынешним временам очень, очень бледно...

Шел ли я на риск, втягивая Кравцова в орбиту нашего проекта? Гипотетически — да, конечно. Но реальный риск, по моей оценке, не выходил за пределы обычного рабочего диапазона. За годы всех этих бурных приключений у меня развилась любопытная способность

— я научился быстро и довольно точно определять спектр ведущих мотивов собеседника, иногда даже раньше, чем он сам мог эти мотивы осознать. Все же научили меня чему-то на факультете психологии, а последующая необычная практика превратила этот багаж знаний в весьма полезный инструмент.

Так что Кравцов у меня подозрений не вызывал. Наоборот, я считал удачной эту случайную встречу. Рано или поздно, а контакт с людьми из Конторы должен был состояться. Поэтому я откровенно пояснил Павлу Борисовичу, что думаю о его нынешнем положении и о тех перспективах, которые

открываются перед ним в свете моего рассказа. Как человек весьма разумный, он с моими доводами согласился. В сущности, мне от него нужна была только информация — ничего больше. Не слишком трудный хлеб — на первый взгляд.

— Алмазами, насколько я знаю, занималось Первое управление, — сказал Кравцов, открывая последнюю пару «Кайзера». — Сейчас эти люди почти все перешли в службу Примакова.

— Ты кого-нибудь знаешь лично?

— Кое-кого знаю. Но особо близких контактов у меня нет. Нужно время.

— Сколько?

— Недели три, может, месяц.

— Многовато...

— Ну ты даешь! Дело-то не простое.

— С простым сами бы справились.

— Ишь ты! Кстати, желающих «справиться», вроде вас, может много оказаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Да, понимаешь, развалилось все. Многие уже ушли и продолжают уходить. Кто на пенсию, а кто — на сторону. Да и вообще, бардак кругом! Вон ГРУшники создали десяток коммерческих контор, качают барахло из Эмиратов килотоннами

через армейский аэропорт в Жуковском. Пять лет назад разве можно было такое себе представить? Кстати, их транспортники садятся там, набитые всякими «панасониками» и «тойотами», но и взлетают они оттуда не пустыми. И никаких досмотров. Я что хочу сказать — идеи в воздухе носятся, так что на твоём месте я бы не исключал возможности появления конкурентов на горизонте.

Я задумался над его словами... Кравцов был прав — мы стали слишком беспечны. Конечно, Саманов был гений, но в нынешней пестрой, бурлящей каше, где стремительно образовывались и

взлетали на поверхность новые мощные финансовые структуры, где уже не было возможности провести хотя бы приблизительную границу между официальным рынком и тeneвым, где как мыльные пузыри лопались скороспелые законы и где люди, о которых прежде никто не слышал, неожиданно становились реальной силой, вполне могла появиться фигура подобного масштаба и с похожими идеями.

Пока у нас была фора по времени, но все, к несчастью, осложнялось так некстати начавшимся конфликтом внутри синдиката. Мысли мои перескочили к этой невеселой теме, и настроение

сразу испортилось.

— Ну, ладно, — сказал я. — Тебе, конечно, виднее. Месяц так месяц. Да, я должен буду тебя кое с кем познакомить в связи с этим делом.

— А надо ли?

— Надо, надо. Этот парень скоро приедет из Иркутска, он в курсе всех событий. Голова у него светлая, по делу может полезное подсказать. И еще два человека есть — одного, правда, ты хорошо знаешь.

— Кто это еще?

— Уколкин Миша.

Глаза Кравцова неприятно сузились.

— Вот как! Не ожидал, — сказал

он сухо.

— Да брось ты! Дело давнее, теперь мы в одной команде.

Кравцов посмотрел на меня сумрачно.

— Я из себя святошу изображать не хочу, но учти, Уколкин — это сволочь!

Сказано было с большим чувством. Тут я сообразил, что встречаться им, пожалуй, не стоит. Во-первых, делу может повредить, а во-вторых, в лице Кравцова судьба давала мне в руки хорошее средство сдерживания на тот случай, если амбиции Уколкина выйдут за рамки нашего джентльменского соглашения.

А что такое может произойти, я

совсем не исключал — после смерти Саманова фигура Уколкина приобретала большой вес, и сам он это прекрасно сознавал. Пока совместная борьба против Гордона заставляла нас бежать в одной упряжке, но дальнейшее развитие событий было далеко не однозначным.

— Хорошо, — подвел я итог нашей застольной беседе. — Давай работать на пару. Про Уколкина забудь.

Кравцов кивнул, но по его лицу я понял, что он весьма далек от того, чтобы подвергать такому насилию свою память — Уколкин прочно сидел у него в печенках.

Перед расставанием я протянул ему десяток купюр по пятьсот финских марок.

— На представительские расходы.

Он поколебался, поморщился, но взял.

Глава 27

ОХОТА НАЧАЛАСЬ

Прошло всего два или три дня после встречи с Кравцовым, и вот из Иркутска позвонил Станислав. Разговор наш был недолгим.

— Все хорошо, — сказал он после того, как мы обменялись приветствиями. — Договоренность есть, первая акция — через три дня. В конце недели буду в Москве. Ждите и будьте осторожны.

С этими словами он повесил трубку. Я передал его сообщение Уколкину, и мы договорились встретиться на Новослободской, как

только Кедров вернется или же из Иркутска последует новая информация. В пятницу Станислав вновь позвонил и сказал, что вылетает в столицу.

Мы встречали его в Домодедове, рейс здорово задерживался, примерно на час, и мы в нетерпеливом ожидании слонялись среди многочисленных ларьков на первом этаже аэровокзала. Когда я в десятый раз разглядывал какую-то китайскую ерунду в последней в ряду палатке, Уколкин внезапно больно ухватил меня за локоть.

— Не оглядывайся, — едва слышно произнес он, низко склонившись к витрине с якобы

швейцарскими часами. — На галерее
сверху — Кучера.

Уставившись на плакат в ларьке,
с которого на меня печально и строго
взирал увешанный стрелковым
оружием Сталлоне, я спросил:

— Думаешь, началось?

— Началось, — подтвердил
опытный Уколкин и быстренько
потащил меня в толпу, которая стала
скапливаться у зоны встречи
прибывающих пассажиров — рейс
Иркутск — Москва только что
благополучно приземлился.

Едва поздоровавшись, я
подхватил Станислава под руку и
потащил к выходу. Уколкин
прикрывал нас сзади. Трудно было

предположить, что люди Гордона решатся на какие-либо серьезные действия в кишащем милицией аэропорту, но впереди нас ждало суровое испытание — в этот вечерний час трасса Домодедово — Москва была достаточно пустынной, и это обстоятельство могло спровоцировать противника на решительные шаги.

Я не ошибся. Не успели мы и пару километров проехать после поворота на трассу, как ярко-красный «опель-вектра» прочно приклеился к нам сзади. Уколкин — на этот раз он сам был за рулем белой оперативной «Волги» — несколько раз тревожно взглянул в зеркальце заднего обзора и

чертыхнулся:

— Прилип, гад. Не стряхнешь теперь!

— Кучера?

— Он самый. Когда со стоянки выезжали, я видел, как он к этому «опелю» бежал.

— Ну и что? Пусть тащится, пока не надоест.

Уколкин с сомнением покачал головой.

— Боюсь, он не просто так нас ведет.

Как бы в подтверждение его слов, красный автомобиль резко увеличил скорость, вплотную подтянулся к нам и, сменив ряд, пошел на обгон. На шоссе было

пусто, только далеко впереди маячили габаритные огоньки какого-то большого трейлера.

— Пригнитесь! — крикнул Уколкин, втянув голову в плечи.

Он крепко вцепился в руль и до отказа выжал педаль акселератора. Меня и Кедрова, а мы сидели сзади, моментально вдавило в спинку сиденья. Оглянувшись, я увидел, что «опель» как бы остался на месте, так велико было ускорение нашей машины. Но водитель красного автомобиля быстро оправился от неожиданности. Через десяток секунд «опель» опять замаячил за бортом нашего автомобиля, так близко, что казалось — рукой можно

достать.

Через плечо Уколкина я бросил взгляд на спидометр — стрелка слегка колебалась возле отметки «150». На такой скорости подвеска «Волги» плохо справлялась с неровностями дороги, ощутимо передавая каждый толчок. Мы стремительно нагоняли трейлер. Впереди дорога пошла вверх по невысокому холму, и я увидел, что трейлер этот не единственный, он был последним в колонне из трех машин.

Тяжелые магистральные грузовики «Скания» шли довольно быстро — около сотни километров в час, до ближайшего оставалось не

более пятидесяти метров. Уколкин, включив поворотник, пошел на обгон. Мы почти поравнялись с последним грузовиком, как вдруг, резко сбросив газ, он крутым виражом вернулся в правый ряд и затем, выскочив на обочину, стал обходить грузовики справа. Сзади раздался истошный визг тормозов. Оправившись от удара о переднее сиденье после такого лихого торможения двигателем, мы со Станиславом обернулись.

Водитель «опеля» сдуру, а может быть, чисто автоматически, охваченный инстинктом преследователя, попытался повторить наш маневр, и это дорого

ему обошлось. Несмотря на всякие хваленые антиблокираторы, машина потеряла управление и ее закрутило на дороге. Задев грунт обочины, она резко накренилась и правые колеса оторвались от земли. В немыслимой спирали, вышибая металлом корпуса снопы искр из асфальта, она пронеслась на боку несколько десятков метров, пересекла встречную полосу и в фонтане песка и гравия исчезла в кювете. Шедший навстречу грузовик, виляя из стороны в сторону и оставляя широкие черные следы от дымящихся заблокированных колес, остановился в нескольких метрах от места аварии.

Все это я успел разглядеть, пока наша многострадальная «Волга», совершая дикие прыжки по ухабистой обочине, гасила скорость, почти прижавшись левым крылом к заднему правому углу угрожающе-массивного трейлера. Наконец Уколкин отпустил грузовики, вернулся на асфальтовое полотно трассы и, откинувшись назад, облегченно вздохнул. Мы тоже перевели дух. У Станислава шла носом кровь от удара в подголовник переднего сиденья.

— Ну как я его? — хвастливо спросил победоносный Уколкин, хлопая обеими руками по баранке.

— Тебе бы в «Париж-Дакар», —

польстил я его самолюбияю.

— Я в молодости в «кольце» гонялся от «Динамо». Немного до мастера не добрал.

Я вспомнил Богородское шоссе. Да, талантов у Миши Уколкина было — хоть отбавляй.

— Черт знает что! — подал голос Кедров, хлюпая носом и прижимая к лицу платок, весь уже пропитанный кровью. — Устроили корриду! Ну, обогнал бы он нас...

— Если бы он нас обогнал, Стасик, разбитым носом дело бы не кончилось, — поддержал я действия Уколкина. — Мише — пулю, и кувыркались бы мы сейчас в кювете без рулевого. Похоже, Стасик, они

твой приезд жаждали отметить. Судя по такой торжественной встрече, командировка удалась?

— Удалась, удалась, — пробормотал Кедров, запрокинув голову назад. — Говоря языком нынешней прессы, «вовсю раскрутился маховик репрессий». Я дал список на двадцать два человека. В течение недели добыча на Бирюсе и Витиме будет полностью остановлена.

— Как бы не перестарались, — тревожно заметил Уколкин. — А то потом возни много будет.

Это «потом» отложилось у меня в памяти. Из таких, на первый взгляд незначительных деталей, из

случайных словечек и пауз складывалось у меня смутное пока впечатление, что далеко обогнал нас в своих планах Миша Уколкин и совсем другой видит он свою роль в недалеком будущем, да и наши, соответственно, тоже. И взгляд его в последнее время мне как-то не нравился — бегающим таким взгляд стал, ну невозможно прямо поймать. Но пока, что напраслину возводить, он вел себя молодцом.

Навстречу нам, завывая сиренами, мерцая вспышками проблесковых маячков, пронеслись две машины ГАИ и микроавтобус «скорой помощи».

— Надеюсь, Кучера получил

массу удовольствия, — злорадно сказал Кедров, проводив взглядом тревожную кавалькаду.

— Тебя самого в Иркутске не пасли? — спросил его Уколкин.

— Нет, да я из прокуратуры почти и не вылезал, — ответил Кедров. — Жил у Майорова и ездил в его машине.

— Майоров Дима — тамошний зам. по следствию, — пояснил мне Уколкин и спросил опять: — А не перестараются ребята?

— Да хоть бы и так. Сейчас кашу маслом не испортишь. Чем сильнее задницу Гордону подпалим, тем лучше. Кстати, где он сейчас?

— Аркадий делает успехи в

среде столичного бомонда. Вышел в высшие сферы. Сейчас его закадычные дружки — это... — Уколкин назвал несколько громких фамилий, среди них известного эстрадного льва.

— Вот как? — удивился Кедров. — Когда ж это он успел?

— Да он давно его знал, правда, особенно близких отношений не поддерживал. Лет десять назад Старик сам с этой публикой заигрывал, рассматривал как один из каналов сбыта. Возил этого барсука недоделанного в Саяны, охотой угощал. Он там в бане, надравшись в стельку, свой коронный репертуар исполнял. «С нами Ленин

впереди...» Я чуть со смеху не помер. Там Гордон с ним и познакомился, а сейчас плотно сошелся. Этот сын Израиля теперь большими делами заправляет.

— Вот как?

— Отстаешь, Стасик! Раньше все эти певцы-танцоры мелкой фарцовкой пробавлялись, из какой-нибудь Зеленой Гуры штаны привезти — предел мечтаний, а сейчас — обороты настоящие, серьезные.

— На чем? Шоу-бизнес?

— Нет. Чаще импорт, крупные поставки. В основном продовольствие, иногда одежда. Очень крупные партии. Плюс сеть

розничной торговли. Растут как на дрожжах.

— Да... И Ленин всегда молодой, и вечный Октябрь впереди... — задумчиво протянул Кедров.

— Вот-вот. Что ни день — новые имена. Ситуация меняется в корне. Стариков скоро забывать начнут.

— Ну уж! — усмехнулся Кедров. — Саманова скоро не забудешь.

— Дело не в этом. Я мемуары писать не собираюсь. Возможностей новых много открывается, людей много новых. С Гордоном покончим — пора схему менять. Я тут кое-что

набросал...

Уколкин говорил увлеченно, видимо, он не первый день размышлял о перспективах синдиката. Мы с Кедровым удивленно переглянулись — никто из нас не ожидал, что «силовое прикрытие» выступит в роли руководящего и направляющего начала.

— Сначала с Аркадием нужно разобраться, — перебил я разошедшегося Уколкина.

Тот оборвал фразу на полуслове и обиженно замолчал.

— Планирование, Миша, не твоя стихия. Ты вон чуть наш интеллектуальный потенциал не

повредил, — похлопал я нежно по затылку все еще хлюпающего носом Кедрова.

— Ну-ну, — как-то легко согласился Уколкин и я пожалел, что так грубо дал ему понять, что невысоко ставлю его разработки. Теперь он, поди, следить за собой будет тщательно, лишнего не сболтнет. Впрочем, разговор продолжать было некогда — мы уже ехали по Новослободской.

Глава 28

ПРЕТЕНДЕНТ НА ТРОН

Первое, что бросилось в глаза едва мы вошли в подъезд самановского дома, — отсутствие привычного охранника в фикусовых джунглях. Старенький диван был пуст, но телевизор работал.

— Отошел куда-нибудь... — пробормотал Уколкин, тревожно озираясь.

Когда мы вышли из лифта, Уколкин попридержал нас со Стасом и первым мягко подошел к двери

квартиры. Протянул руку к кнопке звонка и тут же отдернул, будто обжегшись. Дверь была приоткрыта — чуть-чуть, буквально на сантиметр.

Так же мягко, бесшумно Уколкин подскочил ко второй двери, слегка толкнул ее ладонью. Дверь была заперта. Быстрым движением он извлек из-под пиджака пистолет. Оружие было явно нештатным — компактная машинка, похожая на «вальтер», но с очень коротким стволом и странной формы прицелом.

— Оставайтесь здесь, — негромко сказал Уколкин, взвел сухо щелкнувший курок пистолета и,

быстро открыв незапертую дверь, пригнувшись, влетел в квартиру.

Мы с Кедровым не последовали его мудрому совету и вбежали вслед за ним. Ни у меня, ни у Станислава оружия не было. В голове как-то не укладывалось, что наше штабное помещение может таить угрозу для нас. Охрана в квартире находилась постоянно, бронированные двери сейфового типа с внутренней несгораемой набивкой, которые были в состоянии противостоять и гранате и газовому резаку, не имели видимых повреждений. Скорее всего, просто охранник из подъезда зашел от скуки к нашим ребятам. Штурмуя наше обиталище с вооруженным

Уколкиным во главе, мы рисковали попасть в комичное положение. Но уже в коридоре я понял, что сейчас будет не до смеха.

Мое предположение было верным — «портье» действительно находился в нашей квартире. Он лежал в конце коридора ничком, широко разбросав ноги, руки его были стянуты за спиной узким светлым ремешком сыромятной кожи. Кровь, которая вытекла на паркет из простреленной у основания черепа шеи, уже запеклась в почти черную пленку — убийство произошло не меньше чем за пару часов до нашего визита.

Перешагнув через труп, я вслед

за Уколкиным вошел в гостиную. Сзади щелкнули замки — предусмотрительный Кедров запер за нами дверь.

В гостиной нас ждало зрелище не многим приятнее, чем в коридоре. Толик-спортсмен полулежал в кресле, запрокинув голову. Рядом с его левой рукой, бессильно свисавшей с подлокотника, валялся шприц кубиков на десять. В районе локтевого сгиба виднелись фубые следы нескольких уколов. Правую руку он прижал к животу — легкая спортивная куртка в этом месте была вся пропитана кровью.

Уколкин подошел к нему, коснулся шеи.

— Мертв, — сказал он
деревянным голосом. — Давно.
Задубел уже.

Несколько секунд мы стояли,
растерянно глядя на труп охранника
в кресле. Первым пришел в себя
Кедров.

— Надо в кабинете... —
договорить он не успел.

— Не двигаться! — раздался
сзади негромкий скрипучий
голос. — Оружие на пол! Руки на
затылок!

Пистолет Уколкина тяжело
ударился о паркет.

— Можете повернуться, —
спокойно разрешил невидимый
собеседник.

Не опуская рук, мы разом обернулись. В дверях комнаты стоял невысокий полный пожилой человек, в котором я с изумлением узнал полковника Вартанова. В левой руке он держал небольшой револьвер с коротким толстым стволом.

— Ну-ка, друзья, к диванчику, к диванчику. Вон туда, — качнул он оружием, показывая направление.

Мы послушно сделали несколько шагов к стене. Вартанов подошел поближе, с кряхтением нагнулся, поднял пистолет Уколкина. Михаил дернулся было, но полковник среагировал моментально — он резко отпрянул назад, ствол револьвера замер напротив

уколкинского лба.

— Спокойно, сынок! —
отечески ласковым голосом
посоветовал Вартанов. — Не спеши,
время для шуток еще будет.

Уколкин шумно вздохнул и
отступил на шаг.

— Как прикажете вас... —
начал было я, но Вартанов перебил:

— Еще оружие есть?

— Нет! — хором ответили мы.

— Верю на слово, —
добродушным тоном сказал
полковник и, опять указав стволом
на диван, добавил: — Садитесь,
поговорим.

Мы уселись рядом на кожаном
диване. Вартанов отошел к столу,

взял стул, отодвинул подальше от кресла с мертвым охранником и сел напротив.

— Сразу хочу пояснить, что я здесь ни при чем, — сказал он, заложил ногу на ногу и пристроил уколкинский пистолет у себя на бедре.

Не выпуская из левой руки револьвер, правой он достал из кармана пиджака пачку сигарет, губами вытащил штуку, положил пачку обратно, похлопал по карманам в поисках зажигалки, наконец закурил. Все было сделано нарочито медленно, совершая эти манипуляции, Вартанов окидывал время от времени наши

лица испытующим взглядом. Перекатив сигарету в угол рта и выпустив облачко дыма, он произнес:

— Я приехал за полчаса до вашего появления, рассчитывая застать вас всех здесь, и, увидев эту печальную картину, решил немного подождать. Надеюсь, никто из вас не считает, что на старости лет я решил приобрести известность как московский Джек Потрошитель?

Мы согласно кивнули. Действительно, никаких видимых мотивов для убийства охранников у Вартанова быть не могло.

— Ну, слава Богу, я конечно же считаю вас разумными людьми. Однако молодежь нынче нервная

пошла, поэтому счел нелишним
стволик отобрать, уж извините
старика. А то ведь сейчас стреляют, а
после думают — зачем? Впрочем,
что это я — Володя кадры со вкусом
подбирал.

Во время этого монолога
Вартанов с интересом разглядывал
пистолет Уколкина.

— Редкая вещь, — заметил он,
пристально вглядываясь в оружие,
которое отставил подальше от глаз на
вытянутой руке, — очевидно, был
дальнозорким. — Всего второй раз в
жизни держу такой в руках. Зондер-
модель на базе Р-38. Малая серия для
спецслужб третьего рейха. До сих
пор один из лучших в Европе. В

комплект должен входить еще длинный глушитель. Откуда это у вас?

С этими словами полковник бросил пистолет Уколкину. Тот поймал и сразу засунул под пиджак.

— Так, по своим каналам, — неопределенно пояснил он.

Я снова вспомнил Богородское шоссе. Действительно, если судить по состоянию черепной коробки несчастного грека, эта «зондермодель» обладает чудовищной убойной силой. Похоже, что Уколкин, как и наш бывший руководитель, равнодушен к «железкам времен войны». Кажется, так он выразился тогда,

одиннадцатого сентября, в день гибели Саманова?

— Значит, когда вы вошли в квартиру, здесь все было так, как сейчас? — спросил Кедров.

— Не совсем, — ответил Вартанов и, показав пальцем на спортсмена в кресле, пояснил: — Вот тот был еще жив. Хотя и очень плох.

— Он был в сознании? — спросил Уколкин.

По его тону было заметно, что он находился в чрезвычайно взвинченном состоянии. Вартанов кивнул.

— В сознании. Или почти в сознании. Они накачали его какой-то

дрянью. — Вартанов показал на шприц. — Очевидно, было что-то вроде допроса. К сожалению, я ничего не успел сделать. Несколько колотых ранений в грудь и живот. Парень скончался через несколько минут, после того как я вошел в квартиру. Буквально истек кровью. Интересно, что мог знать простой охранник?

При последних словах полковник как-то странно посмотрел на Уколкина. Тот посерел лицом, опустил голову.

— А вы-то откуда знали, что Станислав прилетает сегодня? — спросил я Вартанова.

— От Аркаши, от Гордона то

есть, — пояснил он, добродушно улыбаясь. — Два дня назад он нашел меня в санатории под Рузой и предложил на него работать. Вы, Сережа, так мне и не позвонили, а вот он подсуетился.

— Закрутился с делами, — извиняющимся тоном ответил я.

— Ну вот, — продолжал Вартанов. — Гордон мне сообщил, что Стас прилетает сегодня и что на вашу команду ставки делать теперь бесполезно. Я и решил полюбопытствовать, насколько оправдаются его надежды.

— Оправдались... — уныло протянул Кедров.

— Не совсем, не совсем, —

усмехнулся Вартанов. — Что так задержались? Рейс опоздал?

— И рейс опоздал, и приключение по дороге поймали, — ответил Уколкин.

— Да. Война! — заключил Вартанов и спросил серьезно: — Что дальше делать будете, молодые люди?

— У нас теперь путь один — до победного конца, — за всех ответил Кедров. — А вот ваша позиция мне лично не ясна.

— А позиция моя совсем простая, — улыбнулся Вартанов. — Я намерен помочь вам справиться с Гордоном.

— Почему? И на каких условиях? — спросил Уколкин.

— И это не сложный вопрос, —
опять усмехнулся Вартанов.
Положительно, он был в хорошем
настроении. — Потому, что я
намерен продолжать Володино дело,
разумеется заняв его освободившееся
место, и ваша компания меня
устраивает больше, чем шайка
Гордона. Соображаете лучше.

Насчет наших мыслительных
способностей он явно переборщил. В
данный момент это
действительности не
соответствовало. Мы вытаращили
глаза на новоявленного мессию, не в
силах произнести ни слова. Уколкин
стал громко сопеть.

— Это вы от радости? —

озабоченно поинтересовался у него Вартанов.

— Чушь какая! — взорвался Уколкин. — Что это еще за претензии?! Мы вас знаем плохо, и какое отношение...

— Самое прямое. И очень серьезное, — перебил его полковник. — Я в деталях знаю все, что касается проекта «Мираж». И совсем не потому, что ваши сейфы в Володином кабинете полностью сейчас выпотрошены. — Он потыкал большим пальцем правой руки куда-то себе за спину и хладнокровно продолжал: — По просьбе Володи я разрабатывал внешнее поле проекта — все, что связано с европейской

задачей. На данном этапе именно это является ключевым звеном всего дела. Никто из вас не имеет нужных связей, ни тем более соответствующего опыта. А я имею. Кстати, ваши, к сожалению не состоявшиеся, командировки полностью готовились мною. Вы должны были встретиться с... не так ли?

Вартанов подробно сообщил нам с Кедровым о наших целях и задачах в Лондоне и Кейптауне. Сомнений не оставалось — он знал подробности проекта. Этой информации не было в документах, о ней кроме нас знал только Саманов.

— Вам без меня не справиться,

ребятки. А вот у меня выбор есть — между вами и Гордоном.

Уколкин скривил губы в зловещей ухмылке и демонстративно провел рукой по левому борту пиджака, под которым, как я теперь знал, пряталась его «зондер-модель».

— Такой выбор — опасное занятие, — процедил он ледяным тоном.

— Да бросьте, бросьте! — сердито махнул рукой полковник. — Я вам дело предлагаю! Нечего здесь доморощенного Аль Капоне изображать!

Уколкин сник, плюнул в раздражении на пол. Лицо Вартанова, по которому пробежала

было тучка, вновь прояснилось.

— Ну так как? По рукам? — Он опять широко улыбнулся.

Я с ответом не спешил, остальные тоже молчали. Кравцов с его потенциальными возможностями был, безусловно, моим козырем, но в данную минуту расклад не позволял определить истинный вес этой карты. Хотя в любом случае при таком противовесе Вартанову игра приобретала любопытную пикантность.

— Давайте сперва с Гордоном разберемся, — миролюбиво предложил Кедров. — А потом уже о приоритетах поговорим.

— Ну что ж, дело! — сказал

Вартанов. — Это задача первоочередная, но не слишком сложная.

— Конечно, семечки! — ядовито произнес Уколкин. — Вот двое уже в этом убедились!

Он указал на трупы охранников.

— Не слишком сложная, — спокойно повторил полковник, пропустив мимо ушей уколкинское замечание. — И даже не слишком опасная, если все будете делать так, как я вам скажу.

Глава 29

ДВА-ОДИН

Дача Вартанова находилась в Снегирях — километров сорок от Москвы по Волоколамскому шоссе. Добротный большой дом из мощных оцилиндрованных бревен располагался в центре участка площадью примерно с полгектара. Участок был огорожен высоким глухим забором и весь зарос колючей дикой малиной, среди которой возвышались десятка два огромных вековых сосен.

Дом, казалось, хранил атмосферу тех лет, когда был

построен — атмосферу конца тридцатых годов. Все в нем: и мебель, и кухонная утварь, и многочисленные пыльные книги, и поблекшие, слегка пожелтевшие фотографии прежних обитателей — все было в возрасте почтенном, время остановилось здесь лет пятьдесят с лишним назад.

— Это ваше родовое поместье? — спросил я Вартанова, снимая с полки справочник «Вся Москва» за 1936 год.

— Отнюдь! — ответил Александр Гургенович. — Этот дом я купил у родственников генерала Клементьева пятнадцать лет назад.

Он устало опустил в

массивное старое кресло и с безразличным видом наблюдал, как двое парней Уколкина таскают на террасу наши вещи из машины. Вартанов предложил нам с Кедровым пожить в его загородной обители те несколько дней, которые потребуются Уколкину для подготовки акции против Гордона.

— А вещи? Вообще — вся обстановка? — спросил Станислав, с любопытством озирая почти музейный интерьер.

— Все от прежних хозяев осталось. Хотел было поменять, да все как-то времени не хватало, а потом привык. Уютно здесь, спокойно.

Вартанов встал, потянулся.

— Ну что же, надо стол сделать — отметим приезд. Ребята, — крикнул он охране, — притащите дров из сарая и камином займитесь, ночи-то уже прохладные.

Пока парни разжигали камин, а Кедров с Вартановым занимались закуской, я с разрешения Александра Гургеновича осматривал дом.

Первый этаж состоял из террасы и трех больших комнат, две из которых отапливались голландской печкой, выложенной голубыми с белыми звездочками изразцами, а в третьей был камин из темно-вишневого кирпича с медным раструбом дымоуловителя, совсем

тусклым от времени. В комнате с камином стоял небольшой черный кабинетный рояль, на нем лежал пухлый альбом в переплете из рыхлого синего бархата. Стряхнув пыль, я раскрыл тяжелый том.

Меня всегда поражало качество старинных фотографий. И даже не техническим совершенством изображения, хотя и этот аспект достоин удивления. Большинство снимков начала века, которые доводилось мне когда-нибудь видеть, несли на себе печать высокого мастерства подлинных художников. Я о портретах, разумеется. Репортажная съемка в то время переживала свое детство, а вот

портреты сильное впечатление производят.

Лица, глядевшие на меня с коричневатых тонированных снимков на плотном картоне с золотым тиснением, были симпатичны. Старые мастера уважали своих клиентов — и ракурс, и свет, и поза подчеркивали прежде всего одухотворенность, интеллект. И парадная ряса священника, и его великолепное, вероятно наградное, распятие, и блестящий мундир офицера, и ордена, и элегантные трости и шляпы — все это бросалось в глаза уже потом, но сначала — лица, а особенно — глаза. Было в них и достоинство и ум, и смотреть на

них было приятно. Я медленно перелистывал альбом.

Подписей почти не было под фотографиями, а те, которые были, значили для меня очень мало — отдельные буквы, иногда город, иногда год. Последний снимок в манере старой школы был сделан в Одессе, в 1918 году. Два офицера стояли, опираясь на эфесы шашек, и смотрели прямо в объектив. В их глазах была усталость и злость.

Дальше в альбоме шли скверные, мутные фотографии тридцатых годов — здесь уже интерес представляли комбинации кубиков, шпал и ромбов в петлицах гимнастеров и количество

аляповатых советских орденов. Серые лица персонажей имели выражение одинаковое и не запоминались.

— И никого уже нет... — произнес у меня за плечом задумчивый голос.

Я вздрогнул — Вартанов подошел совершенно неслышно. Он открыл чуть скрипнувшую крышку рояля и легко прикоснулся к желтоватым, с мелкими трещинками клавишам слоновой кости. «Bekker» — разобрал я черные буквы на тусклой бронзовой дощечке.

Александр Гургенович пододвинул стул и сел за инструмент. Его небольшие, с короткими

пальцами руки уверенно легли на клавиатуру. Мелодия старинного романса заполнила комнату.

— Белой акации гроздья душистые вновь ароматом весенним полны... — негромко напевал полковник приятным баритоном.

В комнату заглянул Кедров с бутылкой и штопором в руках и прислонился к косяку двери, с улыбкой слушая игру Вартанова. Внезапно я понял, почему старый полковник ничего не хочет менять в этом доме. Ему нравилось чувствовать себя гостем — гостем, что заглянул на огонек, зажженный дружеской рукой полвека назад. И дело не в том, кто и как жил здесь

раньше — этот дом легко было заселить любыми тенями. И, наигрывая вечером на старом рояле, испытать невероятную надежду, что вот скрипнет дверь и войдут те, кого нельзя ждать уже никогда.

— Генерал-лейтенант Клементьев преподавал в академии Фрунзе, армейская разведка имела там свой факультет, — сказал Вартанов, внезапно обрывая игру. — Его сын, Геннадий, продал мне этот дом перед тем, как уехать в Англию. Сейчас он живет там постоянно. Он геммолог высокой квалификации и работает в ювелирной фирме своего дальнего родственника. А попутно кое-что делает и для нас.

Я хотел было уточнить, как понимать это «для нас», но Вартанов вновь заиграл — все тот же романс. Слова, однако, были теперь иными:

— Смело мы в бой пойдем за власть Советов и как один умрем в борьбе за это...

Полковник сделал пару бравурных аккордов и, рассмеявшись, сказал:

— Идеологические различия — всего лишь ширма для одинаковых мотивов.

Я улыбкой дал понять, что оценил его каламбур, а он уже серьезно добавил:

— Геннадий и будет нашим основным партнером в Лондоне,

резидентом, если угодно.

Все эти три дня, что мы провели на даче Вартанова, прошли под знаком обоюдного интереса, который не скрывала ни одна из сторон. В конце концов мы с Кедровым признали право полковника возглавить проект, а он остался удовлетворен квалификацией своих новых подчиненных.

Александр Гургенович был абсолютно не похож на своего предшественника — и внешне и внутренне это был совершенно другой человек. Он был великолепно образован, музыкален, чрезвычайно общителен. История разведки и контрразведки была его страстью —

он являлся автором нескольких серьезных исследований в этой области; мы провели вместе немало часов, слушая его увлекательные рассказы. Кроме того, в отличие от аскета Саманова, он был превосходный кулинар и подлинный гурман — мог целый вечер трудиться над изготовлением какого-нибудь изысканного паштета, а поэтические образы, которыми он описывал достоинства любимых им мозельских вин, я мог сравнить разве что с красочными и энергичными эпитетами Абашидзе.

В целом мы понравились друг другу. В потенциальном согласии Абашидзе видеть Вартанова во главе

проекта ни я, ни Кедров тоже сомнений больших не испытывали. А вот с Уколкиным дело обстояло сложнее.

Несколько раз я пытался прояснить позицию Александра Гургеновича в этом вопросе, но безрезультатно. Тактично, но решительно он отказывался обсуждать роль Уколкина в наших перспективных планах.

Загадкой для нас оставались также подлинные мотивы Вартанова, заставляющие его принимать такое активное участие в нашем сомнительном деле. На прямой вопрос Кедрова он ответил с какой-то двусмысленной интонацией:

— Можете считать, что это моя последняя попытка до конца реализовать профессиональный потенциал. Карьера в ГРУ была не слишком удачной и не дала возможности полностью проявиться моим блестящим способностям.

Сказано это было со смешком, и осталось впечатление, что если даже и есть в этой шутке доля истины, то очень, очень незначительная.

Но в целом Вартанов завоевал наше расположение, и я счел возможным рассказать ему о моем знакомстве с Кравцовым и тех надеждах, которые я на него возлагаю. Рассказ этот заметно взволновал старого полковника, но, к

моему большому удивлению, не в той части, где я расписывал возможные перспективы, а в «исторической», посвященной делу греков и эпизоду на Богородском шоссе. Вартанов дважды и в мельчайших подробностях заставил меня повторить эту историю.

— Значит, он знает теперь наверняка, что стрелял Уколкин? — в который уже раз переспросил он.

Я подтвердил. Этот жгучий интерес был мне непонятен. По лицу Кедрова, на которого, кстати, повествование о моих запутанных отношениях с Кравцовым особого впечатления не произвело, я увидел, что он тоже не находит объяснения

такому волнению Вартанова.

Разговор окончился требованием Александра Гургеновича обязательно познакомить его с Кравцовым, как только закончится наша снегиревская засада. Я охотно согласился.

На рассвете следующего дня нас разбудил примчавшийся из Москвы Уколкин. Всю ночь шел дождь, и белая «Волга» была до крыши покрыта дорожной грязью. Пока охрана на скорую руку отмывала машину, Уколкин возбужденно рассказывал:

— Сегодня, с двенадцати до двух, Аркаша с компанией будет в Сандунах. Все люди уже на местах. Мои четверо — внизу, ваш, как и

договаривались, на крыше. Обзор сверху вполне приличный, сектор большой, накрывает все возможные места парковки. В «слепых» участках мы ночью поставили несколько машин, так что деться ему некуда. Лишь бы ваш парень не подвел, а то днем народу там много бывает.

— Об этом не беспокойтесь, — сухо сказал Вартанов.

Мы со Станиславом не были посвящены в подробности этой операции и, честно говоря, особенно об этом не жалели. Я знал только, что за эти три дня Вартанов четыре или пять раз говорил с Уколкиным по телефону — дача имела московский номер. И один раз, ночью, кто-то

приезжал. В содержание этих переговоров полковник не считал нужным нас посвящать, да мы и не настаивали, полностью положившись на его богатый опыт.

— Я бы вздремнул, — сказал Уколкин, с трудом сдерживая зевотку. — Почти двое суток без сна и жрать хочу как собака.

Я взял его под руку и повел на террасу. Пока я заваривал чай, Уколкин жадно набросился на паштет, щедрой рукой намазывая деликатес на толстые ломти хлеба.

— Ну как старик? — спросил он, с трудом прожевывая огромный кусок.

На террасе мы были вдвоем.

— Да что старик... Нормально, работать можно, — неопределенно протянул я.

Рука Уколкина, вонзив нож в остатки паштета, замерла. Он внимательно посмотрел на меня, в глазах его мелькнуло какое-то грустное сожаление.

— Да... Чувствую, отольются мне эти деньки, — заметил он расстроенным тоном, как-то сразу потеряв интерес к еде.

Не допив чай, он устало прикрыл глаза и обмяк, облокотившись на стол. Мне стало его жалко — до того измотанным он выглядел.

— Есть еще будешь? — спросил

я.

— Не... Покажи, где здесь прилечь можно, — пробормотал он совсем сонным голосом. — Сейчас сколько? Семь? В одиннадцать разбуди, поедем спектакль смотреть.

Я проводил его до дивана, укрыл клетчатым пледом. Он моментально захрапел. Когда я вышел обратно на террасу, там стоял Вартанов.

— Спит? — спросил он, кивнув на дверь, которую я только что притворил за собой.

— Спит.

— Ну пусть поспит. Иуда, — почти неслышно произнес полковник и вышел из дома.

В одиннадцать я разбудил

Уколкина, и спустя четверть часа мы вчетвером уже катили по направлению к Москве. Уколкин сидел за рулем, четырехчасовой сон заметно освежил его, он был бодр и весел и на все мои попытки узнать, что за зрелище нам предстоит увидеть, отвечал шуточками. Вартанов и Кедров, расположившиеся на заднем сиденье, всю дорогу молчали.

Часа через полтора «Волга» въехала в Большой Кисловский переулок. Уколкин остановил машину и заглушил двигатель. С места нашей парковки хорошо просматривалась Рождественка, по которой сновали многочисленные в

этот час прохожие.

— Вон те два «паджеро» — машины Гордона, — негромко сказал Уколкин, показывая на стоящие близко к перекрестку джипы роскошной, самой дорогой комплектации.

— Нескромно, нескромно... — протянул Вартанов неприятным голосом.

Он сместился в центр заднего сиденья, оттеснив Кедрова вправо, и внимательно рассматривал сверкающие автомобили.

— Что мы должны делать? — спросил заметно нервничающий Станислав.

— Ничего. Ждать. Просто

ждать, — ответил Вартанов и, неловко согнувшись, стал рассматривать здание, у которого стояла наша машина.

Мне показалось, что его интересуют самые верхние этажи.

— Он там с самого утра, — обеспокоенно сказал Уколкин полковнику. — Боюсь, как бы не перенервничал.

Вартанов отрицательно покачал головой.

— Нет. Он мастер, во время работы всегда в форме. После — может психануть. Но во время работы — никогда.

— И пьет много, — продолжал Уколкин. — Слишком много!

— На пару лет его еще хватит, — не согласился Вартанов. — Сейчас он лучший из тех, кого можно найти в стране.

Уколкин недоверчиво хмыкнул, пожал плечами — он был явно не согласен с такой лестной оценкой неизвестного мне специалиста.

Прошло не меньше сорока минут с того момента, как мы въехали в этот переулок. Пока ничего не происходило. Уколкин развалился на сиденье и непрерывно травил какие-то сальные анекдоты. Вартанов морщился, но не перебивал. Мы с Кедровым молчали. Ожидание уже начало перерастать в тревогу.

Вдруг Уколкин оборвал на полуслове свою очередную плоскую шутку и как-то весь подобрался. По переулку в нашу сторону шли двое молодых парней, они разговаривали друг с другом, оживленно жестикулируя. Один из них держал в руке свернутые в трубку газеты. Когда они уже находились в двух шагах от машины, одна из газет выскочила из свертка и упала на тротуар. Парень подобрал ее, встряхнул, и они прошли дальше, продолжая беседу. Уколкин провел по лбу тыльной стороной ладони.

— Гордон с компанией вышли из Сандунов, — сказал он.

Меня охватило сильное

волнение, да и все, кто был рядом, похоже, испытывали то же самое чувство. Беспокойство наше нарастало с каждой секундой. И вот наконец на улице показалась компания человек из восьми-девяти, среди них несколько женщин. Гордона я узнал сразу. Он был в короткой кожаной куртке светло-бежевого цвета и темно-коричневых брюках. Рядом с ним шагал тот самый эстрадный лев, о котором упоминал Уколкин. Его физиономия с ярко выраженными семитскими чертами еще сравнительно недавно часто появлялась на экранах телевизоров, и сейчас многие прохожие узнавали его,

останавливались, глядели вслед.

— Черт! Слишком здесь многолюдно, — пробормотал Вартанов.

Повернувшись на голос, я заметил, что он сжал спинку моего сиденья с такой силой, что ногти побелели.

— Ну и славно! — ответил Уколкин. Он, казалось, вдруг обрел олимпийское спокойствие. — Паника нам как раз на руку.

— Случайно кого-нибудь может зацепить и... — Вартанов не успел закончить фразы.

Гордон подошел к первой машине, вытащил ключи из кармана, мигнули желтым повторители —

сигнализация отключена. Он находился к нам спиной, и я отчетливо увидел, как натянулась на лопатках светлая кожа куртки, когда он взялся за ручку дверцы. Внезапно колени его подогнулись, он как-то странно вскинул вверх обе руки и стал медленно сползать на асфальт, скользя ладонями по гладкому кузову автомобиля. На бежевой куртке между лопаток появилось темное пятно.

Он уже почти съехал на мостовую, когда его компания, отпрянувшая было в начале падения, окружила его плотным кольцом. Многие люди на улице остановились, кто-то подбежал к «паджеро». Вдруг

все, кто столпился около Гордона, бросились врассыпную. Возле джипа остались Аркадий и какая-то женщина. Она сидела около заднего колеса и обеими руками сжимала правую ногу чуть выше колена. Сквозь пальцы обильно сочилась кровь. Мне показалось, что на секунду я поймал удивленный взгляд ее широко раскрытых глаз. Она не кричала.

— Проклятье! — сквозь зубы прошипел Вартанов и стукнул кулаком по обивке дверцы. — Как чувствовал — зацепит!

— Я же говорил — пьет много! — плачущим голосом сказал Уколкин. — Смотри, смотри, сейчас

уйдет!

Аркадий Гордон был еще жив. Он ухватился за никелированную подножку джипа и подтягивался, стремясь укрыться под машиной. Движения его были очень замедленны, силы почти оставили его.

— Ну давай! Давай же! — шептал Уколкин, постукивая ладонями по рулю.

На улице показались два человека в милицейской форме, они быстро бежали к машине Гордона. Им оставалось не больше десяти метров, когда Аркадий дернулся, как от удара током, пальцы его разжались и руки тяжело упали на

асфальт. Я опустил голову — лицо Гордона в один миг превратилось в кошмарную кровавую маску, зрелище было не из приятных.

— Ну вот и все, — будничным голосом сказал Вартанов и хлопнул Уколкина по плечу. — Поехали отсюда.

Всю обратную дорогу до Снегирей мы провели в молчании — каждый по-своему переживал случившееся. Вартанов был замкнут, его лицо не выражало никаких эмоций, казалось, он думал о чем-то совершенно не связанном с событиями сегодняшнего дня. Уколкин же веселел с каждой минутой, в конце пути он даже стал

что-то тихонько насвистывать себе под нос. Кедров был бледен и выглядел нездоровым.

Вопреки своим собственным ожиданиям, я не испытывал облегчения от того, что Гордон и Кучера ушли с арены. Вроде бы было неплохо, что исчезла непосредственная угроза нашему существованию, но логика событий неумолимо тащила нас на новый виток борьбы за контроль над золотым синдикатом. Я почувствовал себя усталым и разбитым. Жажда мести исчезала, но, увы, не бесследно — быстро и неотвратимо она перерастала в глубокое, тяжелое чувство вины. Достаточно было

подумать о том, что не начни я свои поиски тофаларского золота и очень многие люди остались бы живы. Сколько еще смертей мне, возможно, предстоит увидеть? На мгновение меня охватил ужас...

Машина вкатила в ворота вартановской дачи, и голос полковника вернул меня к действительности:

— Ну-ка, собрались! Собрались! Нечего сопли распускать. Останавливаться нельзя, работы впереди — непочатый край! Сутки на отдых — и в Архангельск, пора мне с вашим грузином познакомиться. Вот с кого пример надо брать! — Он шутливо ткнул в бок лучащегося

улыбкой Уколкина.

— Ух! Точно! Прямо камень с души! — подтвердил тот.

— Боюсь, ваша душа принадлежит уже не вам, — загадал загадку полковник и добавил: — Итак, Кучера и Гордон против квартиры, значит, два-один, пока мы ведем в счете.

Глава 30

ДОГОВОР

С высоких старых берез Жаровихинского кладбища в Архангельске уже почти облетела листва. Тяжелые серые облака, гонимые порывами шквального ветра, быстро проносились над обнаженными деревьями, над могилами, на которых в избытке валялась пожухлая и мокрая от дождя кладбищенская мишура — бумажные цветы, венки, ленты и прочая дрянь. Оркестр играл плохо и как-то совсем уныло — музыка больше напоминала вздохи и сопение, чем красивые

мелодии Шопена. Оркестранты промокли и замерзли, их красные, озябшие пальцы с трудом перебирали клапаны духовых инструментов, косой холодный дождь стегал по лицам, заставляя зажмуривать глаза.

Два красивых полированных гроба из какого-то дорогого дерева с латунной отделкой медленно плыли по «аллее славы» на плечах дюжих молодцов, затянутых в кожаные черные плащи, все они были в одинаковых черных очках. За унылым оркестром тянулась небольшая траурная процессия, состоящая из двух десятков очень хорошо одетых мужчин и женщин, в большинстве своем сравнительно молодых —

около тридцати лет.

У ворот кладбища участников церемонии ожидало полдюжины роскошных автомобилей. Как я успел уже понять, верхушка архангельской «братвы» предпочитала «мерседесы».

— Ну и зачем? — спросил Кедров, обращаясь к Абашидзе. — Зачем ты нас приволок смотреть на дело кровавых рук своих?

Мы стояли на параллельной аллее, и скорбная процессия только что проплыла мимо. Жора вытащил руки из карманов насквозь промокшей куртки и повертел их перед Станиславом.

— Вымыл, Пилат, вижу... —

Кедров поднял воротник плаща и надвинул ниже свою элегантную шляпу.

— Какая-то пародия на итальянские фильмы, — заметил Вартанов. — Очки темные, плащи, черт те что... Вчера только из пещеры вылезли...

— Сменив онучи на «Версачи» и предпочтя джин «Гордон» чаче... — выдал двусмысленную импровизацию Кедров. В последние дни он стал как-то истерично весел и обнаружил склонность к стихосложению.

Услышав слово «Гордон», Абашидзе выплюнул подмокшую сигарету и суеверно перекрестился.

— Может, пойдём? —
предложил я. — А то слишком уж
часто приходится все эти церемонии
наблюдать.

— Сейчас. Уже кончают, —
остановил меня Вартанов.

Сквозь редкие скелеты берёз
нам было хорошо видно, как после
короткой прощальной речи закрытые
гробы медленно опускают в могилы.

— Подметки-то хоть целыми
остались? — спросил Кедров.

— Нет! — сокрушенно покачал
головой Абашидзе. — Сам не знаю,
что они в эти ящики положили!

— Перестарались! —
усмехнулся Вартанов.

— Слушайте, а? — развел

руками Абашидзе. — Кинжал — оружие, винтовка — оружие, да? Тротил — разве оружие? Может, я протестант? Католик, а? Может быть, здесь Ольстер, да? Кто сказал — Жора, сделай так? Может быть, это я сам себе сказал?

— Ну ладно, ладно, — поморщился Александр Гургенович. — Я не считаю вашу работу неудачной. Аккуратнее только надо впредь! Во всем квартале стекла повышибало.

— Наверняка хотели! — сказал Абашидзе огорченно. — Такие маленькие эти шашки! Один положишь, два положишь — пшик, и все...

— Пшик! — передразнил я Жору. — Таким количеством линкор на дно пустить можно.

— Первый блин заслуживает снисхождения, — наизидательно сказал Вартанов и не спеша зашагал к воротам. Мы тронулись вслед за ним.

И вправду, это был первый опыт Жориных громил, раньше они никогда не работали такими методами. Изрядная доза банального тротила, щедро сдобренная экзотическим пока пластиком, превратила «Мерседес-500» в ком сильно оплавленного металла. Сомнительно, чтобы органическая субстанция могла сохраниться в

эпицентре такого взрыва.

До взрыва эта самая субстанция представляла собой неких Марка и Бычу — двух местных авторитетов, активно стоящих на позициях, которые еще так недавно защищал безвременно покинувший сей неласковый мир Аркадий Гордон.

Когда мы прибыли в Архангельск, то застали Абашидзе в состоянии крайне взвинченном — так ему надоели бесконечные и бесплодные переговоры с главарями местных группировок. Все они без исключения были весьма молоды, удивительно наглы и, к сожалению, беспредельно тупы. Когда мы только начинали вспахивать это поле,

абсолютным хозяином здесь был некий Лым. Этот субъект был, напротив, стар, обходителен и, бесспорно, умен. Но одновременно патологически жаден. Это неприятное свойство характера и не дало Лыму закончить свои дни естественным образом. Правда, тогда Абашидзе сделал все гораздо менее шумно.

Но, как выяснилось позднее, устранение Лыма было ходом тактически неверным. На освободившееся место хлынула орда «засидевшихся в девках» под престарелым авторитетом молодых разбойников. Город и область трясло от непрерывных разборок, пока люди

Гордона не навели здесь относительный порядок, используя в качестве опоры несчастных Марка и Бычу. Но мы-то сами полностью потеряли свои, завоеванные с таким трудом позиции.

Вартанов, бегло ознакомившись с ситуацией, принял решение в духе Цезаря — одним ударом разрубить гордиев узел местных противоречий. Он даже не снизошел до того, чтобы хоть раз переброситься словом с партнерами Абашидзе по переговорам.

Надо сказать, что к новым людям, занимавшим все больше командных высот в уголовном мире, он относился с глубочайшим

отвращением. Кедров и Абашидзе безоговорочно разделяли эту точку зрения. Я же, поскольку практически не имел опыта общения с авторитетами прежних времен, не мог уловить разницы между патриархами и молодой порослью и специально попросил Кедрова разъяснить мне этот любопытный вопрос.

— У стариков голова работала лучше, — пояснил Станислав. — В тоталитарном режиме много негативных черт, но изворотливости он учит, это точно. Кроме того, существовало раньше четкое деление: большая дорога — бандиту, бизнес — цеховику, по валюте,

антиквариату — свои специалисты. Пересекались редко. А сейчас все смешалось. Какой-нибудь расписной — в голове одна извилина, как у ежика, за плечами ПТУ и два срока за хулиганство, а глядишь — контролирует банк или крупную торговлю. Жестокие они не по делу. Раньше таких к серьезным вещам и близко не подпускали.

— А в вашей фирме?

— Ну что ты! Саманов — то же скала, на голову выше всех стоял. Я не знаю ни одного случая, чтобы он пользовался услугами этих — «в законе»...

— А как же Гордон?

— Гордон — совсем другое

дело. Пожалуй, он в какой-то степени предтеча этих новых. Но при Саманове он не имел никогда большой самостоятельности — просто исполнитель, хотя и не без способностей. Вообще, в семидесятых — начале восьмидесятых такого понятия не было — «рэкет». Даже мелких цеховиков почти никто не трогал, а уж наша фирма — это вообще монополия, государство в государстве. И производство, и сбыт, и своя армия — все в одних руках. Но главное — производство. Люди, которые могли давать идеи и что-то производить, ценились больше всех. А сейчас кто вылез в первые рады?

Бандиты...

— Все верно, — поддакнул Вартанов. — Дерьма на поверхность всплыло много за последние годы. Но далеко не все примитивы, попадаются и подлинные таланты. Взять хотя бы финансовую сферу. Такого элегантного одергивания последних подштанников с наивных соотечественников история России, кажется, не знала.

— Это аморально, — с важным видом сказал Абашидзе. — Аморально и противозаконно!

Все рассмеялись.

— В нашем положении, дорогой Жора, — заметил Вартанов, — говорить о морали и законе — то же

самое, что требовать возбуждения уголовного дела по факту убийства во время Сталинградской битвы. Другое измерение, другой масштаб, другой отсчет.

— И зачем же вы, Александр Гургенович, взваливаете на свои плечи этот подвиг? Объяснили бы соратникам, в самом деле? — осмелился Кедров вновь затронуть так интересующий нас вопрос.

— Подвиг? — переспросил Вартанов и опять отшутился: — В жизни всегда есть место подвигу, важно только подальше держаться от этого места. Чтобы не было мучительно больно.

Наш разговор прервался с

появлением в холле гостиницы представителей АО «Поляралмаз», «Севгеодобычи» и двух довольно крупных местных банков. Все мы, кроме Вартанова, были знакомы с этими людьми, и я хотел было представить их Александру Гургеновичу, но, к моему глубокому удивлению, оказалось, что в этом нет необходимости.

— Здравствуй, дорогой! — заспешил с сияющей улыбкой на смуглом лице к нашему новоявленному руководителю Армен Погосян, владелец банка. — Рады тебя видеть!

Вартанов поздоровался со всеми дружелюбно, но несколько

высокомерно — сразу дал понять, кто здесь самый-самый. Мы с Кедровым переглянулись — до сегодняшнего дня наш непроницаемый полковник ни словом не обмолвился о том, что хорошо знает будущих контрагентов. На лице Станислава отразилась явная досада, а Абашидзе опустил глазки и тихонько усмехнулся, забавно шевельнув густыми усами, — он явно знал побольше нас.

Вслед за деловыми людьми в сопровождении парней Абашидзе прибыли трое слегка напуганных наследников незадачливых Марка и Бычи. Этих Вартанов удостоил лишь пренебрежительным взглядом и

здороваться не стал.

Все поднялись в номер, где уже находились несколько руководителей самановского синдиката. Вартанов предложил всем присесть и начал говорить в напористой, агрессивной манере:

— Итак, господа, я собрал вас всех здесь, чтобы объяснить простую истину — хотя Владимира Георгиевича нет больше с нами, но дело его будет продолжено и вам всем придется в нем участвовать, не изменяя тем соглашениям и обязательствам, которые вы давали. Я полагаю, что всем присутствующим уже известно, что произошло с теми лицами, кто по разным причинам

претендовал на известную самостоятельность и тем самым пытался грубо нарушить естественный ход событий. Подобные необоснованные претензии и впредь будут пресекаться мной без всякого снисхождения. А теперь я готов выслушать жалобы, если таковые найдутся.

Вартанов замолчал и с минуту выдерживал паузу. В комнате стояла мертвая тишина.

— Ну вот и отлично, — продолжил полковник. — Теперь к делу. Вначале о кадрах. Для вас, — он ткнул пальцем в сторону местных бандитов, — вот он — царь и бог. Со

всеми вытекающими последствиями. Ясно?

С этими словами он похлопал по плечу Абашидзе. Троица послушно кивнула. Небрежным жестом Вартанов указал им на дверь. Дождавшись, пока они выйдут, он вновь повернулся к своей внимательной аудитории.

— Станислав Михайлович будет представлять мои интересы в ваших структурах. Он должен иметь полный и безоговорочный доступ к любым документам, и его мнение — это мое мнение. Настоятельно рекомендую это запомнить.

Теперь о наших затратах и ваших прибылях. Как вы понимаете,

основной козырь нашего совместного проекта — это оперативность. Создать в короткое время иллюзию крупномасштабной добычи на большой территории возможно, лишь вложив значительную сумму. По нашим расчетам, этот краткосрочный бюджет будет представлять собой следующее образование...

Совещание продолжалось не больше часа и окончилось подтверждением ранее достигнутых соглашений. Договор, разумеется, был устный, но для всех присутствующих было ясно, что это джентльменское соглашение стоит дороже любых нотариально заверенных документов.

Все разошлись. Кедров и Абашидзе поехали провожать контрагентов. Поскольку на какой-то, как я надеялся недолгий, срок им предстояло задержаться в Архангельске, они решили времени даром не терять и с ходу закрепить сегодняшний успех. Мы с Вартановым остались в номере вдвоем.

Как только закрылась дверь за последним гостем, Вартанов облегченно вздохнул и, потянувшись, как-то сразу сбросил с себя маску непреклонного диктатора и вновь превратился в радушного, доброжелательного старикашку. Я отметил про себя, что к

многочисленным достоинствам этого человека можно отнести и бесспорное актерское дарование.

— Ну чем не Калигула в Сенате? — сделал на секунду строгое лицо Вартанов и рассмеялся.

Я не успел ответить — в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул полковник.

Дверь отворилась, и в номер вошел Погосян. Вартанов не удивился, мне показалось, что он ждал возвращения Армена.

— Я нашел его, Александр, — без предисловий сказал Погосян. — Он очень болен и живет в Мудьюге.

— Ты уверен, что это тот

самый? — спросил Вартанов.

— Да, да. Это он. Он был начальником Кенийской экспедиции в пятьдесят втором году. Но сейчас у него ничего нет. Абсолютно не осталось никаких материалов. И он боится говорить. С тех пор все боится.

— Занятно, — задумчиво сказал Вартанов. — Единственный живой свидетель. Впрочем, это уже не имеет большого значения. Мне удалось достать нужные документы.

— Ты не хочешь встретиться с ним?

— Нет. Пусть доживает свой век спокойно.

Погосян ушел. Смысл разговора

был мне непонятен, и я почувствовал нешуточное раздражение. Вартанов стремительно, прямо на глазах, превращался в какого-то таинственного полубога, но роль послушного жреца при нем была мне не по душе. Видимо уловив мое настроение, он примирительно сказал:

— Не расстраивайтесь. Я вам доверяю, просто времени не хватило все рассказать. Сегодня вечером улетаем в Москву. Там вам все станет ясно.

Глава 31

ИГРА ТЕНЕЙ

— Ну вот, взгляните. —

Вартанов положил на стол несколько пухлых папок. — Как я и обещал, у вас появляется возможность достаточно полно представить себе историческую ретроспективу нашего предприятия.

Я зажмурился — полковник включил электричество, и свет яркой люстры неприятно резал глаза. До его приезда я несколько часов просидел в полутемной комнате, глядя на уютно потрескивающие дрова в камине и медленно

приканчивая бутылку скверного югославского рома.

Из Архангельска мы, что называется, «привезли» плохую погоду. Целыми днями лил холодный дождь, а ночью старый дом содрогался и скрипел на все лады от резких ударов ветра. По утрам Вартанов уезжал в город, а я оставался на даче один, продирал глаза в двенадцатом часу и, не торопясь, тащился на станцию, где в маленьком магазинчике железнодорожного потребсоюза обнаружили неисчерпаемые запасы югославского пойла. Я покупал пару бутылок и плелся под дождем на дачу по узеньким,

раскисшим от дождя улочкам
поселка.

Поселок был почти пуст —
дачный сезон давно уже завершился,
и только в одном доме, стоявшем
недалеко от нашего, жила
супружеская чета пенсионеров —
они регулярно совершали
послеобеденный моцион и
осуждающе смотрели на мою
небритую и слегка опухшую
физиономию, когда я попадался им
навстречу с очередными бутылками в
руках.

Конечно, мне следовало сразу
купить дюжину и не смущать
ежедневно своим
непрезентабельным видом эту

пожилую пару, но ром был единственным стимулом, чтобы хоть раз в сутки поработать ногами, иначе я всю эту неделю мог пластом проваляться на осточертевшей даче. Как только мы вернулись в этот оазис тридцатых годов, на меня вдруг навалилась страшная усталость, постепенно перешедшая в тупое безразличие ко всему. Я не задавал Вартанову никаких вопросов, да и виделись мы редко — уезжал он рано, возвращался поздно.

В таком состоянии мне было совсем не трудно не проявлять никакого интереса к его похождениям. Было просто приятно часами сидеть в удобном кресле и,

глядя на огонь, глушить зачатки любых мыслительных процессов солидными дозами сорокадвухградусного, резкого, с грубым ароматом напитка.

— Не желаете, Александр Гургенович? — постучал я пустым стаканом по бутылке. — Если потом вволю спать, то голова почти не болит.

Вартанов покосился на посудину, уже опорожненную мной на две трети, и вздохнул.

— Я понимаю, вам нужен отдых...

— Вот я и отдыхаю, — беззлобно сказал я, выливая остатки из бутылки в стакан.

— Послезавтра у вас будет возможность съездить на недельку-другую куда душе угодно, — продолжал полковник.

— Вот как? Махнем туда, где растет сахарный тростник, на мою славную новую родину, — заплетающимся языком пробормотал я. — Ей-богу, в Венесуэле ром значительно лучше, чем в Югославии...

— Вы в состоянии уделить внимание этим документам? — терпеливо спросил Вартанов, похлопывая по своим папкам.

— Что там? Рекламные проспекты фирм ритуальных услуг? — пьяно пошутил я. — Они

жаждут новых клиентов?

Вартанов расстроился.

— Я вдвое старше вас, и тоже порядком устал. Но, как видите, не позволяю себе превратиться в такой кисель!

— Браво, — лениво похлопал я в ладоши. — Видна закалка старой школы.

— Ну хорошо же! — сказал полковник сердитым голосом. — Сейчас я приведу вас в чувство.

Он куда-то вышел. Даже не посмотрев ему вслед, я мысленно выпил обжигающее содержимое стакана и снова уставился на огонь в камине. Люстра уже не мешала мне, глаза слипались сами собой, и

потихоньку я погружался в сладкий дурман сна.

Я почти уже совсем отключился, когда целая Ниагара ледяной воды обрушилась мне на голову. Хватая широко раскрытым ртом воздух, я попытался было вскочить, но новый водопад буквально утопил меня в кресле.

— Ну как? Освежились? — услышал я голос Вартанова.

Полковник аккуратно поставил пустое ведро около стола, взял непечатую еще бутылку рома и, отвинтив крышку, медленно вылил содержимое в камин. Веселым голубым цветом вспыхнуло спиртовое пламя.

— Я ваш должник, — сказал Вартанов и, усмехнувшись, посмотрел на этикетку. — Отдам более качественным продуктом.

Я поднялся с кресла, встряхнулся, как собака, и провел ладонями по мокрому лицу.

— Пойдите переоденетесь, — дружелюбно сказал Вартанов. — И займемся наконец делом. Обещаю, будет интересно.

— Кресла не жалко? — огрызнулся я.

— Нет. Для вас — ничего не жалко. Идите, идите. Время дорого.

Когда я спустился обратно, Вартанов уже ликвидировал последствия потопа, поставил на

стол старую бронзовую лампу с зеленым стеклянным абажуром и сидел, внимательно просматривая документы. Люстру он выключил, и красноватые отблески пламени камина, смешиваясь с рассеянным светом неяркой настольной лампы, придавали его профилю несвойственную при обычном освещении резкость, причудливая тень его фигуры на обшитой темным деревом стене вздрагивала, двигалась как будто самостоятельно. Он шевельнул рукой, переворачивая страницу, и тень совершила сложное колебание, в один миг увеличившись почти во всю стену и тут же вновь вернувшись в прежние границы.

Полено в камине гулко стрельнуло. Вартанов обернулся.

— Что это вы на меня так смотрите? — спросил он подозрительно. — Обиделись?

— Нет. Напротив — благодарен.

— Ну то-то же! Прошу к столу.

Я сел напротив полковника. В кругу зеленоватого света лежало четыре папки. Вартанов раскрыл одну, толкнул по столу ко мне.

— Сначала вот этим полюбуйтесь.

Папка содержала сотни полторы листов — фотокопия отчета геологической экспедиции. Кепинская экспедиция производственного объединения

«Севергеология» Мингео СССР
обнаружила россыпное
месторождение алмазов в долине
речки Кепина и обстоятельно
сообщала о том, как был достигнут
этот бесспорно выдающийся
результат.

— Ну и что? — зевнул я. — Что-то подобное я уже читал еще полгода назад.

— Полгода? — переспросил Вартанов каким-то странным голосом. — Вон ведро, сбегайте-ка еще разок к колодцу.

— Зачем это? — не понял я.

— Не протрезвели еще! — почти крикнул он и ткнул пальцем в нижнюю часть страницы, на которой

был раскрыт отчет. — Сюда поглядите!

Я машинально перевел взгляд по направлению его руки и, всмотревшись в текст, непроизвольно вздрогнул. Не может такого быть! Розыгрыш или фальсификация! Внизу страницы стоял паспорт регистрации, какой полагается на секретных документах. «МК №... С листов... исполнитель... отпечатал... экземпляр №... ПМ №... 16 октября 1952 года».

— Пятьдесят второго года... — растерянно произнес я вслух.

Я снова пролистал папку. Эти несколько строк, на которые я прежде не обратил внимания, стояли

внизу каждой страницы.

— А вот это вам как? — Не давая опомниться, полковник положил мне под нос следующий документ.

Тоже фотокопия. Сопроводительное письмо. Бланк какой-то воинской части.

«ВЧ №... Совершенно секретно. Министру МГБ СССР генерал-полковнику С. В. Игнатьеву. Представляю Вам предложения по проведению операции „Кристалл“. Приложения: 1. МК №... 26 листов СС, 2. МК №... 41 лист С. Командир в/ч №... генерал-майор ...»

Номер второго приложения совпадал с МК отчета геологической

экспедиции. На самом письме стояла чья-то виза, очевидно Игнатьева: «Начальнику 1-го управления т... Подготовьте наши замечания по „Кристаллу“ и направьте на согласование в адрес в/ч №... Срок исполнения 1 декабря 1952 года». Неразборчивая подпись.

Вартанов молча положил передо мной еще один лист. Адресаты те же, но гриф другой. Особо важно. «Представляю согласованный вариант операции „Кристалл“. Приложения: 1. МК №... 14 листов ОВ. 2. МК №... 38 листов СС». Дата — 24 апреля 1953 года. И размашистая виза через весь документ: «В связи с реорганизацией

аппарата МГБ — МВД необходимо ускорить первый этап плана „Кристалл“ и провести его не позднее сентября 1953 г. Исполнение поручить в/ч №... Л. Берия».

— Вот это да! — только и смог я сказать.

— Что? Бодрит? — усмехнулся Вартанов. — Спать уже не хочется? Вот в этих папках и находится весь «Кристалл». Читайте.

Двумя руками он пододвинул ко мне документы. Я читал около полутора часов. Вартанов терпеливо ждал, медленно прохаживаясь по комнате. Наконец я перевернул последнюю страницу и в каком-то оцепенении уставился на старого

полковника.

— Ну как? — спросил Александр Гургенович. — Напоминает кое-что, верно? Масштаб несколько другой, а так — совпадает.

Основной замысел идентичен.

— Поразительно! — согласился я. — Такое впечатление, что весь «Мираж» мы просто списали отсюда.

— Да. В который раз приходится убеждаться, что совершенно оригинальных идей просто не существует. Всегда можно откопать что-нибудь подобное в прошлом, если как следует постараться. Жаль, Володя не дожил. Уверен, что он бы оценил юмор ситуации.

— Где вы все это достали?

— У друзей, у друзей, — улыбнулся Вартанов. — К сожалению, только фотокопии. Оригинал мог бы произвести настоящую сенсацию, но это не входит в наши планы, верно?

— Да... Если выставить на каком-нибудь аукционе, можно обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь.

— Боюсь, что в этом случае она была бы очень недолгой, — деловито произнес Вартанов. — Несмотря на пыль времен, у этих бумаг еще сохраняется очень серьезная способность к детонации.

Он осторожно прикоснулся к

папкам.

— А какова дальнейшая судьба этого «Кристалла»? — спросил я.

— Если вы обратили внимание на фамилии и даты в письмах, то сопоставление их с известными событиями тех лет дает следующую картину...

Вартанов присел к столу и разложил документы перед собой слева направо в хронологическом порядке.

— Семен Игнатьев был министром МГБ с пятьдесят первого по пятьдесят третий год, — продолжил он. — Он не был профессионалом в разведке, строго говоря, он ни в чем не был

профессионалом. Партаппаратчик с классической карьерой придворного лизоблюда. Попытался наводнить министерство такими же идейными борцами за дело рабочих и крестьян, отодвигая в тень толковых и знающих дело ребят. Берия, кстати, терпеть его не мог. Но сам Лаврентий в эти годы непосредственно делами МГБ не занимался, он тогда курировал ряд оборонных проектов.

Как вы могли убедиться, архангельский алмазоносный район был открыт не в восемьдесят восьмом году, а гораздо раньше, в пятьдесят втором, за два года до якутских месторождений. И сразу же возникла идея об атаке на мировой

алмазный рынок. Но возникла она не в МГБ, возглавляемом в то время, как я уже сказал, партийными дилетантами, а в организации, дочерним подразделением которой являлось вот это учреждение.

Короткий указательный палец Вартанова провел по шапке бланка ВЧ...

— Чья это в/ч? — спросил я. — Наверное, ГРУ?

— Нет, — ответил Вартанов. — ГРУ не имело отношения к «Кристаллу». В то время в структуру спецслужб СССР входили МГБ, МВД, ГРУ, после войны еще некоторое время сохранялись подразделения СМЕРШа, был момент, когда ВВС и

ВМФ имели свои управления разведки, кое-что было и в структуре МИДа. Но с тридцать девятого года существовала еще одна спецслужба, о которой практически никто из широкой публики не знает, название и принадлежность этой организации никогда не афишировались, хотя работала она весьма интенсивно и результативно.

— Сейчас много пишут о тех годах, — заметил я.

Вартанов пренебрежительно усмехнулся.

— Пишут много, это верно. Но точной информации — кот наплакал. УСР. Ничего вам не говорит эта аббревиатура?

— Нет.

— Ну вот. А говорите — пишут.

Управление стратегической разведки. Существовало вне МГБ, ГРУ, МИДа и каких-либо еще государственных организаций. Само это название — уже информация с грифом «СС». Самостоятельный бюджет, собственные кадры. И собственные задачи. Детище Лаврентия. Он создал, он же бессменно возглавлял с тридцать девятого по пятьдесят третий год.

— Чем же занималось это управление?

— Оправдывало свое название. После войны работало в основном в интересах оборонной

промышленности. В сорок пятом Берия из органов ушел и курировал атомный проект, разработки по ПВО, ракетной технике, вычислительной. Вот эта контора и давала информацию, как идут дела в этих областях у потенциального противника. Там же и родилась идея «Кристалла». Проект грандиозный — вы могли убедиться. Но даже стратегическая разведка — это только разведка. Масштаб операции с необходимостью требовал подключения МГБ. Но Игнатьев не тянул, а возможно, и мешал. В марте пятьдесят третьего года Лаврентий выпер Игнатьева и возглавил МГБ сам, причем с идеей слить это

ведомство с МВД, его тогда Сергей Круглов возглавлял, человек очень способный и лично Берии преданный. Кулак складывался мощнейший, но все осложнила смерть Сталина.

— Что же дальше?

— А что дальше? Лаврентий потерпел поражение в схватке за власть — его взяли в июне пятьдесят третьего. Началась кадровая чехарда. Пока вожди друг дружку пинали, о «Кристалле» забыли потихоньку — не до того было. А в пятьдесят четвертом обнаружили Якутское месторождение — причем коренное, трубки взрыва. А Архангельское — только россыпи, мощность гораздо

меньше. И все, как говорится, «пошло другим путем». Гораздо более грубо и примитивно, чем разработка Бери. Он был талант исключительный в своем роде. О моральных сторонах этой личности говорить не будем, к тому же вы знаете мое мнение на этот счет.

— А стратегическая разведка?

— Ушла в небытие. Вслед за создателем. Но наследство осталось. Вот оно — перед вами. И кое-кто из людей тоже остался. Сейчас самое время поворошить прошлое.

С этими словами старый полковник куда-то вышел, а я остался в комнате, продолжая перелистывать документы. С каждой минутой я все

больше убеждался — передо мной лежало старое, но все еще очень грозное оружие.

Вартанов быстро вернулся, поставил на стол среди бумаг бутылку «Хеннеси» и рюмки.

— Вот теперь есть повод дернуть слегка. И, заметьте, гораздо лучший напиток, чем эта ваша гадость из местного сельпо.

— За что же мы выпьем?

— За то, чтобы мы были удачливее предшественников, — серьезно сказал Вартанов.

Сквозь тонкое стекло рюмки я поглядел на камин. Огонь уже догорал, слабенькие синеватые язычки пламени лизали обугленные

останки дров. А на стенах комнаты
колебались причудливые тени.

Глава 32

ЦЕНА ПЕРСПЕКТИВЫ

Уколкин и Кравцов приехали на дачу Вартанова порознь, с интервалом примерно в час. Кравцова полковник пригласил для заключения окончательного соглашения. Они уже встречались в Москве, вдвоем, без меня, и Вартанов заручился предварительным согласием моего протеже. Александр Гургенович справедливо считал, что Кравцов может оказать нам неоценимую помощь, особенно при

том развитии событий, которое стало возможно после обнаружения документов операции «Кристалл». Оставалось договориться о деталях совместного сотрудничества.

Уколкин приехал в этот день по собственной инициативе. Я предполагал возможность конфликта при его встрече с Кравцовым и честно сказал об этом Вартанову. Но полковник не разделил моих опасений.

— Ничего, пусть приезжает, — сказал он добродушно. — Его надо ввести в курс дела, да и у меня к нему есть кое-какие вопросы.

— Вам виднее. Мое дело предупредить.

— Сегодня ваше дело этим не ограничится, — туманно заметил полковник и добавил: — Я прошу вас внимательно наблюдать за всем, что будет происходить.

— А что будет происходить?

— Думаю, что серьезные вещи, серьезные... — С этими словами Вартанов пошел на кухню и занялся своим любимым делом — очередными кулинарными изысками.

Я был слегка заинтригован и решил, что старик прячет в рукаве еще какого-нибудь «туза» — возможно, дополнение к уже виденным мною документам.

Первым приехал Кравцов. Он держался скованно и напряженно,

было очевидно, что он испытывает сильное волнение. На все мои попытки как-то «размагнитить» его он реагировал слабо. С угрюмым видом и без особого интереса он пролистал документы, оставил папки на столе и подошел к окну, вглядываясь в унылый осенний пейзаж. Я заметил, что Вартанов, до сих пор почти словом не перебросившийся с Кравцовым, исподтишка внимательно наблюдает за нами.

— Слушай, Павел, — сказал я. — Сегодня Уколкин должен приехать, так что ты...

— Я знаю! — резко оборвал он меня и, повернувшись к Вартанову,

спросил: — Скоро?

Полковник ответить не успел — за окном послышался шум автомобильного мотора. Несколько минут спустя в комнату вошел Уколкин.

— Ну и дождь, чтоб его... — сказал он и осекся, увидев Кравцова.

Лицо Уколкина скривилось в неприятной усмешке.

— Так, так... — протянул он. — Стало быть, изменения в составе играющих команд. И, конечно, без моего ведома...

Взглянув на Кравцова, я понял, что эта встреча так же доставляет ему мало удовольствия.

— Ну ладно, ладно! —

примириительно сказал Вартанов. —
Давайте за стол. На голодный
желудок ссориться — это уже
чересчур...

Обед прошел в молчании.
Уколкин, всегда отличавшийся
завидным аппетитом, наворачивал за
милую душу, и постепенно к нему
возвращалось хорошее настроение.

— Отлично! — воскликнул он,
проглотив последний кусок
ростбифа и залив его
продолжительным глотком
мозельского. — Вы, Александр
Гургенович, могли бы возглавить
кухню «Национала»!

— Искусством нельзя
зарабатывать на жизнь, — выдал

сентенцию полковник. — Искусство должно быть свободным.

— Нет, ей-богу! Вы просто зарываете талант в землю, — продолжал льстить Уколкин.

Хорошее расположение духа овладело им окончательно, и, наполнив свой бокал, он сказал, обращаясь к Кравцову:

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Я обид долго не держу, советую и тебе. Ваше здоровье!

Кравцов промолчал, опустив глаза в стол. При последних словах Уколкина он заметно побледнел, пальцы рук сжались в кулаки. Уколкин заметил и усмехнулся.

— Ты кушай больше, — ласково

сказал он. — Поможет от нервов.

Кравцов хотел встать, но Вартанов попридержал его за рукав.

— Вы в курсе архангельских событий? — переводя разговор в деловую плоскость, спросил он Уколкина.

— Да, Жорик звонил на днях. Славно вы там все провернули! Теперь — вперед, труба зовет! Раскрутимся на полную катушку!

Уколкин пододвинул к себе тарелки с закусками, намазал большой ломоть хлеба маслом и сверху положил паштет, аккуратно подравнивая края бутерброда ножом. Смотреть, как он управляет за столом, было приятно — возбуждало

аппетит.

— Раскрутиться, конечно, можно, — сказал Вартанов. Склонив голову к плечу, он внимательно смотрел за манипуляциями Уколкина. — Надо только прояснить один небольшой вопрос.

— Что за вопрос? — с набитым ртом спросил Уколкин.

— Я думаю, можно начать? — обратился Вартанов к Кравцову.

Тот кивнул, поднялся и, обойдя стол, остановился рядом с Уколкиным. Михаил перевел недоуменный взгляд с Вартанова на Кравцова и, шумно сглотнув, спросил:

— В чем дело-то?

— Дело в том, — сказал Вартанов, — что всем нам хотелось бы знать, за что вы убили Владимира Георгиевича Саманова?

Лицо Уколкина окаменело. Он внимательно смотрел на Вартанова и молчал. Около минуты длилась эта тяжелая пауза. На меня вопрос полковника произвел сильное впечатление — в один миг деловой обед единомышленников превратился в какую-то сюрреалистическую сцену, внутренний механизм которой был мне решительно непонятен.

Наконец Уколкин медленным движением положил нож на стол, улыбнулся и вдруг резко рванулся из-

за стола, попытавшись вскочить. Кравцов ударил с такой скоростью, что я едва успел увидеть, как двигалась его рука. Удар был коротким, без замаха, внешне не впечатляющим. Казалось, просто пальцы слегка прикоснулись к шее. Но Уколкин сразу обмяк, рухнул на стул, голова его запрокинулась. Кравцов быстрым движением извлек пистолет из-под пиджака Уколкина и бросил его Вартанову. Тот поймал оружие, вытащил обойму и спрятал ее в карман. Кравцов достал небольшие изящные наручники черного цвета и защелкнул их на запястьях Уколкина.

— Ну как? — спросил Вартанов,

повернувшись ко мне. — Надеюсь, реакция этого мерзавца многое объясняет?

— Ничего не объясняет! — резко ответил я. — Что это за фарс вы здесь разыгрываете?

— Какой уж там фарс, — печально ответил Вартанов. — Трагедия. Сейчас убедитесь.

Уколкин уже приходил в себя, открыл глаза, встряхнулся, дернул руками, поглядел на наручники, выругался, оперся локтями на стол и опустил лицо в ладони.

— Ну что? — мягко спросил Вартанов. — Вы в состоянии ответить на мой вопрос? Зачем вы это сделали?

Уколкин молчал.

— Но, послушайте, здесь какая-то ошибка! — решил я взять на себя роль адвоката. — Я же рассказывал вам о цифре «52» на календаре Саманова. Написано было его рукой — сомнений нет.

— Ну и что? — спросил Кравцов.

Уколкин поднял голову, посмотрел на меня, провел языком по губам.

— Как — что? Карьера снайпера завершилась на счете пятьдесят один. Он просто добавил свою жизнь к этому результату.

— Очень романтично, — сухо сказал Вартанов. — Я бы принял

такую версию, если бы не два обстоятельства. Первое. Я звонил Саманову утром этого дня, мы разговаривали довольно долго, и он совсем не напоминал самоубийцу. А разговор шел об известных вам документах. Я сказал ему, что обнаружил материалы, подтверждающие, что Архангельское месторождение было открыто в 1952 году. Смею думать, что именно год был записан в его календаре.

— Но это могло быть совпадением. Простым совпадением, — настаивал я. — Ваше предположение никак не доказывает факт убийства.

— Само по себе — нет, —

согласился полковник. — Но есть и второе обстоятельство. Как вы помните, в день прилета Кедрова из Иркутска я оказался в квартире Саманова на полчаса раньше вас. Один из охранников был еще жив. Насколько я понял, ему ввели значительную дозу подобного препарата.

Вартанов достал из бокового кармана пиджака плоскую светло-зеленую коробку, раскрыл и показал мне. Коробка содержала четыре толстеньких ампулы прозрачного стекла. В каждой было около кубика жидкости светло-желтого цвета.

— На базе морфина, — сказал полковник, — «эликсир правды». Не

самая свежая разработка, но достаточно эффективная. Следы я обнаружил на шприце — препарат имеет характерный запах. Подозрения у меня были с самого начала, и, естественно, я не упустил представившейся мне возможности. Тем более что охранник был уже не жилец. Он подтвердил — Володю застрелил вот этот мерзавец.

Я молчал, осмысливая его слова. Даже если Вартанов врал, я не мог его опровергнуть. Кроме того, я начинал понимать, что защита бесполезна — что-то в голосе полковника, да и в глазах Кравцова говорило мне, что Уколкин уже приговорен. И все же я сделал еще

одну попытку.

— Саманов был тяжело болен. Вероятно — рак. Он принимал морфий.

— Кто это вам сказал? — удивился Вартанов.

И удивление это явно не было наигранным.

— Он сказал. — Я кивнул на Уколкина.

— А-а, — протянул полковник. — Ну что же — попытка укрепить алиби, и все. Саманов был здоров, насколько, конечно, можно быть здоровым в этом возрасте. Но никакого рака у него не было. Это точно. Если сомневаетесь, легко можно проверить. Но стоит ли?

Настолько-то, надеюсь, вы мне доверяете?

Я кивнул. Вранье Уколкина было для меня весомым аргументом. Но кое-что еще оставалось неясным.

— Но мотивы? — спросил я.

— Вот это я и хотел узнать, — сказал Вартанов и положил на стол препарат. — Ответишь сам или будем применять? — спросил он Уколкина и раскрыл зеленую коробку.

Тот поднял голову и посмотрел на ампулы.

— Я стрелял, — сказал он каким-то безразличным голосом. — Хотел сам...

— Хотел сам... — повторил Вартанов, откинулся в кресле и

прикрыл глаза. — Собака взбесилась и загрызла хозяина.

— Я могу... — начал было Уколкин.

— Молчать, — тихо сказал Вартанов. — Ты не можешь уже больше ничего.

Он вынул обойму из кармана, вставил в рукоятку пистолета и дослал патрон в ствол. Уколкин зажмурился.

— Поехали! — бросил Вартанов и, засунув пистолет за ремень брюк, пошел к двери.

Кравцов рывком поднял Уколкина, потащил из комнаты. Я остался у стола. В дверях Вартанов обернулся, бросил на меня тяжелый

взгляд. Я выдержал, не опуская глаз.

— Ну и черт с тобой, — сказал полковник и вышел.

Я сидел за столом, тупо глядя на объедки в уколкинской тарелке. Слышно было, как от дачи отъехала машина...

Они вернулись часа через два. Без Уколкина. Молча вошли в комнату, выпили по стакану коньяка. Я ждал их, полностью собранный в дорогу, большая спортивная сумка стояла на стуле рядом. Вартанов окинул пристальным взглядом мою экипировку.

— Изволите нас покидать?

— Вы обещали две недели.

— Десять дней. Максимум. Куда

направитесь?

— Еще не знаю. Может быть, в Саяны.

Вартанов нахмурился.

— Выбор не самый удачный. Что это у вас за ностальгия? А впрочем, теперь опять все стало на свои места. Я позвоню в Иркутск, вас встретят должным образом.

— Спасибо.

— Не стоит. — Он протянул мне руку. — Значит, договорились — десять дней, не опаздывайте. И не сомневайтесь — вас ждет блестящая перспектива.

Глава 33

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ В НОВОМ СЕЗОНЕ

Ночные заморозки стали уже продолжительными и сильными — к утру в ведре можно было обнаружить кусок льда. Но днем солнце припекало, и, если не было ветра, становилось даже жарковато. Октябрь — красивое время в горной тайге, особенно когда нет дождей. Воздух чист и прохладен, и долго не устаешь на ходовой охоте. А если все

же пришла усталость, то можно прилечь на сухой разноцветный мох и долго смотреть в спокойное бледно-голубое высокое небо и думать только про сегодняшний день и про охоту и совсем не тянет вспоминать. А если уж совсем повезет и охота будет удачной, то этот ясный и тихий октябрьский день останется в памяти навсегда; и можно быть уверенным, что ты пополнил тот капитал, который невозможно ни потратить, ни проиграть.

...На небольшой поляне, около еще не остывшей туши оленя стояли два егеря в одинаковых камуфляжных костюмах и болотных сапогах. Один

из них был стар, его загорелое лицо было покрыто сетью глубоких морщин, а голубые глаза уже стали блеклыми, потеряли яркость. Второму не было и двадцати, он был мускулист и плотен, даже излишне — от быстрой ходьбы куртка промокла на спине и дышал он жадно и часто. Эта охота была первой в сезоне, и он еще не успел набрать форму. Его сухопарый напарник намного легче перенес многочасовое преследование.

— Здоровенный какой! — Младший егерь присел возле трофея и осторожно провел рукой вдоль позвоночника зверя. — Три с лишним центнера будет, точно!

— Большой! — подтвердил пожилой егерь. — Давно таких здесь не видел. Первый выстрел — и так удачно! Хорошо сезон открыли.

Огромный марал лежал на краю поляны. Пуля настигла его у самой кромки кустов, роскошная корона рогов зацепилась за можжевельник, и казалось, что олень приподнял голову и чутко прислушивается, готовый вскочить. Но подернувшиеся сероватой мутью большие глаза были мертвы.

— Давай свежевать, что ли? — сказал старик.

— Погодим. Может, он сфотографироваться захочет, — ответил молодой и кивнул в сторону

деревьев, за которым слышался гул быстрой горной реки.

— Черт его разберет! — беззлобно сказал старший и, присев рядом с оленем, достал из кармана куртки пачку дешевых сигарет. — Три дня почти без сна по горам прыгали, прыгали за этим маралом, а добыл — и смотреть не хочет. Станный мужик.

— Не... — не согласился молодой. — Он переживает! Нормально!

Он снял пятнистую куртку, небрежно бросил ее на мох и прилег, заложив руки за голову.

— Красиво здесь осенью! Все желтое, красное, тайга аж горит!

— Тайга в июне хорошо горит, — усмехнулся старик, со вкусом затягиваясь сигаретой. — В первых числах зимовья готовили на Саржинке, еле выскочить смогли.

— Классный выстрел! — Молодой перекатился на живот, дотянулся рукой до шеи оленя. Пальцы нащупали липкую кровь. — Шейные позвонки перебил. Умеет!

— Еще бы не уметь с такой дурой! — Старик кивнул на тяжелый «спрингфилд» с сильной оптикой, что висел на суку стоящей рядом лиственницы. — Прицел вон какой здоровый, что твой сапог.

— Не... Он умеет. И в тайге раньше жил, сразу видно. Сейчас

ЭТИХ «НОВЫХ» сколько приезжает — не знают, с какой стороны ружье заряжать. А этот — умеет.

— Охота нонче в моде, — согласился старик. — И откуда денег столько у людей? Один пузатый приезжал в прошлом году, ружье на Барбитае утопил. Лодка в завал ткнулась, он и выронил. Ружье такое, что в музей сдавать можно — гравировка золотом, приклад резной. Я его спрашиваю: «Будем доставать?» А он: «А ну его на... я замерз, поехали отсюда!» Во как!

— А ты небось достал?

— Достал, конечно, — усмехнулся старик. — Через неделю как пузатый уехал, так и достал.

— Себе оставил?

— Продал. Нам такое ни к чему.

Мы к своему больше привычны. —
Старик ласково погладил облезлую
ложу старенькой «Белки». [\[14\]](#)

— Дорого взял?

— А то! На «Урал» хватило и
погулять еще осталось.

— Повезло!

— Повезло, — подтвердил
старик. — Ну куда же он
запропастился?

Как бы в ответ на его вопрос на
краю поляны показался охотник. На
нем был дорогой, несколько
пижонский охотничий костюм
оливкового цвета, высокие ботинки
вишневой кожи и круглая шляпа с

небольшими полями и пестрым пером на тулье. Он подошел к егерям и присел рядом.

— Ну что, мужики? Выпьем на крови?

С этими словами он достал из кармана плоскую серебряную фляжку, отвинтил пробку-стаканчик и, наполнив густой темной жидкостью, поднес старику. Тот с поклоном принял, медленно выпил, крякнул и, переведя дух, вернул стаканчик. Наполненный вновь, тот перешел к молодому, а хозяин фляжки приложился к ее горлышку.

— Вещь! — сказал молодой. — Внутри как фонарик зажегся!

Охотник кивнул. Сравнение ему

понравилось, и фляжка несколько раз прошла по кругу, пока не опустела совсем. Убедившись, что источник иссяк, охотник достал из нагрудного кармана небольшую рулетку и попросил молодого егеря:

— Измерь рога. Внутренний размах. Знаешь, как правильно?

— Обижаете, начальник!

Парень повозился у головы оленя и радостно крикнул:

— Сто тридцать семь баллов! Без скидки! Трофей — высший класс!

Охотник удовлетворенно кивнул.

— Ладно, я пойду поброжу здесь в округе, а вы разделывайте. Вертолет к вечеру будет, часов пять

есть еще.

Он снял с дерева карабин и, закинув на плечо, ушел в сторону реки.

— Большая шишка! — сказал старик, когда охотник скрылся среди деревьев. — Председатель охотобщества сам встречал, аж винтом ходил! Лицензию — без звука, вертолет — пожалуйста. Как секретарь райкома при большевиках!

— Откуда он?

— Из Москвы, говорят. А кто такой — Бог его знает. И что ему приспичило на Мурхой забраться? И поближе к городу хорошая охота есть.

— Кажется мне — бывал он здесь раньше.

— Да ну! Откуда?

— Не скажи! А тропу старую к переправе он сразу нашел. Мы по карте — еле-еле, а он сразу. Я говорю — бывал!

— Спросить разве? — с сомнением протянул старик. — Да ну их! Какое нам дело! Бывал — не бывал...

— Это точно! Главное — клиент доволен, значит, егерь будет сыт.

— И пьян, и нос в табаке, — ухмыльнулся старик. — Ну, приступим, помолясь!

Они стали разделявать оленя. Работали молча, сосредоточенно, умело. Каждый подавил в себе любопытство, длинный язык — это

враг. Такой работой, как у них, стоило дорожить — с работой в городе стало теперь туго, ну а о таких деньгах, какие они получают, многим и мечтать не приходится. Конечно, клиент разный попадается, иногда от одного вида напыщенной толстой рожи блевать тянет, но платят всегда здорово, без исключений. А кроме денег, иногда и подарок перепадет, если уж совсем удачной оказалась охота — бинокль, фотоаппарат дорогой (с дешевыми эти не ездят), а то и ружье. Молодой егерь представил себе, как улыбающийся клиент протягивает ему «спрингфилд». Нет, марал хорош, конечно, но такой винтовки не стоит.

Эх, задержался бы этот охотник еще на месячишко. С ним работать приятно — нормальный мужик.

Охотник, миновав небольшой перелесок, вышел к реке. В этом месте Мурхой делал крутой поворот, и слева по течению, за перекатом открывалась широкая галечная коса — именно здесь должен был сесть вертолет. Он прошел в конец косы, поднялся немного вверх, подошел к старому, могучему кедру. Примерно на высоте человеческого роста дерево было обкручено несколькими витками серой, полусгнившей веревки.

Охотник дернул короткий обрывок, и веревка порвалась,

рассыпалась в пыль в его руке.

«Здесь была переправа, — подумал он. — А вон за теми кустами должна быть поляна, на которой мы так и не разожгли костер...»

Продравшись через кусты, он вышел на поляну.

В самом ее центре возвышался небольшой холмик, сверху на нем лежало несколько кусков гранита и торчал грубый, простой крест из лиственницы. Охотник подошел к кресту, медленно стянул с головы тирольскую шляпу...

...Вертолет плавно подплывал к косе, сильный поток воздуха от винтов закручивал маленькие

смерчки на воде. Егеря, придерживая кепки, согнувшись, отвернулись от машины. Вертолет коснулся колесами гальки, выключился двигатель. Механик открыл дверцу, сбросил трап.

— Ну как, парни, с мясом будем? — весело крикнул он егерям.

Вместо ответа молодой поднял вверх голову марала с великолепными рогами.

— Ого! — оценил пилот. — Призовой трофей! А где стрелок?

— Пойду поищу, — сказал старший егерь. — Вертушку должен услышать, сейчас подойдет.

Он пошел вдоль берега и у конца косы столкнулся с охотником. Тот

шел навстречу, что-то подбрасывая в руке.

— Еще добыча? — спросил егерь.

Охотник протянул левую ладонь. На ней лежало несколько позеленевших автоматных гильз. Егерь взглянул удивленно:

— Зачем вам это добро?

Вместо ответа охотник полез в карман, вытащил что-то и добавил к гильзам. Опытные глаза старика хищно сощурились. На ладони лежал небольшой, с ноготь среднего пальца, самородок, красновато-желтый, гладкий, обкатанный водой.

Охотник сжал кулак и внезапно, сильно размахнувшись, бросил

гильзы и золото в реку. Металл, сверкнув в лучах заходящего солнца, исчез в пене гудящего потока.

— Жалко? — спросил охотник ошалевшего егеря.

Старик кивнул, не отрывая взгляда от места, где упал самородок.

— Не стоит, — сочувственно сказал охотник. — Здесь очень много золота. Но мне не известен ни один человек, которому оно принесло бы удачу.

— Почему? — хрипло спросил старик.

— Почему? — Охотник подумал минуту. — Наверное, потому, что в любой игре выигрыш всегда сомнителен, а риск — абсолютен.

Так сказал Паскаль.

Он повернулся и, провожаемый недоуменным взглядом старого егеря, не спеша пошел к вертолету.

notes

Примечания

Крока — чертеж участка местности, отображающий ее важнейшие элементы, выполненный при глазомерной съемке.

Турель — установка для крепления пулеметов или малокалиберных автоматических пушек, обеспечивающая их наводку в горизонтальной и вертикальной плоскостях, а также круговой обстрел.

Фольварк — небольшой хутор.

Нодья — вариант костра,
рассчитанный на долгое
равномерное горение.

СС — совершенно секретно.

ОВ — особо важно; высшая степень допуска (форма № 1).

Интроспекция
самонаблюдение.

—

КПР — Курсы полярных
работников (учебный центр
метеорологов в пос. Кучино
Московской обл.).

РД — радиограмма (сленг радистов).

РЛС — радиолокационная станция.

Конят — боятся (*угол. жарг.*).

Чок — дульное сужение, обеспечивающее кучность дробового выстрела.

Шнеллер — устройство
регулировки усилия на спусковом
крючке.

«Белка» — модель
промыслового ружья.